

Илья Бриз
Держава под зверем
Зверь над державой – 2



«Держава под зверем»: ЛенИздат; 2010

Аннотация

16 июня 1940 года тоже было воскресенье. Германия напала на год раньше. Англия и Франция выступили на стороне фашистов — вся Европа ополчилась на СССР. И нет у Сталина союзников. Разве что... попробовать заинтересовать далекие заокеанские Штаты? Но есть, еще с 37-го года, доступ к технологиям XXI века, вплоть до ядерных и космических, есть не большая, но хорошо обученная и отлично вооруженная армия. И есть еще двое, посланные в тот параллельный мир, где время течет почти в четыре раза быстрее, чем у нас, прогрессировать Советский Союз. Двое, «вселившиеся» в молодых парней. Один уже генерал-полковник и директор могущественной Службы Государственной Безопасности. А вот другой... Как они вместе с Л.П.Берией повернут историю там? Что вообще может сделать современная информация с тем миром? И смогут ли они оттуда изменить наш мир? Продолжение «Шмеля», переименованного в "Зверь над державой".

Илья Бриз

Держава под зверем

Две глупости были приняты Западом на веру: то, что «холодная война» закончилась, и то, что Запад победил...

Недавно видел секретные карты Генштаба... На них нет Северной Америки!

Подпись одного из участников форума, на котором написана эта книга.

— Товарищ генерал-полковник, — в двери появилась лысая голова Поскребышева, — телефонограмма от маршала Берии. Он срочно вылетел в Ленинград. Там какие-то проблемы на строительстве атомной электростанции. Так что сегодняшнее совещание ГКО придется проводить вам.

— Спасибо, Александр Николаевич. Справлюсь как-нибудь.

Обычно непроницаемое лицо Поскребышева расплылось в улыбку:

— А я и не сомневался.

Я сидел в кабинете Сталина в Кремле на втором этаже здания Сената и просматривал свежие сводки боевых действий.

«На западном фронте без перемен». Это у Ремарка. Того самого, который Эрих Мария. Любимый писатель юности. Соответственно, в моем прошлом мире. Там, где война началась в сорок первом. А здесь... Здесь Гитлер взял и объявил всеобщую мобилизацию в Германии двадцать пятого июня тысяча девятьсот сорокового года. Он еще на что-то надеется.

Советская армия неудержимо рвется вперед. Развернутая по плану «Барбаросса» группировка немецких сухопутных войск состояла из трех групп армий, девяти отдельных армий и трех танковых групп, включавших в себя сорок корпусных управлений (из них шесть — управления моторизованных корпусов), сто тридцать пять дивизий и одну бригаду. Эти войска в первый же день войны шестнадцатого июня тысяча девятьсот сорокового года должны были прорвать оборону советских войск и стремительным наступлением танковых групп развивать успех в направлении Москвы, Ленинграда и Киева. Не вышло. Вперед, на запад, пошли советские солдаты. И как пошли! Основное наступление развернулось на Западном фронте, которым командовал генерал армии Жуков. Сосредоточенные в лесах Белостокского выступа танковые корпуса молниеносным ударом прорвали фронт, вырвались в глубокий тыл противника и, разделившись, повернули на север и юг. Одновременно в расширяющийся прорыв закреплять успех ринулись мотострелковые бригады Западного фронта. Повернувший на север танковый корпус генерал-лейтенанта Катукова отрезал танковую группу немецкого генерал-лейтенанта фон Клейста и девятую армию генерал-полковника Бласковица и, замыкая котел, вышел к Данцигу, заодно отрезав от Германии всю Восточную Пруссию. Скорость движения поражала. Германцы просто не успевали реагировать. Следом за танками мотострелки под прикрытием многочисленной авиации спешно занимали оборону в тылу основного сосредоточения войск противника, не допуская разрывов линии фронта. Повернувший к югу корпус генерал-майора Рыбалко стремительным броском вышел к Варшаве и встретился там с частями генерал-майора же Ротмистрова. Соединившись, они с ходу вошли в город и захватили мосты через Вислу. Таким образом, танковое соединение генерал-полковника Гудериана и четвертая армия фон Клюге (последний также в звании генерал-полковника), состоявшая из четырех армейских корпусов и одиннадцати пехотных дивизий, опять-таки оказались в большом «котле». Наши танки прорвали оборону противника под Брестом и Люблином, Перемышлем и Ужгородом. Прорыв корпуса генерал-лейтенанта Полубоярова из-под Галаца на Плоешти лишил Германию румынской нефти.

Советский план первых недель войны был в основном выполнен. Все три немецкие группы армий были окружены, разрезаны и отсечены от снабжения.

А вот лично у меня, директора Службы Государственной Безопасности Советского

Союза не все так радужно. Казалось бы, чего мне еще надо? Три года назад я, безногий и однорукий инвалид, бывший майор спецназа ФСБ был десантирован в этот, как говорит мой друг и по совместительству директор проекта «Зверь», подполковник ФСБ Юрка Викентьев, параллельно-перпендикулярный мир в тело двадцатитрехлетнего младлея ГБ (Звание младший лейтенант Государственной Безопасности соответствует общевойсковому старшему лейтенанту). За этот короткий срок я взлетел аж до четвертого человека в негласной табели о рангах на вершине власти нашей державы. Но основное задание у меня — максимально быстрое прогрессирование этого мира, в котором время течет почти в четыре раза быстрее, чем на первой моей Родине. А связи нет уже неделю. Что у них там произошло? В нашем мире почти все хорошо, а они оттуда на связь почему-то не выходят. И судя по всему, у меня здесь появился напарник из того мира. Васька Сталин вдруг как-то очень быстро в человека превратился. Мой особист, поставленный присматривать за ним, докладывает очень интересные вещи. Парень вдруг практически бросил пить и залетал если не как сам Господь Бог, то уж как его заместитель по летной подготовке. Рвется в бой и мочит фрицев почти в каждом вылете. Разделяет как бог черепаху по несколько штук зараз. Нашли, значит, подходящего донора в том мире? Норму Героя Советского Союза по сбитым Васька уже перевыполнил. Вот его папаша, то бишь мой будущий тесть, со встречи с Рузвельтом возвратится, пусть сам ему Звезду на грудь и вешает. Постановление Верховного Совета уже есть. Командующий ВВС генерал-лейтенант Рычагов нахвалиться майором не может. Полк ему вчера дал. Надо бы мне выбрать время и слетать посмотреть на этого нового Ваську Сталина. Заодно свою любимую проведу. Соскучился за короткое время до жути. Концертная бригада, в которой вольнонаемной служит Светлана Сталина, там где-то недалеко должна выступать.

Глава 1

Черт! Как голова болит! Надо же было так надраться вчера. Надраться? Пара бокалов «Вдовы Клико» — это надраться? «Какое шампанское? — доносится до меня откуда-то из глубины. — Два полуведерных бутылка с самогоном!» Какой самогон в ресторане? В этой таверне «У веселого шушпанчика»? «Да нет же, самогон, — опять лезет из глубины. — Ну и что, что с сивухой? Ведь хорошо же было?» Тихо шифером шурша, крыша едет не спеша? Никогда за собой такого не замечал. Зажать эти, непонятно из какой глубины лезущие мысли и взять себя в руки! Собраться! Усилим воли убрать боль. Уже лучше. Оценить обстановку и принять решение. Ты профи или где?

Так, лежу на спине, в одежде на чем-то жестком. В сапогах. В сапогах? С курсантских времен я сапог не носил! Отвлекаюсь. Не дело. Еще раз собраться и прокачать ситуацию! Вчера решили съездить в ресторан, отметить успешное начало войны там, в том мире. Нападение. Я прикрыл отход и ждал наших спецназовцев. Викентьев подергался, но приказ выполнил. Затем эта чертова граната... Викентьев приказ выполнил? Нарушил приказ и десантировал меня туда! Туда? Теперь уже — сюда. Ну, Юрий Александрович, присягу же нарушил!

Черт! Черт! Черт! Опять совершенно не о том думаю. С Викентьевым потом разберусь. Сейчас ситуацию прокачать надо. Никогда я таким расхлябанным не был. Или это от реципиента взялось? Задавить расхлябанность немедленно! Не первый раз в сложную ситуацию попадаю. Работаем! Подавить в себе явную алкогольную интоксикацию. Сделано. Дальше. Кто я и где нахожусь?

Осторожно заглядываю в эту непонятную глубину. Васька? Василий Сталин? Ну ни х... себе! Стоп. Я же давно отучил себя ругаться матом. Это не мое. Это Васькино. Васькино? Все, нет больше Васьки! И полковника ФСБ Павла Ефимовича Когана нет. Есть Василий Иосифович Сталин! Не Джугашвили, а именно Сталин. Раз попал сюда, то надо соответствовать. Соответствовать и служить Родине! Родине или отцу? Кажется, на меня прилично наложил отпечаток Васькин менталитет. Значит, надо прокачать через себя его

память и выкинуть все лишнее. Как там Женя Воропаев рассказывал, надо работать с памятью? А ведь просто великолепно все помню! Еще раз стоп! Что рассказывала Ольга Шлоссер о выясненных последствиях переноса? Лучшая реакция, ускоренный метаболизм, отличная фотографическая память, повышенная регенерация. А Женя-Егор потом добавил про отличный слух, ночное зрение и выборочную эмпатию по желанию подсознания. Плюс низкая восприимчивость к алкоголю, повышенная потенция и постоянное чувство голода, со временем легко контролируемые. Просто супермен какой-то! Круто, как говорит молодежь! А я что, старый? Я же теперь молод! Мне же теперь не далеко за шестьдесят, а всего лишь девятнадцать! Девятнадцатилетний летеха! Вся жизнь впереди! Звание явно дали раньше времени за фамилию, а не за способности. А ну-ка...

Концентрируюсь и представляю себя за штурвалом. Могу! Еще как могу! Как хочется в небо! Ничего, сейчас около трех-четырех ночи. Внутренние часы работают. Очень хорошо. Утром выбью себе полет. Обязательно выбью и отведу душу. В том мире медики меня уже полтора десятка лет за штурвал не пускали. Но с Викентьевым я все равно разберусь! Приказы нарушать нельзя! Жизнь ему ломать не станем, но наказать надо будет обязательно. А сейчас все посторонние мысли в сторону и принимаемся за дело. Работа — прежде всего. Сначала разберемся с ближайшей памятью Васьки, именно Васьки, потому что Василий — это теперь я, а затем надо синхронизировать моторику тела, чтобы никто не заметил вселения.

Вызвать в себе Васькину память и бутафорить под него проблемы для меня труда не составит. А потом постепенно сделаю вид, что повзрослел и остепенился. Практически бросил пить и стал нормальным человеком. Выпить Васька действительно любил. Была в нем такая вседозволенность. А в отношении к окружающим — еще и снисходительность. Недостатки воспитания. В детстве слишком много ему разрешалось. Рос без матери и практически без отца. Управление государством у Иосифа Виссарионовича очень много времени занимает. Вот что мне со Светкой и отцом делать, пока не представляю. Прошерстил Васькину память и почувствовал их родными. Даже Синельникова к Светке приревновал. Развратил сестренку. Вот умом понимаю, что они искренне любят друг друга, а все равно ревную. Черт знает что! Иосиф Виссарионович... Даже про себя называть его так очень трудно. Папа или отец? Легко! Там я его никогда не любил. Считал тираном. Уважал — это да. Да и было за что. А здесь... Именно, что люблю, как отца. Чудны дела твои, Господи. Опять Васькины слова. Не верю я в Бога. А в отца верю! Верю, что не ради личной власти поднялся отец на ее вершину. Верю, что благо державы для него во много раз важнее личных благ. Сколько в том мире после его смерти в шкафу обнаружили костюмов? Один гражданский, три повседневных френча и штопанный мундир генералиссимуса, в котором потом и похоронили. Черт! Аж передергивает всего, когда отождествляю мертвого Сталина из того мира и отца.

* * *

А ведь это действительно счастье! Снова сидеть в кабине самолета и крутить пилотаж пусть не на тяжелой реактивной машине, а на легоньком «Яке». Молодцы все-таки инженеры Викентьева. Отличную машину сделали! Мгновенно и точно реагирует на рули. Мощный тяговитый мотор и вполне приличное пушечное вооружение. Вот только немного слабовата конструкция. Но это только для меня с дарованными «коэффициентом выживания» возможностями. Для обычного пилота нормально. Машина позволяет делать очень многое, что раньше мне даже на винтовых самолетах и не снилось. Очень легкое управление с великолепными пилотажными качествами.

Я закрутил восходящую бочку с очень малым радиусом. Перегрузка до четырех «же»¹

¹ g — ускорение свободного падения. Соответственно при четырехкратной перегрузке на, скажем, семидесятипятикилограммового пилота действует нагрузка в триста килограммов.

в течение десятка секунд! Такого я не позволял себе в том мире даже молодому во Франции на спортивной пилотажной машине. Иду как по ниточке вокруг воображаемой оси спирали до почти полной потери скорости и сваливаю «Як» на крыло. Переход в штопор. Ого! Он еще сопротивляется! Патронные короба полны снарядов и центровка² машины смещена несколько вперед. Ну-ка, посмотрим на выход? Бросаю ручку управления, выдергиваю ноги из педалей и выставляю РУД³ на минимум. Даже не закончив витка, машина переходит в пологое пикирование с постепенным выходом в горизонталь. Хороша ласточка! РУД на максимум и вверх. Да, это конечно не любимая «сушка», где тяга движков превышает вес самолета и можно почти до стратосферы идти вертикально без потери скорости, но тоже очень и очень неплохо!

Издевался над собой и машиной почти полчаса. Н-да, сам-то выдержал, а вот ласточке явно поплохело. Сильно потянуло в левый крен, и резко упала эффективность рулей. Прости, дорогая, но зато теперь я знаю, чего можно требовать от твоих подруг. А ты... Что делать, родная, разберут тебя на запчасти, отдефектуют узлы и детали. Полетаешь еще в телах своих сестер.

С горем пополам посадил «Як» и, отдав потрепанную машину техникам, пошел КУЛП⁴ листать. В той, прошлой жизни он мне конкретно на этот самолет, увы, не попадался.

* * *

Почему Викентьев не выходит на связь? Утром специально час просидел в кабине «Яка» с включенной рацией. Что у них там творится? Судя по тому, что я ничего не помню после взрыва гранаты, со мной там было все очень плохо. Надо как-то с Синельниковым связаться. У него информация точно должна быть.

— Васька, смотри, — в двери появляется Колька, мой ведомый, расстегивает китель и вытаскивает прижатую ремнем бутылку беленькой.

Ну, хоть не самогон, уже неплохо. Хороший Колька парень и пилот отличный. Его и поставили-то мне спину прикрывать, так как из молодых он здесь лучший. Был. До сегодняшнего дня. Вот только разп... тьфу, разгильдяй. Надо от Васькиных словечек избавляться. Так, резко имидж менять нельзя. Делаю радостную ухмылку.

— Наливай!

Не успели. Только Коля достал стаканы, пока я вытаскивал из тумбочки немудреную закуску, как появились Голубев, командир нашего звена, и его ведомый Леха Устименко.

— Ни стыда ни совести, — изрекает Иван Голубев, — нет бы товарищей позвать.

— А где вы шляетесь? — Николай достал еще посуду.

— К технарям ходили. Было на что посмотреть. Инженер полка долго ругался, подписывая акт списания твоей, Васька, машины, — объяснил Устименко.

— Он тебе новый самолет, знаешь, с каким номером выделил? — усаживаясь рядом со мной на койку, спросил старший лейтенант Голубев. Увидев мой вопросительный взгляд,

² Центровка. Грубо говоря — положение центра тяжести самолета относительно его продольной оси. Расходование боеприпасов из снарядных ящиков приводит к ощутимому смещению центровки назад, что приводит к изменению летных характеристик. На таком, в общем-то, очень хорошем самолете, как «Кобра», получаемом из Америки по ленд-лизу, бывали неоднократные случаи сваливания истребителя по возвращении из боя в плоский штопор. Пилоты, увы, гибли. Рекомендую почитать воспоминания Покрышкина.

³ Рычаг управления двигателем.

⁴ КУЛП — курс учебно-лётной подготовки. Основное руководство по обучению пилота полету, эксплуатации и ведению боя (для военных самолетов) на конкретной модели самолета. Содержит подробные тактико-технические характеристики

продолжил: — Будешь теперь тринадцатым.

Н-да. А ведь летчики уже и в эти времена были страшно суеверными.

— Чертова дюжина, говоришь? Плевать! Не верю я ни в Бога, ни в черта.

Ополовинили мы бутылку быстро. Первый тост был, соответственно, «За Родину, за Сталина». Да, судя по всему, «культ личности», как потом обозвал его Хрущев, имел место быть. Вот только хорошо это или плохо? Что плохого в том, что народ верит в руководителя своей страны и почитает его? Или во мне действует Васькина вера в отца, и я уже не беспристрастен? Пока я раздумывал, разговор в комнате перешел на положение дел на фронте.

— Неделя, две максимум, и германцы капитулируют, — убежденно изрек Колька.

— Не-а, — отозвался я, — пока Гитлер у власти, не капитулируют.

— Но должен же немецкий пролетариат сбросить его?! — поддержал Николая Леха.

— Не сможет. Слишком уж у них там, в Германии, все далеко зашло, — объяснил я, — так что придется нам, ребята, в Берлин топать и прямо там нацистов к ногтю брать.

Мы прикончили бутылку. Ну что такое пол-литра на четверых? Колька уже дернулся раздобыть еще выпивки, когда я махнул ему рукой, показывая, чтобы сидел.

— Хватит. Погода уже почти нормальная. Завтра наверняка полеты будут.

Тут уже Голубев удивленно посмотрел на меня. Раньше Васька от выпивки не отказывался.

— Лучше, командир, спой, — я снял со стены и подал старшему лейтенанту гитару.

— Что? — Ваня тут же начал что-то брэнчать и подстраивать гитару под себя.

— Давай нашу, — тут же потребовал Колька.

Иван посмотрел на моего ведомого, улыбнулся и запел. Голос у него был низкий, почти профессиональный. До Анны Герман ему было далеко, но... за душу брало.

Светит незнакомая звезда,
Снова мы оторваны от дома,
Снова между нами города,
Взлетные огни аэродромов.

Здесь у нас туманы и дожди,
Здесь у нас холодные рассветы,
Здесь на неизведанном пути
Ждут замысловатые сюжеты...

Припев подхватили мы все вместе. В комнату нашего звена начали протискиваться другие пилоты.

Надежда — мой компас земной,
А удача — награда за смелость.
А песни... довольно одной,
Чтоб только о доме в ней пелось.

Несколько минут просидели в тишине. Вот интересно, почему здесь, в этом мире мало песен Высоцкого? Я привычно, как в восьмидесятые в том мире, продул мундштук «беломорины», промял, прикурил и решительно отобрал гитару у Ивана.

Их восемь — нас двое.
Расклад перед боем
Не наш, но мы будем играть!
Сережа! Держись, нам не светит с тобою,
Но козыри надо равнять.

Я этот небесный квадрат не покину.
Мне цифры сейчас не важны, -
Сегодня мой друг защищает мне спину,
А значит, и шансы равны.

Николай посмотрел мне прямо в глаза. Он, похоже, примеривал эту ситуацию на нашу летную пару.

Мне в хвост вышел «мессер», но вот задымил он,
Надсадно завывли винты.
Им даже не надо крестов на могилы,
Сойдут и на крыльях кресты!

Я — «Первый», я — «Первый», — они под тобою,
Я вышел им наперерез.
Сбей пламя! Уйди в облака! Я прикрою!
В бою не бывает чудес!

Сергей! Ты горишь! Уповай, человеке,
Теперь на надежность строп!
Нет! Поздно — и мне вышел «мессер» навстречу.
Прощай! Я приму его в лоб.

Я знаю — другие сведут с ними счета.
А по облакам скользя,
Взлетят паши души, как два самолета,-
Ведь им друг без друга нельзя.

Архангел нам скажет: «В раю будет туго!»
Но только ворота — щелк,
Мы Бога попросим: «Впишите нас с другом
В какой-нибудь ангельский полк!»

А вот здесь меня, кажется, не совсем поняли. Антирелигиозная пропаганда еще сильна, хотя за последние годы значительно ослабела.

И я попрошу Бога, Духа и Сына,
Чтоб выполнил волю мою:
Пусть вечно мой друг защищает мне спину,
Как в этом последнем бою.

Мы крылья и стрелы попросим у Бога,
Ведь нужен им ангел-ас,
А если у них истребителей много,
Пусть пишут в хранители нас.

Хранить — это дело почетное тоже,
Удачу нести на крыле
Таким, как при жизни мы были с Сережей,
И в воздухе и на земле.

Когда прозвучал последний аккорд, ребята не сразу поняли, что песня кончилась.

— А почему Серега? — обиделся Колька. Ведь моим ведомым был он.

— Ну, — я задумался, — так автор написал.

— Кто? — тут же требовательно спросил Ваня Голубев.

— Не скажу! — усмехнулся я. Н-да, прячусь за фамилией. С другой стороны... Наступят ли здесь такие времена, когда друзьям можно будет говорить все? А ведь это и от меня зависит.

Офицеры, а в комнату уже набилось человек десять, дружно потребовали:

— Тогда давай еще! У него, этого твоего секретного автора, наверняка еще что-нибудь такое есть.

До моего десантирования Васька был, конечно, рубахой-парнем, но вот знатоком редких авторов он явно не являлся. Можно ли воровать песни из того мира? Интересный вопрос. Нужно! Здесь Володя Высоцкий другие напишет, никак не хуже. И будет этот Советский Союз вдвое богаче на его песни! Я выкинул погасшую папиросу в пепельницу и стал «давать». Первой, соответственно, на «ура» пошла «Я — „Як“-истребитель». Затем, посмотрев на особиста, неизвестно когда появившегося в нашей переполненной комнате, я исполнил «песню расстрелянного» — «Тот, который не стрелял». А потом понеслось. Память услужливо поставляла мне тексты и аккорды. Я пел и вспоминал собственную встречу с великим поэтом и бардом в том мире. Заглянул в гости к хорошему знакомому — очень крутому специалисту по передатчикам авиационных прицелов. Заглянул и встретил там Высоцкого. Мы тогда познакомились, тоже пили водку, и он пел. Репертуар тогда был вначале, увы, в основном блатной. Но потом Володя начал выдавать свое душевное. Сейчас я пытаюсь хоть как-то подражать, исполняя только лирику и военное.

И чего я распелся? Вроде не перед девчонками выступаю. А действительно, с чего вдруг? И только задавшись этим вопросом, я понял то, что мое подсознание распознало само. Этим ребятам я должен отдать все. Потому что завтра пойду с ними в бой...

В час ночи пришел замполит и разогнал нас. Но еще одну песню я все-таки спел.

Рассмеялась ты и взяла с собой.
И с тех пор ты стала близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!

Почему Викентьев не выходит со мной на связь?

* * *

Другая война. Ну а как это еще можно назвать? Там она была Великой Отечественной. А здесь... Заводы и фабрики работали шесть дней в неделю. В воскресенье люди отдыхали. Ходили в кино и театры там, где они были. Выбирались на свои садовые участки. Еще в тридцать восьмом всем желающим стали давать по десять соток. Студенты, а их в стране стало очень много, подтягивали «хвосты» или весело отмечали окончание сессии. С одной стороны, война с фашистской коалицией, а с другой — как жили, так и живем. Война — она где-то там, на западе. Даже отпуска не отменили. У кого-то две недели, а на вредных производствах — месяц. Подъем патриотических настроений во всех слоях общества огромный. Добровольцев в армию — полно. Вот только мало кого берут. Ну кому нужен необученный солдат? А если этот доброволец — квалифицированный рабочий? Вот и давай на производстве свои сто-сто три процента нормы. Сто десять? Вот тут уже разбираться начнут. Если ты такой способный и трудолюбивый, что действительно можешь больше других сделать, так получи за это премию. А если технологию нарушаешь и гонишь количество за счет качества? Так за это еще в том же тридцать восьмом начали давать на первый раз условные сроки с поражением в гражданских правах. Молод и силы девать некуда? С работы не отпускают? Учись! Партия и правительство все для этого сделали! Не

очень квалифицированный, талантов особых и семьи нет, в армию не берут, а на месте не сидится? Так вон повсюду объявления, «требуется на стройки народного хозяйства». Страна как будто и не замечала войны. Прокладывались новые дороги, старые расширялись и покрывались слоем черного асфальта. Снимались новые фильмы, в театрах ставились новые спектакли. Люди любили друг друга и рожали детей.

А войска работали строго по планам. Я просматривал свежие сводки с фронта. На душе было и радостно и горько одновременно. Радостно, потому что, несмотря на ожесточенные бои, потери были минимальны. Горько... Очень горько было за ту, мою первую Родину. Столько народа погибло в той Великой Отечественной войне!

В двери опять показался Поскребышев:

— Егор Иванович, все уже собрались.

Я посмотрел на часы. Тринадцать пятьдесят восемь.

— Приглашайте.

Предстояло обсудить текущие вопросы и проверить готовность к операции «Удар молнии».

Почему Викентьев не выходит со мной на связь?

* * *

— Вот подумай сам, — майор легонько постучал папиросой о пачку, вытряхивая из нее крошки табака, промял мундштук, прикурил от одноразовой газовой зажигалки и продолжил: — Чем ограничивается высший пилотаж на «Яке»?

— Ну как чем, — капитан отвел взгляд от окна, за которым вдали виднелось взлетное поле аэродрома, — летно-техническими характеристиками самолета и умением пилота.

— Правильно, — в интонации майора прозвучали учительские нотки. Задолго до войны он много лет проработал инструктором в авиаучилище, — а если летчик хороший?

— Ну, — капитан задумался, — способностью пилота переносить перегрузки.

— Вот, а я о чем, — удовлетворенный ответом командир полка потянулся стряхнуть пепел в гильзу от зенитного снаряда. Медали на его груди тихо звякнули. — А Василий на пилотаже умудрился уже три самолета развалить. Причем два списали на земле, как не подлежащие восстановлению, а позавчера... — майор помолчал, — позавчера под Остроленкой его эскадрилья прикрывала понтонную переправу. Он сбил двух «лапотников» и, уходя от «худого» на выходе из пикирования потерял крыло.

— Как это — потерял? — удивился капитан. Он только сегодня вернулся в полк после лечения и с большим интересом выслушивал новости вперемешку с рассуждениями своего друга и командира.

— А вот так! Комиссия во главе с инженером дивизии дала заключение о превышении расчетных перегрузок. Как Василий умудрился не только успеть покинуть разломанный самолет, но и раскрыть купол парашюта, я не понимаю, — майор загасил папиросу и тут же достал из пачки новую. — Может, помогло то, что на пикировании фонарь отсосало?

— Подожди, — возбужденно прервал друга капитан, — после десятка «же» Вася выпрыгивает и спокойно приземляется на парашюте?

— Именно!

— Ну силен! Прямо зверь какой-то!

Командир полка посмотрел на друга и расхохотался. Капитан непонимающе глядел на смеющегося. Тот, вытирая слезы, объяснил:

— Василий себе новый позывной взял — «Зверь».

Теперь улыбались уже оба.

— Если бы только это! — майор опять стал серьезным, встал и подошел к окну. Низкие тучи, накрывшие аэродром, и были причиной того, что командир полка мог свободно пообщаться с другом. Синоптики, увы, не обещали летной погоды еще два дня.

— Если бы только это, — повторил майор. — Восторженная пехота, наблюдавшая за

боем снизу, тут же предоставила Васе машину с сопровождением. А в машину складировали трофейные «гостинцы». В результате вечером весь полк пьяный был, обмывая трех сбитых.

— Каких трех, ты же говорил, он двух «лаптежников» сбил?

— Так ему же еще «мессера» записали, — объяснил майор, — «худой», который за Васей погнался, на выходе из пикирования не смог вписаться в траекторию «Яка» и вмазал в землю.

— В общем, неделю назад с ним что-то произошло. Ну, ты же сам Васю знаешь. Обычный летчик, да, хороший пилот, но ничего особо выдающегося. А тут пришел ко мне и потребовал тренировочный полет. В тот день на фронте относительно тихо было, ну я и разрешил. Соответственно, решил понаблюдать. Сам понимаешь, если что, то моя голова с плеч первой полетит. Все-таки сын Самого... Повиражил он немного, бочку в обе стороны крутанул. А потом... — Майор помолчал. — А потом начал выделять такое... Вот после того тренировочного полета его «Як» и списали. Ну да новых самолетов у нас, сам знаешь, хватает. На следующий день Василий сбил двух «худых» и «раму». После посадки пожаловался на плохую реакцию самолета на элероны и что машину тянет в левый крен. Техник стал осматривать «Як», а у того консоли крыльев повело, а с левой стойки шасси щитки от перегрузок вырвало. Как он посадил, не представляю. В общем, списали самолет. — Майор опять помолчал. — Да и сам Вася какой-то другой стал. Шуточек меньше. КУЛП наизусть выучил. Заносчивость куда-то исчезла. Резко повзрослел? Осознал, что война — не игрушки? Ответственность за фамилию почувствовал? — майор задавал вопрос за вопросом самому себе. — За неделю Василий заимел девять сбитых, — командир полка кивнул удивленно молчащему капитану:

— Да-да, девять. Я его представил к двум «Красным Звездам» и старлею. Комдив — к «Боевому Красному Знамени». Ну, с такими темпами он в этом месяце и «норму» выполнит, — майор выразительно посмотрел на свою звезду Героя Советского Союза. — Завтра его командиром третьей эскадрильи поставлю. На Хомякова все равно вызов из штаба ВВС пришел.

* * *

Выбил себе разрешение на ночные полеты. Как? Элементарно. Пошел к командиру полка и потребовал допуск. Он мне — не по правилам, я за тебя отвечаю и в обход приказа ночью не выпущу.

— Товарищ майор, а зачем же нам приказы нарушать? Прошу разрешения на сдачу допуска в закрытой кабине спарки, — продолжаю стоять на своем.

— Ты, старший лейтенант, сначала зачеты по ночному самолетовождению сдай.

— Уже, — говорю я и протягиваю рабочую книжку летчика.

Майор проверяет записи и, понимая, что больше поводов для отказа ему не найти, нехотя вписывает задание на сдачу допуска.

Зачет я получил в то же утро. Что-что, а по приборам у меня сотня часов налета в том мире была.

А в одиннадцать пятьдесят по тревоге был поднят весь наш сто семьдесят третий ИАП. Локаторы ПВО засекли что-то невообразимое. Более двухсот самолетов противника сразу. И все они шли к понтонной переправе, которую прикрывал наш полк. Вторая эскадрилья капитана Чугуева пошла на взлет сразу. Моя третья — еще через пять минут. Первая осталась дожидаться возвращения дежурившего над переправой звена. Они должны были дозаправиться. Как я понял по коротким фразам командира полка, первая эскадрилья должна была стать нашим резервом.

Навели нас на фашистов по радио точно. Под сотню «лапотников». Остальные — «худые»? Нет, это были не «мессеры». Хотя издали можно было перепутать. «Супермарин Спитфайр». Причем, как потом выяснилось, что-то на уровне Mk.VIII. С четырьмя двадцатимиллиметровыми пушками. Серьезный противник. А ведь в том мире эти

истребители появились уже ближе к концу большой войны. Да, здесь мы пытались прогрессировать только СССР, но приличный технический толчок получила вся планета. Как результат — у врага есть более - менее хорошие машины уже сейчас.

— «Зверь», я — «Ворон», — услышал я в шлеме голос командира полка. Он во главе звена управления взлетел вместе со второй эскадрилей, — мы попробуем связать боем истребители противника. Твоя задача — «юнкеры». Делай что хочешь, но не пропусти их к переправе.

— Понял. Выполняю.

Легко сказать, а вот как сделать? Отсюда до наших подопечных километров восемьдесят. Пятнадцать-двадцать минут полета. Девятки «лапотников» идут на высоте две тысячи метров. У нас эшелон вдвое больше. Жму на тангенту передатчика.

— Третья. Всем разомкнуться. Разбиться по парам. НУРСы переключить на бесконтактные взрыватели. Заходим с пикирования под противника. Повторяю, работать только с нижней полусферы. На нервном заходе работают ведущие, на втором — ведомые. От истребителей противника отрываться только на вертикалях. Схема шесть. Схема шесть. Все, парни, работаем.

Два вечера вдалбливал своим ребятам тактику. Очень мало. Сейчас уже не до размышлений. Угол снижения градусов сорок. Скорость восемьсот. Немного прибрать РУД. Хорошо, стабилизатор с небольшим углом стреловидности. Иначе потерял бы управление. На больших высотах такую скорость вообще развивать запрещено. Может затянуть в неуправляемое пикирование и разрушить машину динамическими нагрузками. Высота тысяча. РУД на максимум и обеими руками ручку на себя. Тяжесть перегрузки вжимает в кресло. Веки сами пытаются закрыться. Все. На прямой. Доворачиваю машину так, чтобы ведущий первой девятки «лапотников» оказался точно в центре колец прицела. Очень точная механика сама выставляет их так, чтобы при любых эволюциях самолета кольца указывали именно туда, куда полетят снаряды пушек. А вот упреждение изволь считать сам. Чуть приподнимаю капот и жду секунды. «Юнкерс» занимает все внутреннее кольцо прицела. Восемьсот метров. Палец сам жмет на большую гашетку в центре ручки управления. Два НУРСа срываются из-под плоскостей и, оставляя черные выхлопы, уносятся вперед. Яркие разрывы реактивных снарядов расцветают перед носом «лапотника», и стальная картечь в клочья сечет самолет противника. Не смотреть. Некогда. Вверх. Запас скорости такой, что ни одна вражеская сволочь не то что догнать, прицелиться издали не сможет. Пока машина набирает высоту, можно осмотреться. Колька в пятидесяти метрах сзади и чуть левее. Молодец! Не оторвался. Жму тангенту передатчика.

— «Зверь-два», на трех тысячах повторяем. Давай, Коля, вперед, я прикрою.

— Понял, командир, — голос у него вроде бы спокойный.

Я его понимаю. У него ведь на правом пульте тоже успокаивающе горят одиннадцать маленьких зелененьких огоньков. Простейшая телеметрия, а насколько все для нервов проще. Это значит, что все остальные самолеты нашей третьей эскадрильи где-то здесь рядом, в воздухе, и серьезных повреждений не имеют. Искать их, крутя головой на триста шестьдесят градусов, некогда. Скорость понемногу падает, и оглядываешься назад каждые сорок секунд. Иначе можно не успеть засечь истребитель противника, пристраивающийся тебе в хвост.

Николай сваливается на крыло и ныряет вниз. Теперь я цепляюсь сзади к нему. Стрелка вариометра⁵ падает до упора, а обе стрелки высотомера крутятся против часовой все быстрее. Длинная вообще мелькает как сумасшедшая. Вывод из пикирования. Перегрузка сначала мягко, а затем все сильнее наваливается на тело. Вскочивший откуда-то «спит» пытается развернуться в нашу сторону, но не успевает. На снижении наши «Яки» набрали все те же восемьсот км/ч в час. Попробуй догони! Стараюсь боковым зрением фиксировать

⁵ Вариометр — указатель вертикальной скорости

все, что творится вокруг. В воздухе минимум два десятка белых куполов. Будем надеяться, что противник. В моей эскадрилье пока потерь нет. Зеленые огоньки на правом пульте успокаивающе подмигивают. В эфире крики, команды и мат. Второй эскадрилье и командному звену явно несладко приходится. На обоих оружейных контейнерах Колиной машины звездочками вспыхивают огни реактивных двигателей НУРСов. Ракеты пошли. Опять идем вверх. Очень высоко, наверное, выше десяти тысяч метров, замечаю белую полосу инверсионного следа. Вот кто навел нас на фашистов. Высотный разведчик с локатором. Сейчас его кинокамера с длиннофокусным объективом фиксирует весь бой на мелкозернистую пленку. Все наши действия и все до одной ошибки.

На высотомере три тысячи. Я опять занимаю место впереди. Третий заход. Земля стремительно приближается. Вывод, прицеливание, пуск и набор. После пятого захода пустые контейнеры НУРСов сваливаются. Управление машиной становится ощутимо легче. После шестого освобождается от лишнего теперь груза и машина моего ведомого. Осматриваюсь. Реактивные снаряды неплохо проредили «лапотников», но их еще много. Ну что ж, пришло время пушек. Переключаю тумблеры управления оружием.

— Третья, все освободились? — спрашиваю я своих ребят.

Оказалось, не все. Это мы с Николаем оказались такие быстрые. Остальные только собираются на шестой заход. Ладно, пока нужно понять, что делается вокруг. Часть «спитфайров» смогла оторваться от боя со второй эскадрилей и заняла позиции под строем бомбардировщиков. Последние уже поняли, что плотные порядки позволяют нам одним залпом НУРСов сбивать сразу два-три «лапотника», и разомкнулись. То, что сейчас надо! Теперь им сложнее прикрывать друг друга огнем своих 7,92-миллиметровых пулеметов. «Лапотники», они ведь двухместные. И стрелки в них очень неплохо защищают заднюю полусферу. Точнее, верхнюю ее часть. А снизу их сейчас пытаются прикрыть «спиты». Здесь все дело в плотности оборонительного огня. Чем она выше, тем меньше вероятность успешного захода на такую огрызающуюся цель. Вывод? Пока не догадались заново сомкнуться, нам надо работать все на тех же вертикалях прямо внутри строя «штуков»⁶. Вот только столкнуться со своими можно в такой круговерти.

— Третья. Я — «Зверь». После израсходования НУРСов все на «спитов». Повторяю, все на «спитов». Как поняли? Доложить.

— Поняли правильно.

— Коля, прикройешь мне спину от «спитов». Я тебя постараюсь предупреждать обо всех моих действиях. Начали. Задний «лапотник» первой... — только хотел сказать — девятки, но, увидев, что их всего четыре, на ходу поправился: — группы.

Намечаю на глаз траекторию и ныряю вниз перед самым носом третьей шестерки «юнкерсов». Проношусь под второй и с ходу пристраиваюсь к замыкающему бомбардировщику первой группы. Отреагировать его стрелок не успевает. Короткая очередь, и экипаж «штуки» разорван на куски снарядами моих пушек. Вниз! Иначе нарвусь на пулеметы впереди летящих «лапотников». Слишком быстро мы с ведомым выскакиваем далеко вперед, запоздалые очереди передних пушек «юнкерсов» нас даже задеть не могут. Почему все так стремительно? Я ведь чуть не воткнулся в бомбардировщик, чей экипаж я расстрелял. Элементарный расчет. У меня было около семисот семидесяти километров в час. У «штуки» крейсерская скорость двести семьдесят. Теперь понятно, почему мы их делаем как стоячих. Полтысячи км/ч в час разницы. А если?...

— «Зверь-два», пробуем «ножницы» начиная с задней группы «лапотников». Как понял?

— Работать, как по конусу?

— Именно!

Молодец! Быстро соображает. Позавчера я показывал всей эскадрилье, как можно

⁶ *Sluka* — сокращение немецкого термина *Sturzkampfflugzeug* — «Пикирующий боевой самолет

догнать цель, идя сбоку от нее. Потом на скольжении доворачиваешь и почти в упор стреляешь. Мы проносимся подо всей вражеской армадой встречным курсом на высоте метров шестьсот. Боевой разворот с набором высоты и наша пара сзади всей фашистской группировки. Я успел отдать команду своим орлам работать по истребителям противника. Так, Коля влево, я вправо. Наши «Яки» рисуют встречные синусоиды. На максимальном размахе обходя построения «юнкерсов», даю крен и ручку чуть на себя. Машина на сумасшедшей скорости мчится параллельно боковой «штуке», но под углом градусов в двадцать к траектории полета. Каким-то шестым чувством успеваю поймать момент, когда неповоротливая туша «лапотника» перекрывает сразу все кольца прицела. Очень короткая очередь и «юнкере», получив несколько снарядов с дистанции сорок метров, сыпется вниз. Промазать с такого расстояния невозможно. Но я этого уже не вижу. Строго дозированное движение ноги, и скольжение превращается в вираж. Чуть приподняв капот, пропускаю под собой Николая и перекладываю рули вправо. Наши самолеты, как кончики ножниц — разошлись, сошлись и опять расходятся. Спокойно успеваю выбрать цель, поставить машину в нужное положение, нажать гашетку и плавно уйти под ведомого. На очередном заходе мы «отстригаем» каждый по одному «лапотнику». И ни одна сволочь на «спите» не в состоянии даже успеть прицелиться в нас. Подходя к передней паре «юнкерсов», я вижу, как они сбрасывают с горизонта бомбы на пустое поле, спеша избавиться от бесполезного теперь груза, и разворачиваются назад. Успеваю пристроиться к одному и нажать гашетку. Но пушки почему-то молчат. Очень неприятное ощущение. Как будто голый в толпе народа. Бросаю взгляд на счетчики боеприпасов. На индикаторах всех трех пушек нули. Ручку на себя — и осмотреться. Пикирующие бомбардировщики беспорядочно выкидывают бомбы и разворачиваются назад.

На правом пульте у меня только десять зеленых огоньков. Один горит желтым. Ну хоть не красный, и то хлеб. Четвертый номер поврежден.

— «Голубь-два», что у тебя? — запрашиваю я по радио.

— Радиатор «спит» разворотил, — слышу я ответ Лехи Устименко, — его Ваня успел приголубить.

Еще хохмит! Значит, не все так плохо. Но когда вернемся на аэродром, я этому хохмачу втык сделаю. Подставился, паразит, под противника.

— Курс сто, РУД до упора и тяни вверх. Набирай высоту, пока мотор не заклинил.

Без воды в системе охлаждения двигатель выдержит минуту. В лучшем случае — две.

— Уже тяну, — отвечает ведомый Голубева.

Где он? Это только кажется, что в небе так легко найти друг друга. На голубом фоне все далеко идущие самолеты — черные точки. Только подойдя ближе, можно определить, кто есть кто. Вот он, мой Лешка! За «Яком» тянется струйка дыма? Нет. Это пар. Двигатель теряет последние остатки воды. След исчезает, но тут же появляется вновь. Только уже не белый, а черный. В перегретом моторе горит масло. Но вот и он кончился. «Бобик сдох», как любит выражаться сам Леха. Высота четыре шестьсот, вижу я на приборе, пристраиваясь сзади к «Голубю-один», который охраняет своего ведомого. Устименко должен с запасом пропланировать отсюда до линии фронта. Аэродинамическое качество у наших истребителей очень приличное. Снаружи самолет вылизан, как гоночная машина. Как следствие, мы с этой высоты и без двигателя очень далеко можем планировать.

Автоматически прислушиваюсь к переговорам в воздухе. Командир полка выводит из боя всех. Боевая задача выполнена. Враг не дошел до нашей переправы тридцать километров. Это что, бой длился всего десять-пятнадцать минут? А кажется — три часа. Только сейчас я чувствую, что все белее у меня мокрое. Очень хочется пить. Срываю кислородную маску и присасываюсь к мундштуку бортовой фляги. Выпиваю два литра подкисленной аскорбинкой воды. Мало, но фляга уже пустая. Управление машиной стало почему-то тяжелым. Повреждена? Нет, это я устал. Смотрю на кислородный манометр. Половина. Да, при таких нагрузках энергия организма буквально выжигается. Интересно, на сколько килограммов я похудел?

Леха прыгнул по моему приказу сразу, как только под нами промелькнула узенькая темная полоска Нарева. До аэродрома он явно не дотягивал. А рисковать садиться на брюхо я ему запретил. Самолетов у нас хватает, а хорошие пилоты всегда будут на вес золота. Проследив за его успешным приземлением, взяли курс домой. Сели нормально, но многих из машин вытаскивали. Меня в том числе. Сил не было ни на что. Наземный состав под руководством медиков отпаивал нас глюкозой. Тут же прямо на взлетное поле привезли обед. Поели, и спать.

Я проснулся уже ближе к вечеру. Проснулся от голода. Есть хотелось невероятно! Ополоснулся под душем, и вперед, в столовую. Там ужинала первая эскадрилья. Я с большим удовольствием принял сто граммов фронтовых и накинусь на большую тарелку борща, хорошо сдобренного сметаной. Только когда была прикончена вторая порция первого и передо мной появилась свиная отбивная с жареной картошкой, ко мне за столик присел комэск-один капитан Володя Лагутин.

— Ну рассказывай, майор, как вы фашистов били.

Я непонимающе посмотрел на него, потом скосил взгляд на свое плечо. На погоне был только один голубой просвет и три маленьких звездочки. Вовка довольно расхохотался.

— Когда разведка проявила пленку и доложила наверх, через два часа телетайпом приказы посыпались. Командиру полка подполковника дали и заместителем командира дивизии по летной поставили.

Н-да. Зам по летной в авиации — первый зам.

— А кто у нас теперь командиром будет? — спросил я, уже начиная догадываться.

— Майор Сталин! — ответил довольный капитан. — Рычагов, говорят, сразу приказы подписал, как только ему результаты боя доложили.

Да, что-то, а «фронтной телеграф» у нас передает новости быстро. Как ни пытаются соблюдать секретность, но о наступлении или об изменении планов командования все почему-то узнают сразу. Причем прежде всех — рядовые, а последним — командир. А вот то, что меня так быстро «поднимают» — в этом мире и в это время — норма. Рычагов, который сам за пару лет от старшего лейтенанта дорос до генерала, иначе в такой ситуации поступить не мог.

— Вы двумя эскадрильями сбили сто шесть машин противника! — Володька, это было хорошо заметно, просто наслаждался выражением моего лица. — Ты сам завалил тринадцать «штук»!

Тринадцать «юнкерсов» в одном бою? Быть такого не может! Пока к столу подсаживались другие пилоты, причем каждый норовил поздравить меня с повышением, я попытался припомнить бой. Три моих захода с пуском НУРСов. Максимум — шесть «штук». Еще семь, когда мы с Колей ножницы делали? Ни разу не промахнулся? Как потом выяснилось из кинокадров, снятых разведчиком, неуправляемыми реактивными снарядами я сбил пять «лапотников», помогло хорошее чувство дистанции и гиро-стабилизированный прицел. Пушками я расстрелял, действительно, семь пикирующих бомбардировщиков, но один из них вмазал в соседа и утянул его за собой на тот свет.

— Твой ведомый семерых завалил, — продолжал меня информировать довольный комэск-один.

— Сколько не вернулось? — перебил я его.

— Четверо из второй. — Лицо Володи тут же стало смурным.

Треть эскадрильи. Много.

— Двое выпрыгнули, — добавил кто-то, — может, выйдут?

Полсотни километров по наспигованной противником территории? Вряд ли. Лишь бы живы ребята остались. Немцы в «котлах» уже начали сдаваться. Расстрелять наших в такой ситуации никак не должны. Побоятся они.

В столовой появился — уже с двумя звездами на каждом погоне — бывший командир полка с Алексеем Устименко. У него тоже прибавилось по звездочке. Н-да, звездопад какой-то сегодня. Прямо как у Володи Высоцкого: «Вон покатилаcь вторая звезда вам на погоны».

Многие участвовавшие сегодня в бою повышены в звании. Сидели мы очень долго. Наши объекты передали под охрану другим частям, а теперь уже моему полку дали сутки отдыха. Постепенно подтянулись проснувшиеся ребята из второй эскадрильи и из теперь уже бывшей моей третьей. Помянули погибших и обмыли повышения. Знатная пьянка получилась. Попробовали разобрать бой. Кто что делал и помнит. Сделали вывод, что наши самолеты — лучшие в мире. Попытались сравнить с битвой на подходах к бакинским нефтепромыслам в первый день войны. Там-то сбили больше двух сотен машин противника. Потом все-таки решили, что мы молодцы. В Азербайджане с нашей стороны работало сразу два полка «Яков», а у врага не было истребительного прикрытия. Понадеялись они на неожиданность. В нашем же случае, как точно подсчитала по киноплёнке разведка, было девяносто семь «штук», тихоходных, но довольно точных при поражении наземных целей пикирующих бомбардировщиков. И сто четырнадцать отличных английских истребителей новейших серий. Не смогли они прорваться к нашей переправе. А ведь там их ждали еще и «шилки». По две на каждом берегу. И чего фашисты рвутся так перерезать наши коммуникации?

Почему Викентьев не выходит на связь? Что, черт побери, у них там происходит?

* * *

Серое небо. Облачность — десять баллов. Нижний слой — четыреста метров. Мелкий моросящий дождик. Промокшая насквозь полосатая колбаса «колдуна»⁷ уныло висит и только изредка шевелится под нечастыми порывами слабого ветра. Только над большим фургоном «Урала» неумоимо крутятся и качаются антенны локаторов. Минимум погоды. Только для пилотов первого класса. И только на машинах, оборудованных полным комплексом аэронавигационных приборов. У противника такая аппаратура отсутствует. Для фашистов сегодня полетов нет вообще. Поэтому и мы сегодня работаем на земле. Летчики дежурного звена на всякий случай в готовности сидят в большой палатке рядом со стоянкой своих машин и штудируют многочисленные инструкции и наставления по производству полетов. Остальных пилотов я разогнал по классам заниматься тем же самым. Инструкции в авиации пишутся кровью. Каждая авария и тем более катастрофа тщательно и иногда долго разбираются. После этого или вносится поправка в конструкцию самолета, или, как правило, находится ошибка в действиях конкретного виновника и пишется очередная инструкция. Девяносто девять процентов всех летных происшествий — нарушение инструкций.

Только я собрался поработать со своей бывшей третьей эскадрилей, как прибежал посыльный из штаба. К нам летит какое-то начальство. Ну а кто это еще может быть, если следует «Ил-14» в сопровождении двух звеньев истребительного прикрытия? Время есть, поэтому быстро к себе в комнату. Долой камуфляж. Свежую рубашку, китель с орденами и медалями. Кожаная портупея. Пройтись бархоткой по яловым сапогам. Вместо пилотки — фуражка. Посмотреть в зеркало. Хорош! Вот только Звезды Героя и ордена Ленина не хватает. Указ о присвоении мне высокого звания напечатали во всех газетах на следующий день после того памятного боя под Остроленкой.

Я выскочил из «козлика», когда транспортник уже заходил на посадку. Тяжелая машина коснулась травы точно напротив буквы «Т», выложенной брезентовыми полотнищами слева от размеченной флажками взлетно-посадочной полосы. Одно звено «Яков» село одновременно с «Илом», второе кружило еще над облаками. Истребители по командам техников с флажками заруливают под натянутые на длинных шестах маскировочные сети. Из одного из них залихватски спрыгивает, не дожидаясь, когда подтащат лесенку, парень в летном комбинезоне. Снимает пластиковый шлем и поворачивается ко мне. Главнокомандующий ВВС генерал-лейтенант Павел Васильевич

⁷ Так в авиации традиционно называют ветроуказатель

Рычагов. На лице генерала улыбка. Доволен, что опять смог подержаться за ручку управления боевой машины. У командующего время для этого выдается достаточно редко. Вскидываю руку к виску и собираюсь отдать рапорт, но Рычагов, все с той же довольной улыбкой, качает головой и показывает рукой на транспортный самолет. Люк «Ила» уже открыт, и борттехник прилаживает маленькую алюминиевую лесенку. Из самолета, придерживая одной рукой фуражку с высокой тульей, выходит генерал-полковник Синельников. Евгений Воропаев собственной персоной! Вот ты-то мне и нужен. Директор СГБ Советского Союза отмахивается от моего рапорта, протягивает руку и испытующе смотрит мне в глаза.

— Ну, здравствуй, майор Сталин! — Пожатие у него сильное. Вся его высокая фигура нависает надо мной.

— Здравия желаю, тащ генерал-полковник.

— Вольно, майор, вольно. Мы не в строю. — Он по-прежнему смотрит на меня, а во взгляде читается вопрос.

Он что, не знает, кого десантировали в этот мир? Вот это номер! Он тоже без связи?

Синельников поворачивается к командующему ВВС.

— Паша, мы, — он опять пытливым образом смотрит на меня, — мы с Василием отойдем в сторонку.

Я оглядываюсь и показываю на свой «козлик».

— Прокатимся?

Генерал не раздумывая забирается на водительское место, выгнав моего шофера под моросящий дождик. Я сажусь справа и без спроса закурываю «беломорину». Мы отъехали на пару сотен метров от стоянки, когда Егор заглушил мотор и решительно повернулся ко мне.

— Славянский шкаф продашь?

Мы смотрим в глаза друг другу и начинаем хохотать. Пару минут мы не могли остановиться, затем Синельников, все еще смеясь, тыкает в меня пальцем и спрашивает:

— Ты кто?

Он что, уже с того момента без связи?

— Куратор проекта «Зверь», — отвечаю я.

Генерал-полковник поперхнулся. Лицо становится серьезным.

— Павел Ефимович, вы? Здесь? Что случилось?

— Я, Женя, я. Пока не знаю. Разберемся.

Мы обнимаемся. В машине неудобно. Даже сидя, я значительно ниже его и при объятии мое лицо колют его ордена.

— Раздавишь, медведь, — выворачиваюсь я из его лап.

— Ой! Извините, Пал Ефимыч.

— Все, Женя, нет больше полковника Когана. Есть майор Василий Сталин. И тебя я тем именем последний раз назвал. Конспигация и еще газ конспигация, — старательно грассируя, говорю я, пародируя известную личность, — и вне строя — только на «ты». Не поймут ведь, если кто заметит.

Он внимательно смотрит на меня.

— Как скажете, — и тут же поправляется: — Как скажешь, Василий.

— Тяжело было здесь одному? — задаю я именно тот вопрос, который сейчас требуется.

Он молчит, вытаскивает у меня из руки папиросу, жадно затягивается и возвращает. От кашля удержаться не смог.

— Первый раз курю в этом мире, — говорит он с извиняющейся интонацией, делает паузу и начинает рассказывать:

— Нет, не тяжело. Просто по-другому. Довольно быстро въехал в эту жизнь. Вначале немного казалось, что это какая-то ролевая игра. Просыпался иногда и ноги ощупывал. На месте ли? Я ведь там после ранения много за компьютером сидел. Игрушками развлекался. А что было еще делать? — он немного виновато посмотрел на меня. — А здесь... Здесь потом

вжился. Пустился во все тяжкие. Бросился в эту жизнь играть... пока не понял, что это не игра. По-настоящему и навсегда. Что надо работать не за страх, а за совесть. Рисковал, бывало, круто. Но всегда старался просчитывать. Тут уж вам, тьфу, тебе виднее, что получилось.

— Хорошо, Егор, получилось. Ты не только направлял мысли отца в нужную сторону, — он немного непонимающе взглянул, когда я назвал высшего руководителя державы отцом, — ты сам стал рулить историей в нужную сторону.

Посмотрев на его удивленное лицо, теперь уже я стал рассказывать, что настолько вжился, что чувствую семью Василия Сталина своей.

— Светлана тебе теперь тоже родная? — голос генерала дрогнул. Взгляд был напряжен.

— Конечно. Будешь обижать сестренку — убью! Не посмотрю, что ты теперь на полторы головы выше меня.

Мы переглянулись и опять расхохотались. Я понял, что Егор сам кого угодно за мою сестру пришибет. Синельников же это мое понимание распознал и был в этом отношении спокоен. Я достал новую папиросу из пачки. Генерал тоже было потянулся, но я убрал «Беломор» в карман кителя.

— Не курил, и не надо, — наставительно сказал я. Как-то очень быстро наши отношения перешли в разряд старшего и младшего. Причем совершенно ненасильственно с обеих сторон. Он — генерал-полковник, двадцатишестилетний директор самой мощной в этом мире службы государственной безопасности — младший. И я, девятнадцатилетний майор — старший. И мы оба уже знаем, что мы — друзья. Что ближе у нас здесь уже никого не будет. Только у него еще была моя младшая сестра — маленькая Светка.

Егор с сожалением посмотрел на мой карман.

— Ладно, Вася, как скажешь. Слушай, а ведь Светланка здесь недалеко. Пара сотен километров всего. Поехали?

— Четыре-пять часов на машине трястись? А где она конкретно? — Я достал из планшета полетную карту.

Генерал взглянул на нее и уверенно ткнул пальцем:

— Здесь.

Я, тоже уверенно, указал на отметку полевого аэродрома штурмовиков рядом:

— Полетели.

— А что Паше Рычагову скажем?

— Ничего. С собой возьмем. Могут три Героя Советского Союза на концерт сгонять? Пока мы тут с тобой болтали, машины наверняка уже обслужили и заправили.

Егор в очередной раз жизнерадостно расхохотался:

— А Звезду я тебе с собой привез. Для торжественного вручения, так сказать. Имею право, как один из руководителей страны.

Об отсутствии связи с тем миром мы говорить не стали. Обоим было ясно, что там что-то случилось. В то же время мы знали, что как только Викентьев решит все проблемы, связь будет...

* * *

Светка повисла на Егоре и не захотела слезать с его рук. Я смотрел на них и пытался понять свое отношение ко всему тому, что свалилось на меня всего какую-то неделю назад. И в первую очередь — как мне сейчас общаться со Светланой. С одной стороны, подсознание твердило, что это моя родная младшая сестра. С другой... Девчонка как девчонка. Совсем молоденькая, смазливая, но никак не мисс мира. И что Егор в ней нашел? «Чужая душа — потемки», правильно люди говорят.

— Товарищи офицеры, — на нас были плащ-палатки, но по фуражкам и вообще всей ситуации встречи самолета с истребительным прикрытием капитан — дежурный по полетам

на этом аэродроме — принять нас за рядовых, несмотря на возраст, никак не мог, — машина вас ожидает.

Светланка все-таки отлепилась от Синельникова и полезла обниматься со мной.

— Васька, а ты изменился, — она нежно провела рукой по моей щеке. На сердце ощутило потеплело. Родная сестра. Я окончательно понял, что действительно за ее счастье могу кого-нибудь убить.

— Вроде всего пару месяцев не виделись, а ты какой-то другой стал, — она опять погладила меня по щеке.

— Война, Светлана Иосифовна, — прокомментировал Рычагов, — на ней мужчины быстро взрослеют.

— Здравсьте, дядя Паша, — она наконец-то заметила командующего ВВС.

— Светка, — одернул я сестру, — дяди дома остались.

— Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант! — молодцевато поприветствовала вытянувшаяся девчонка.

— Вольно, рядовая, — командующий ВВС, с шиком отдав честь моей маленькой сестренке, усмехнулся.

— Из-звин-ните, товар-рищ генерал-лейтенант, — стал заикаться капитан.

— Все вопросы к старшему по званию, — Рычагов указал рукой на Егора.

Капитан посмотрел на Синельникова, узнал — портреты высших руководителей страны часто бывали в газетах — и челюсть его отвисла.

— Вольно, капитан, — генерал-полковник сдержал улыбку и посмотрел на меня:

— Пойдемте, Василий Иосифович?

Я за руку потянул Светку к машине. Теперь капитан узнал наконец-то нас с сестренкой и молчал с открытым ртом. Не стоило вводить его в еще больший шок. Увидеть сразу столько знаменитых людей страны и одного из высших руководителей державы. Бедный капитан...

* * *

Мы сидели вчетвером в небольшой комнате за накрытым столом. Наглая Светка, не обращая внимания на Рычагова, забралась на колени к Егору и слезать, похоже, не собиралась.

— Мальчики, вы надолго прилетели?

Мальчики? Синельников старше Светланы на двенадцать лет, я — на пять. И все равно мальчики? Попробуй, пойми этих девчонок.

— Нет. Завтра, кровь из носа, мне надо быть в Москве, работы много, — ответил Егор и повернул голову к командующему ВВС: — У Голованова к «Удару молнии» все готово?

— Давно. Сидит на Дальнем Востоке с твоими молодцами и ждет команды.

— Это вы о чем, генералы? — вмешиваюсь я.

Рычагов вопросительно смотрит на Синельникова. Тот гладит по плечу Светлану, которая млеет у него на коленях.

— Этому майору, Паша, можно знать все. Что самое интересное, Василий во многом информированней тебя, — Егор поворачивается ко мне: — Канадская операция. Ждем сигнала от твоего отца.

— Подтолкнуть в нужный момент Рузвельта в нужную сторону? Тоже дело.

Переговоры с президентом САСШ и несколькими ведущими сенаторами идут уже третий день.

* * *

Хорошо, оказывается, быть командиром полка. Боевую задачу получил, запланировал действия эскадрилий — и работай. Бумажной работы, конечно, много, но я ее в основном

ночью стараюсь делать. Если нет полетов. На сон вполне хватает трех часов. Способности собственного организма меня самого поражают. В короткое лето темное время суток летаю один. Отвожу душу. Немцы после начала нашей охоты за их железнодорожным подвижным составом перенесли основные перевозки на ночь. Специально подготовленные наши пилоты-ночники все равно не дают им покоя. Ну и я стараюсь в меру своих возможностей. Дальности полета «Яку» с подвесными баками вполне хватает, чтобы достать противника на всей территории генерал-губернаторства. Так здесь называется бывшая Польша. Англичане довольно оперативно поставили немцам много «спитов» и мобильных радиолокаторов. Действия по железным дорогам противника усложнились, но не прекратились. Теперь надо было на скорости обходить истребители врага, чтобы нанести удар. А вот на обратном пути иногда, если не получалось сразу оторваться, приходилось вступать в бой. Ночью очень сложно определять на глаз дистанцию и высоту. Радиолокационных прицелов здесь пока, увы, нет. Тепловизоры обладают низкой точностью. Основная моя задача в такой ситуации — не дать врагу вести прицельный огонь. Я же вижу противника ночью вполне удовлетворительно. Разогретые до белого свечения патрубки выхлопных коллекторов мощных авиадвигателей иногда в ночном небе можно увидеть за пару километров. Да и не очень пока совершенные наши самолеты радиолокационной разведки неплохо помогают. Предупреждают о замеченных с высоты целях. Вот тут-то и начинается игра в кошки-мышки. Только фашисты никак не могут понять, что если их много, то это значит, что мышек больше, а никак не кошек. Прошлой ночью меня попытались взять восьмеркой «худых». Не вышло. Двоих завалил на вертикалях и оторвался с набором высоты. Тело мое слушается все лучше и лучше. В машине я один, и бутафорить под медленного не требуется.

* * *

— Неправильно. Таран — это не наш метод.
— Почему? — на лице неугомонного Николая было написано удивление.
— А давай, Коля, вместе подумаем. Если у тебя есть снаряды, то зачем рисковать?
— Как это — зачем? Чтобы сбить! — вмешался Устименко.
— А зачем сбивать? Вам задачу какую поставили? — спрашиваю я у капитана Голубева, которого я поставил командиром своей, теперь уже бывшей, третьей эскадрильи.
— Прикрывать штурмовики.
— Именно. Две шестерки «Илов» должны были обработать скопление вражеской техники под Ловичем. Ваша эскадрилья обязана была дать им возможность выполнить штурмовку без помех. Вместо этого, вы устроили собачью свалку с «мессерами» и «спитами». Позволили им связать себя боем. Два «худых» прорвались к нашим штурмовикам и заставили их встать в оборонительный круг. Лишних пятнадцать минут полета, и их командир сделал правильный вывод, что в случае каких-либо осложнений в районе цели у них может не хватить горючего на обратный путь. В результате бомбы были высыпаны в чистое поле. Боевое задание не выполнено! Ну и толку, что вы сбили трех «худых» и одного «спита»? Лейтенант Звягинцев после тарана вынужден был покинуть самолет. Ногу при приземлении повредил. Врач сказал, что пару недель его к полетам не допустит. Ну и что, что «мессер» сбил при этом?

На лицах ребят было уныние. Еще попенять им или хватит? Прониклись?

— Повторяю, таран — не наш метод. Работать надо короткими очередями с малых дистанций. Тогда снарядов хватит на любой бой. Все. Через... — я посмотрел на часы, — через сорок минут пойдем сопровождать все тех же «Илов». Я уже все обговорил с их командиром. Они максимально сомкнутся и сами будут на пути к цели прикрывать впереди идущие машины. Пушки у них посильней наших. Сзади идет одна пара истребителей. Эшелон — две тысячи шестьсот. Остальные идут на пяти тысячах точно над штурмовиками. Чуть что — срываетесь парами с высоты и отгоняете фашистов. Я со своим ведомым старшим лейтенантом Зарубиным иду на шести с половиной тысячах, — Коля довольно

хмыкнул, — если что, всегда успеем свалиться сверху. Строй пар не пеленг, а фронт. В сотне метров друг от друга. Таким образом, не только ведомый будет прикрывать ведущего, но и наоборот. Всего-то повернул и срезал подкрадывающегося сзади противника. Только не забывайте крутить головой на триста шестьдесят градусов. Шея не сломается. Ребята, поймите, наши машины значительно лучше самолетов противника. Это преимущество надо использовать на все сто! Ну что, всем все понятно?

Пилоты закивали.

— Разойдись!

В этот раз боевое задание было выполнено. Десять минут штурмовки — и место сосредоточения вражеской техники стало напоминать лунный ландшафт. На пути к цели мы дважды предотвратили попытки фашистов прорваться к нашим «горбатым»⁸. Всего один «спит» сбили? Мало? Ерунда! Главное — задание выполнено и потерь с нашей стороны нет. Мощные Ил-ЮМ, которые здесь почему-то называются Ил-2, в глубине нашей территории пошли на свой аэродром, помахав нам на прощание крыльями. Бомбардировщики Ту-2 вообще обычно работают без истребительного прикрытия. Ни одна машина противника не может их догнать. Может быть потому, что на самом деле это модернизированные Ту-10?

* * *

Чертова пропагандистская кампания! Наши со Светкой фотографии заполнили все газеты и журналы страны. Я, с новенькой Звездой Героя на груди и кучей орденов за сбитые самолеты противника, со свеженькими погонами подполковника — Синельников, паразит этакий, своей властью мне еще по одной звезде на плечи накинул, — и она — маленькая моя сестренка — вольноопределяющаяся рядовая со своей медалькой. Разрекламировали до самых-самых. Отец вернется с Гавайев, надо будет обязательно поговорить на эту тему. Никакой личной жизни! С другой стороны — слишком много. Я, конечно, не против, но ведь может же вскрыться моя любвеобильность...

Глава 2

— По порядку, полковник, по порядку. И, пожалуйста, кратко.

Немолодой полковник со значками военной прокуратуры на петлицах вытащил из кармана кителя платок, вытер взмокший высокий лоб с намечающимися залысинами и, успокоившись, стал докладывать.

— Генерал-полковник Гудериан скрытно сосредоточил до двухсот танков — вероятно, это все, что осталось от второй танковой группы вермахта — под Пенками. Затем последовал пехотный удар у Скарышева, — полковник показал место на расстеленной на столе карте. — Генерал-лейтенант Власов поддался на провокацию и стянул туда резервы со всего участка фронта. Когда Гудериан ударил своими танками на стыке шестой и тридцать третьей наших мотострелковых бригад, — полковник опять ткнул в точку на карте колпачком шариковой авторучки, — наша оборона не выдержала многократного превосходства противника. Резервы этих бригад отсутствовали из-за приказа генерала Власова. Причем немецкий танковый кулак прорвался прямо к штабу армии. Генерал Власов позорно бежал на бронетранспортере с тридцатимиллиметровой пушкой, тем самым еще уменьшив оборонительные возможности роты охраны штаба армии.

«Интересно, и где „быстроходный Гейнц“, — вспомнил я кличку Гудериана в том мире, — нашел горючее для своей техники? Значит, мы не все их бензохранилища разбомбили».

— Прорыв был ликвидирован, но несколько десятков немецких танков все-таки дошли

⁸ Прозвище советских штурмовиков из-за их характерного вида

до моста через Радомку и, выбив охрану, которую Власов не удосужился предупредить... Точнее, — поправился полковник, — он вообще никому не доложил о вражеском прорыве. В общем, Гудериан ушел, — полковник сник, как будто это была лично его вина.

— Наши потери? Безвозвратные, — уточнил я.

— Почти семьсот человек, — виновато ответил военный прокурор.

— Заключение следственной комиссии готово?

— Так точно, — полковник достал пластиковую папку, вытащил из нее документ и протянул мне.

Я пробежал бумагу глазами. Все правильно составлено. Взял из стаканчика письменного прибора перьевую авторучку, заправленную красной несмываемой тушью, и написал: «Расстрелять». Поставил число и подпись. Расшифровал: «Заместитель председателя ГКО СССР генерал-полковник Синельников Е.И.». Протянул документ обратно полковнику:

— Распорядитесь о немедленном исполнении.

Почему полковник Коган заранее не предупредил Иосифа Виссарионовича об этом предателе? Надо будет у Василия Сталина спросить.

* * *

Восемьсот тонн авиационного бензина. Много это или мало? Для нормального химкомбината — выработка одной смены. Для обычной нефтебазы — вообще мелочь. Для одного Ил-четырнадцатого — хоть залейся. А если их ровно сто сорок две штуки и впереди не одна тысяча километров? В самый раз. Во всяком случае, именно столько потребовалось сосредоточить в трех точках на территории Канады для операции «Удар молнии». Причем сосредоточить тайно. Закупить в основном в Североамериканских Штатах, складировать и проверить все это так, чтобы неумелые канадские спецслужбы и полиция ничего не заметили. Хорошо, что в Канаде больше трех процентов населения — украинцы. А они еще не забыли закон августа тысяча девятьсот четырнадцатого года «О мерах военного времени» о регистрации и интернировании канадских граждан, подпадавших под категорию «подданный враждебного государства». Шесть лет в концлагерях так просто не забываются. Поэтому у специалистов первого отдела ПГУ СГБ СССР не было проблем с помощниками.

Когда поступила команда, первые готовые к вылету самолеты, загруженные десантниками, пошли на взлет уже через два часа. Еще полтора часа ушло на подъем в воздух всех транспортников. В левом кресле лидера сидел сам командующий дальнебомбардировочной авиацией Советского Союза генерал-майор Голованов. Так уж получилось, что военно-транспортная авиация СССР была у него в подчинении. Голованов решил лично возглавить пилотов в десантной операции, не имевшей до сих пор аналогов в истории мира. Надо было видеть удивленные лица ничего не понимающих американских работников транзитного аэродрома на Аляске, когда на него стали садиться один за другим тяжелые транспортные самолеты. Машины заправлялись и тут же взлетали. Команда советских технических специалистов работала, как на конвейере. Бензозаправщики сновали от самолета к самолету и к топливным танкам бензохранилища, как неутомимые муравьи. Один из «Илов» пришлось тягачом оттащить в сторону. Борттехник транспортной машины обнаружил неполадки в работе правого двигателя. Еще два самолета остались стоять в чистом поле уже на территории Канады, в точке второй дозаправки. Там уже десантники сами подкатывали бочки с авиационным бензином и маслом к транспортным «Илам» и, по очереди сменяясь у ручных насосов, заправляли свои машины. Еще три машины пошли на вынужденную, не долетев каких-то двух-трех сотен километров до намеченной цели.

Утром, в шесть часов вторника второго июля тысяча девятьсот сорокового года жители Оттавы с удивлением наблюдали, как огромные по тем временам транспортные самолеты один за другим садились в чистом поле всего в четырех километрах от столицы страны. Хорошо выспавшиеся во время долгого полета десантники высыпали из машин и, строясь на

ходу в колонны, резво выдвигались марш-броском к центру канадской столицы. По пути солдаты останавливали и реквизировали автотранспорт. Водителю тут же выдавалась бумага, куда быстро вписывался регистрационный номер автомашины. В документе на трех языках — русском, французском и английском — было сказано, что машина будет возвращена, а при невозможности — оплачена по цене новой. Круглая двухцветная печать с большой красной звездой в центре, присутствовавшая на расписке, отбивала желание спорить ничуть не меньше вроде бы небольших, почти игрушечных, автоматов десантников АК-104.

К десяти утра все основные правительственные здания были захвачены. А к одиннадцати в Холме, так почему-то канадцы называли здание своего парламента, были собраны все до того власть имущие в Канаде. Два часа утрясали текст капитуляции. Затем распечатанный опять-таки на трех языках текст был подписан. С канадской стороны подписи поставили генерал-губернатор Джордж Кембридж, граф Этлои, премьер-министр Уильям Кинг и спикеры: Сената — Джордже Парент и Палаты общин — Джеймс Аллисон Глен. С советской стороны подписались два молодых генерал-майора. Командующий ДБА и ВТА Александр Евгеньевич Голованов и только в феврале назначенный командующим ВДВ Василий Филиппович Маргелов. Именно он возглавлял десантную операцию. Несмотря на несколько напряженную обстановку, по бокалу шампанского все-таки выпили. Ведь боевых действий практически не было. Чуть-чуть стрельбы и несколько раненых с обеих сторон — не в счет.

Солнце уже ощутимо нагрело серые гранитные глыбы, из которых было сложено здание парламента, когда в Москву ушла шифровка об успешном окончании операции. Несколько батальонов десантников, выстроенных перед Холмом, ответили на приветствие своего генерала громким троекратным ура. Эхо отразилось от высокой башни с часами, очень напоминавшей знаменитый Биг-Бен. Солдаты любили своего молодого командующего. Они уже успели расшифровать аббревиатуру ВДВ как войска дяди Васи.

* * *

— Итак, господин президент, вы приняли решение? — Сталин в новеньком белоснежном мундире генералиссимуса был, несмотря на позднее время, бодр.

— А как вы, господин председатель⁹, предлагаете разделить Канаду? — А вот Рузвельт был уставшим.

Сообщение о захвате русскими второй по территории страны мира застало его врасплох. Консультации шли весь день, но окончательного мнения у президента Североамериканских Соединенных Штатов еще не сложилось. Вступить в европейскую войну на стороне СССР? Причем с учетом того, что Сталин не требует реального участия американских сухопутных войск? Помочь Советам разрушить существующую колониальную систему мира? А ведь у Штатов нет своих колоний, следовательно, появятся новые рынки. Пустить Сталина в Северную Америку? А как же доктрина Монро? А ведь он, Сталин, обещает еще помочь разобраться с японцами, которые слишком быстро бросились захватывать британские и французские колонии. Вопросов было очень много, но решать их следовало быстро. На следующий день советская делегация уже должна была вылететь в Москву.

Иосиф Виссарионович повернул голову к сидящему рядом Ворошилову. Маршал мгновенно понял, что требуется генералиссимусу. Пара слов стоящему за его креслом полковнику, и на большом круглом столе появляется карта.

— У вашей страны очень удобная часть северной границы с Канадой — прямая линия.

⁹ На данный момент И. В. Сталин является Председателем Президиума Верховного Совета СССР и премьер-министром — номинальным и фактическим главой государства

Не будем нарушать традиций.

Сталин положил большую прозрачную линейку и провел красным карандашом прямую линию от Уава до Муссони. Рузвельт очень удивился: весь юго-восток Канады вместе с Лабрадорским полуостровом отходил к Штатам. Самая заселенная и промышленно развитая часть страны. Жирный кусок.

— Остров Ньюфаундленд? — с некоторым напряжением поинтересовался американский президент. Очень уж богатая это была территория.

Иосиф Виссарионович переглянулся с Молотовым. Тот еле заметно кивнул и сохранил свое обычное невозмутимое выражение лица. Хотя, если приглядеться, можно было бы заметить через круглые стекла очков смешинку.

— Махнем на Аляску? — На лице Сталина появилась радушная улыбка.

Американский переводчик вначале не понял, что высший руководитель самой большой страны мира решил пошутить. Он минуту совещался со своим советским коллегой и только потом перевел предложение. Причем перевод оказался несколько длинней оригинала. Рузвельт вежливо улыбнулся и задумался. Обмен явно неравноценный. Аляска находилась севернее, и климат там был значительно хуже. А ведь можно стать тем президентом, чье имя останется в истории на века. Мало того что территории Соединенных Штатов станут больше, так еще сами они, эти новые земли, значительно более комфортны для проживания. Сталин понимает, что Советскому Союзу сейчас новые республики потянуть будет очень трудно, поэтому вынужден раздаривать территории, как шубу с барского плеча.

— Господин председатель, это, как вы понимаете, я должен обсудить. Но, как мне почему-то кажется, в Конгрессе особых вопросов не возникнет.

Они оба вежливо улыбнулись друг другу и Рузвельт спросил:

— Баффинова Земля?

— Давайте, господин президент, Гудзонов пролив будет нашим общим? — Сталин улыбнулся сквозь прокуренные усы.

Еще три года назад от «Голоса свыше» он получил информацию, что шельф Северного Ледовитого океана содержит богатейшие месторождения полезных ископаемых. Поэтому сейчас он делал все, чтобы заранее отсечь Соединенные Штаты от океана, который весь должен стать советским.

— Мелкие острова? — Рузвельт не собирался настаивать на огромном, но холодном острове, впервые описанном британским путешественником Баффином.

— Пусть с этим разберутся наши советники, — благожелательно ответил Сталин.

Президент также благожелательно кивнул. Переговоры шли уже третий день, и велись они не только между первыми лицами великих держав, но и между многочисленными военными и гражданскими специалистами.

* * *

— Итак, Гарри, предложения генералиссимуса Сталина выглядят весьма привлекательно. Как, по- твоему?

Гарри Ллойд Гопкинс работал с Рузвельтом уже давно. После недавней отставки из-за скверного здоровья с поста руководителя департамента внешней торговли он стал просто помощником своего президента.

— Безусловно, Фрэнки. Но мне не нравится сама ситуация... Операцию по захвату Канады русские провели слишком хорошо, — слово «слишком» он выделил интонацией. — Поневоле подумаешь: а что, если они захотят учинить нечто подобное с нами? Да, у нас есть армия, не чета канадской, однако... Кто мог подумать об удачной атаке русских на Канаду еще неделю назад?

Рузвельт заинтересованно посмотрел на своего друга.

— Да, Донован еще полгода назад докладывал мне про имеющиеся у него данные о вероятной агрессии всех основных европейских держав против Советов. Говорил он и про

то, что русские, с высокой долей вероятности, готовят своим противникам не один сюрприз, но такое никому в голову не приходило! Эти Советы оказались способны не только наголову разбить лучшие войска Гитлера и флот Черчилля, но и нанести ответный удар в совершенно неожиданном направлении! Уверен, что все наши ярые антикоммунисты, начиная с мистера Гувера, сейчас исходят ядом — «красная угроза» совсем рядом с границами США...

Гопкинс скорчил такую мину, что президент засмеялся.

— Понимаешь, Фрэнк, — начал объяснять Гарри, — ты в курсе, что русские в Канаде запретили деятельность лишь пары крайне правых партий? Все самые большие политические партии и движения получили разрешение продолжать свою деятельность с учетом военного положения! Нет, для меня совершенно очевидно, что русские будут всеми средствами поддерживать левые силы, в первую очередь — канадских комми, но одно то, что они не запретили многопартийную систему, говорит о том, что либо мы чего-то не понимаем в их доктрине, либо Советы сменили свой политический курс, а мы этого не заметили...

Рузвельт хмыкнул:

— И правда, любопытно... Ладно, этот вопрос пока не стоит остро, так что вернемся к теме наших сегодняшних переговоров с генералиссимусом... Как ты думаешь, Гарри, зачем ему Аляска и холодный север Канады?

— Черт его знает. Вариантов много. Во-первых, чисто практически им выгоднее ассимилировать Аляску, чем пытаться бороться с нашим влиянием на промышленно развитые районы Канады.

Президент согласился:

— То есть здравый смысл... Плюс к тому Аляска изначально была русской территорией, и не исключено, что Сталин просто хочет вернуть ее назад. Принимается. Продолжай...

— Во-вторых, отдавая нам такой лакомый кусок, Советы ставят условием военный союз между нашими странами против фашизма и колониализма.

— Ты думаешь, они настолько заинтересованы в союзе с нами?

— Честно говоря, именно этот аспект переговоров меня... пугает... нет, не так, скорее, просто внушает опасение. Ведь если наш Конгресс вдруг откажется от такого щедрого предложения, то мое предположение об атаке русских, например, на Вашингтон может оказаться не столь уж фантастичным...

— Твоя мысль мне понятна. Конечно, тот, кто отказывается от столь щедрого предложения, наверняка имеет камень за пазухой, да и Сталин, уверен, не стерпит такой обиды... — Рузвельт сделал паузу и продолжил: — С другой стороны, он отдает нам именно те территории, с которых удобнее всего ударить по Вашингтону. Хотя именно они сегодня самые богатые и заселенные. Как бы говорит: мы хотим только дружить. Однако не думаю, что Конгресс откажется от этого союза...

— Почему? — все еще не мог понять Гопкинс.

— Видишь ли, я перед переговорами имел удовольствие прочесть сводный аналитический доклад от комиссии по внешней торговле при Конгрессе. Нет, я был в курсе, что Советы активно покупают наши станки, но даже я не знал, что сейчас уже около двадцати процентов нашей промышленности работают по прямым заказам из СССР! Причем из этого доклада следует, что часть продаваемого нами не в Советский Союз оборудования в конечном итоге оказывается опять же в России... Да, русские зависят от нашего оборудования, но и мы зависим от их контрактов! Прекратись сейчас заказы из СССР — нашу страну ждет кризис похуже «Великой депрессии»... А большинство наших конгрессменов тем или иным образом связаны с промышленностью — либо имеют долю в предприятиях, либо просто живут на содержании у промышленников... Так что антикоммунисты могут скрипеть зубами от злости, но этот союз будет заключен!

Теперь уже задумался Гопкинс. В администрации президента, до того, как стать министром торговли, он занимался рабочими местами. Весь великий кризис он только и делал, что искал, куда пристроить американский народ, чтобы он мог прокормить себя и

свои семьи. Правые, даже из его «родной» Демократической партии, давно прозвали его самого коммунистом. Нет, у него действительно левые взгляды, но не настолько же... А если?... Впрочем, Фрэнку виднее.

— А если Советы знают что-то про север, чего не знаем мы? — озвучил Гопкинс свои мысли. — Это вполне вероятно — ведь мы еще не закончили проект «Манхеттен», а по всем данным наших аналитиков, успехи русских в последние несколько лет связаны именно с...

— Да, я понял тебя, Гарри, — перебил друга Рузвельт, — но у нас нет особого выбора — эти предложения Сталина слишком хороши, чтобы от них отказаться...

Неожиданно советник расхохотался:

— Видишь ли, Фрэнк... Только что пришло в голову... Вполне может быть еще одно объяснение желанию Сталина получить в свои руки весь север американского континента: просто тщеславие. Ведь оккупировать Гренландию русским теперь труда не составит, а значит, Ледовитый океан станет «карманным русским океаном»...

Президент тоже засмеялся:

— Да, Гарри, объяснение ничем не хуже прочих... Ха- ха... Все может быть... Кстати, на оккупацию Гренландии они не пойдут. Зачем? У Советов отличные отношения с Данией. Выкупят этот холодный остров у королевства. Вот только... Откуда у них столько золота?

* * *

— Коля, ну ты же пилот! Мы ведь даже думаем не как все.

— Что значит не как все? — на лице моего ведомого было удивление.

— Ну, — теперь уже я задумался, — например. Что ты делаешь, когда нужно лететь выше?

— Как что? Капот приподнимаю.

— Вот. А давай спросим кого-нибудь, — я огляделся. Официантка Настенька с довольной улыбкой о чем-то беседовала со старшим лейтенантом Олегом Таругиным, техником второй эскадрильи. Отличный, знающий специалист. Но ба-а-абник! Надо спасать девушку.

— Настенька, подойди к нам, пожалуйста.

Официантка тут же подбежала к нашему столику, оставив разочарованного Таругина.

— Добавки, товарищ подполковник?

— Нет, Настя, садись, — я пододвинул стул.

Девушка аккуратно, бочком, пристроилась на сиденье, немного настороженно поглядывая на нас.

— Вот представь, Настенька, что ты летишь на самолете и управляешь им.

— Я? — в глазах девушки были испуг и удивление. На самолете она еще ни разу в жизни не летала. Мне даже пришлось погладить ее по руке, чтобы чуть-чуть успокоить.

— Ты, Настенька, ты. Вот что ты будешь делать, если потребуются лететь выше?

— Не знаю, — девушка задумалась, — наверно, поверну рули так, чтобы нос задрался.

— Молодец, — я посмотрел на свою пустую тарелку, — а добавку ты мне действительно принеси. Гуляш сегодня великолепный.

Официантка тут же умчалась на кухню. Меня в полку любили. За что, интересно? Я повернулся к ведомому:

— Ну что, понял?

Коля задумчиво поковырял вилкой в своей пустой тарелке.

— Она пытается управлять машиной, а я сливаюсь с ней?

— В точку! А выводы? — тут же потребовал я.

— Разные ощущения и, как следствие, другой образ мыслей? — высказал предположение Коля.

— Правильно! И раз мы по-другому думаем, раз нам в жизни больше дано — ну кто еще может летать быстрее птиц и почти каждый день смотреть на землю сверху вниз — то у

нас и ответственность выше. А уж за свой экипаж ты должен отвечать по полной и понимать, что криком порядок наводить не стоит.

Николай подумал — кажется, до него дошло — и кивнул:

— Ясно, командир. Больше не повторится.

Утром этот троглодит накричал на сержанта-прибориста, не успевшего вовремя отъюстировать новый радиополукомпас. Старый отказал и парень всю ночь с товарищами менял прибор, но точно настроить не успел.

* * *

Это была большая победа всего советского народа, армии, дипломатов, правительства и лично Иосифа Виссарионовича Сталина.

— Все получилось! — я положил на стол перед маршалом шифровку.

— Это точно, Синельников? — Берия недоверчиво смотрел на меня, сверкал стеклами своего пенсне и тоже начинал улыбаться. — И на создание Организации Объединенных Наций со штаб-квартирой на нашей территории Рузвельт согласился?

— На все! Они с Иосифом Виссарионовичем подписали тот текст декларации, над которым мы тогда в Политбюро столько спорили. Военный союз стран, борющихся с фашизмом и колониализмом, уже существует. Американская армия войдет в Канаду и будет поддерживать там порядок до ввода наших внутренних войск. Мы же обязуемся помочь Штатам в войне против Японии, которая сегодня уже неминуема, не позже чем через три месяца после капитуляции гитлеровской Германии в Европе. Британия объявляется не просто пособником фашистов, а фашистской страной. Любые поставки туда запрещены, и мы можем начинать морскую блокаду немедленно.

— То есть все пункты наших планов прошли?

— Так точно, товарищ маршал, — довольно доложил я, — советская делегация вылетает в Москву сегодня вечером после совместной пресс-конференции руководителей двух великих держав.

Лаврентий Павлович задумался, еще раз улыбнулся мне и констатировал:

— На фронте у нас тоже все хорошо. Две крупные группировки противника уже капитулировали. Осталась только эта их группа армий «Центр», рассеченная пополам. Но там тоже германцам уже нечего есть. Закончим с ними, перегруппируемся, и можно будет двигаться на запад, на Берлин.

Неужели у нас все получится?

* * *

Вообще, как выяснилось позже, мы совершенно оказались не готовы к такому громадному количеству пленных. Пришлось даже специальный закон принимать. Взятые в плен, если не виновны в других преступлениях, заключаются под стражу и могут быть отпущены, если нет особых договоренностей между воевавшими странами, только после семи лет отработки. Англичан у нас было не так уж много, а вот немцев... Голодающие в окружении германцы начали сдаваться уже в конце двадцатых чисел июня. Показывать по телевидению и в документальных фильмах «Совинформбюро» длинные колонны пленных — это для пропаганды советского образа жизни было, конечно, хорошо. Но их же всех надо было накормить, проверить, рассортировать, вывезти на восток державы к местам работ. Мои контрразведчики зашивались. Ведь вся их работа должна быть тщательно задокументирована. Во внутренних войсках катастрофически не хватало командного состава. Служба военных переводчиков громко кричала: «Караул!» Единственное, с чем практически не возникало проблем, так это с железнодорожным транспортом.

Ну Лазарь Моисеевич, ну жук усатый! В тридцать девятом он за какие-то пару месяцев умудрился перешить железнодорожную колею на освобожденных от польских оккупантов

территориях Западных Украины и Белоруссии под наш стандарт. Тихой сапой собрал себе целых шесть перешивочных состав-комплексов образца конца шестидесятых годов того мира. На каждый подготовил по четыре смены специалистов и гнал эти комплексы практически без остановки. До полутысячи километров в сутки иногда перешивать у Кагановича получалось! Это одновременно с постройкой новых и серьезной реконструкцией старых мостов. Вообще, железнодорожный транспорт здесь у нас здорово вперед шагнул. Появление новых мощных дизельных тепловозов и усиленных грузовых вагонов позволило поднять грузоподъемность эшелонов до тысячи двухсот тонн и скорость движения по длинным перегонам до шестидесяти километров в час. Мало? Это только кажется. Составы с техникой, боеприпасами, продовольствием шли на запад, делая за сутки до тысячи километров. А на восток шли поезда с пленными. Надо признать, что немецкая дисциплинированность работала и в плену. Эшелоны разгружались в глубоком тылу, и тут же германцы сами строили себе лагеря. Хорошо, что сейчас лето. Не особо замерзнут. Но за Уралом у нас и летом ночами холодно. Континентальный климат как-никак.

* * *

Серое облачко разрыва зенитного снаряда вспухло почти перед самым самолетом. На лобовом бронестекле появилась приличная выщербина. Машину заметно встряхнуло, и перед носом появилась нелепо торчащая почти вертикально неподвижная лопасть винта. Невезуха-то какая... Решил, называется, на свободную охоту в ближний тыл противника смотаться. Поймали девятку «мессеров». Двух я завалил, одного Колька, еще одного — Голубев с напарником на свой счет записали. Остальные успели в тыл удрасть. Знают, гады, что мы в глубину их обороны стараемся не забираться. Мало мне было. Еще свежатинки захотелось. Пошли вдоль линии фронта, и тут... Так нелепо попасть под зенитки! И откуда они у немцев здесь взялись?левой рукой рванул рычаг аварийного управления шагом винта. Хоть какое-то давление в маслосистеме заклинившего движка осталось? Лопасть медленно, рывками, но повернулась на больший угол атаки. Уже легче, зафлюгированный винт теперь меньше тормозить будет. Дальше что? Оба оставшихся НУРСа — в белый свет как в копеечку. Пусковые контейнеры отвалились и закувыркались вниз. Горючку — на аварийный слив. Еще около двухсот кэгэ сбросим. Теперь осмотреться. За машиной тянется шлейф бензина, выдавливаемого из баков углекислотой. Колька прилип сзади слева. Пара Голубева на шестьсот метров выше. «Мессеров» не подпустят, если те появятся. Запас высоты терпимый. До нейтралки должно хватить. Плавнo доворачиваю на восток, одновременно жму тангенту передатчика.

— «Голубь-первый», «Голубь-первый», я — «Зверь», как слышишь?

— Отлично слышу, командир, — немедленно откликается капитан Голубев.

— Мотор у меня заклинило, — информирую я, делая ударение на второй «и», — прикрывайте.

— Васька, сам-то цел? — тут же всунулся неугомонный Колька.

— Вроде цел.

Балансирую почти на скорости сваливания. Зато так дальше долечу.

— «Зверь-два», «Зверь-два», ваш курс, немедленно, — прорывается голос начальника штаба моего полка через шум помех.

Быстро сообразил, однако. Сейчас штурмана по данным Николая рассчитают место моей вынужденной, и командование тут же вышлет мне на помощь «броневой ударный батальон». Приучил их отец к взаимодействию.

Высота неумолимо падает. Так, линию фронта проскочили. «Больному стало легче, он перестал дышать», вспомнилось вдруг некстати. И чего всякая ерунда в голову лезет? Прыгать уже поздно. Низко слишком. Взгляд рывками бежит по земле.

Ищу, куда плюхнуться. Приходится лететь с небольшими доворотами, иначе длиннющий капот мотора закрывает почти всю видимость. Вон вроде бы подходящее поле.

Скольжениями сбрасываю мизерный запас высоты и плюхаюсь «на брюхо». Метров двадцать — пробег нормальный. Чисто автоматически фиксирую соответствие своих мыслей голосу комментатора при запуске ракеты: «Двадцать секунд — полет нормальный». Правым крылом натыкаюсь на что-то торчащее из-под снега, и начинается наземная акробатика...

Что так надоедливо жужжит над ухом?... Паршиво-то мне как... И почему мать-Земля так отвратительно встречает своих блудных детей? Ага, мыслю, значит, существую. Живой? Вроде. Глаза, как ни странно, открываются. Все какое-то темное. Уже закат? Долго провалялся. Так, сначала шевелим головой. Хорошо, шею, значит, не сломал. Теперь верхние лапы. Шевелятся. Нижние? Тоже. А что жужжит? Аккуратно поднимаю правую руку к шлему. О, светофильтр, оказывается, вниз свалился. Поднимаю. Теперь светло! Так это, оказывается, Колька надо мной кружит. Медленно, но активно шевелимся. Вроде цел, как ни странно. Расстегиваю ремни и пытаюсь открыть разбитый фонарь. Черт, заклинил. Ладно. Достаю «Гюрзу» и отстреливаю замки. О, как по ушам бьет в маленькой кабине. Еще хорошо, что в шлеме. Откидываю остатки фонаря, встаю и машу Николаю. Тот, заметив, сразу крутит восходящую бочку. Радует за меня. На сердце становится заметно теплее. Вылезаю и обхожу разбитую машину. Да, инженеры Викентьева тогда хорошо постарались. Самолет вдребезги, а кабина почти цела, как кокон кокпита в формуле один.

Я почувствовал просто зверский голод, строго соответствующий моему позывному. Ну, раз желудок так напоминает о себе, значит, с организмом более-менее порядок. Надо достать бортовой паек и перехватить чего-нибудь.

* * *

В свой полк я попал уже ближе к вечеру. Связной Як-12 приземлился на полосу, и пилот подрулил прямо к будке мобильного КДП¹⁰. Меня встречали. Практически весь полк. Но лица у ребят были почему-то нерадостные. Многие плакали. Что случилось? Вот он же я, здесь. Живой и практически невредимый. Несколько ушибов не в счет. Соскакиваю на землю. Как-то неуверенно подходит начальник штаба.

— Василий Иосифович... — майор запнулся. И чего он по имени-отчеству? Мы же давно на «ты».

— Василий Иосифович, сообщение советского правительства, — он еще что-то говорил, но расслышать было невозможно. Севший сразу после малютки «Яка» Ил-четырнадцатый взревел моторами, реверсируя винты. Он как раз тормозил прямо напротив нас, и шум волной резко заглушил голос начальника штаба. Сейчас транспортник прокатится и станет слышно.

— ...вся делегация погибла, — закончил фразу майор и снял фуражку. В глазах у него тоже стояли слезы.

— Ничего не понял. Какая делегация? Где? Почему погибла?

Майор не ответил. Что вообще происходит? Все лица понурые. Многие повернулись к остановившемуся недалеко «Илу». Из открывшегося люка без лесенки выпрыгнула маленькая фигурка и стрелой понеслась к нам. Светка!? А она-то что здесь делает? Сестра бросается мне на грудь. Ревет в голос.

— Папу убили...

* * *

Рузвельт был доволен. Он был очень уставший, но довольный. Столько для государства, для его Штатов в этом веке не сделал еще ни один президент. Про экономический кризис, этот топор, нависший над свободным американским бизнесом,

¹⁰ Командно-диспетчерский пункт

можно было забыть на десятилетия. Союз с Советами? Это, несомненно, правильный шаг. В то же время Туманный Альбион теряет свое первое место в мире. Империя, над которой никогда не заходит солнце? Была. Индия взбунтовалась еще весной и теперь, когда русские подлодки делают в Индийском океане все, что хотят, она отрезанный от Англии кусок. Канаду у Его Величества мы со Сталиным уже отобрали. С Австралией разберемся без генералиссимуса. Нет у Советов столько войск и кораблей. Ближний Восток? Пусть русские сами там разбираются. Они же не отрицают право американских бизнесменов качать там нефть. Япония, которая набросилась на бывшие колонии британцев и французов, как коршун? Разберемся вместе с Советами. Надо признать, что их танки и самолеты хороши. Очень хороши. И русские достаточно дешево продают чертежи Америке. Правда, Советы за свои военные технологии запросили построить им под ключ два крупных судостроительных завода. На севере, около этого их Мурманска и под Владивостоком. Ну и что? Все равно им никогда не догнать нас по тоннажу. СССР становится ведущей державой мира? Надолго ли? Рузвельт даже подумать не мог, что в этом мире не просто надолго — навсегда.

Элеонора стояла у мужа за спиной и придерживала одной рукой спинку инвалидного кресла, а другой шляпку. Ветер дул от винтов огромного четырехмоторного самолета советской делегации, который разворачивался, выруливая на взлетную полосу. Ветер пытался сорвать шляпку с ее головы. Первая леди тоже сильно устала за эти дни. Глаза этого Сталина... Вроде бы невысокий тихий человек. Но вся его фигура, весь вид источали такую властность, такую силу... Гордость за мужа переполняла ее. Он справился, поставил на место этого комми. Теперь Америка стала больше и богаче, а к Советам отошла эта холодная Аляска, которая когда-то и так принадлежала России.

Слева от инвалидной коляски президента выстроились советник Гарри Гопкинс, вице-президент Уоллес, госсекретарь Корделл Хэлл, военный министр Стимсон, морской министр Нокс, директор ФБР Джон Эдгар Гувер, адмирал Гарольд Старк, начальник штаба ВМФ, генерал Маршалл, начальник штаба армии, несколько сенаторов и ведущих конгрессменов. Именно с ними совещался и принимал поистине судьбоносные решения президент страны, которая стремительно вырывалась вперед на фоне прогнивших европейских культур. Глава вновь созданного Управления Стратегических Служб полковник Уильям Донован стоял последним в этом ряду. Он был, возможно, единственным, кто не поддержал Рузвельта. Ну, не брать же в расчет этого Маккарти. Президент сделал чудовищную ошибку. Да, проект машины времени «Манхеттен», который позволит заглядывать в будущее, пока не дал никаких результатов. Но потом, когда все получится — Донован был уверен в успехе — потом может оказаться слишком поздно, ведь у Советов такая машина уже есть. А иначе — откуда они все знают?...

Справа стоял строй почетного караула из морских пехотинцев. Лучшие парни Америки, добровольцы. Высокие, сильные и всегда готовые с оружием в руках высаживаться там, где прикажет их президент.

В небе над взлетающим советским самолетом кружила шестерка «Кинг кобр» — почетный эскорт для транспорта делегации бомбардировщика Ту-4, переоборудованного в достаточно комфортабельный дальний пассажирский самолет с мощным оборонительным вооружением. Вдруг одна из машин неожиданно наклонила нос и сорвалась с нарастающей скоростью в пикирование. Очереди сразу из двух пушечных турелей только что оторвавшейся от взлетной полосы «тушки» не смогли помешать «кобре» врезаться в хвост самолета советской делегации. Море огня от вспыхнувшего бензина закрыло часть горизонта. Жар вспышки дотянулся своим теплом до сидящего в инвалидном кресле президента.

— Как же это? Почему? Что же теперь будет???

Фашист Чарльз Линдберг... Летчик, первым в мире перелетевший Атлантический океан. Национальный герой Америки и ярый поклонник Гитлера. Что или кто заставил его? Личные убеждения или люди адмирала Канариса, в руках которых оказался второй ребенок Линдберга?

* * *

— Ты хоть понимаешь, что об этом сейчас говорить рано? — было хорошо заметно, что Берия очень устал. Уставший и очень настороженный.

Таким я не видел его с весны, когда без чьей-либо санкции приказал расстрелять без суда братьев Кобуловых и министра внутренних дел Грузии Сергея Гоглидзе¹¹. Лаврентий Павлович, сразу как узнал об этом, примчался на Ближнюю дачу к Сталину и потребовал немедленного лишения меня всех властных полномочий. Виссарионович тогда выложил ему все документы следствия, которые тщательно подготовили мои ребята из второго ГУ¹². Берия тут же поехал ко мне. Первый вопрос, который я тогда услышал, был:

— Почему, Синельников, ты не предупредил меня?

— Лаврентий Павлович, сядьте, пожалуйста, — я пододвинул удобное кресло.

— Почему, Егор? — глаза всемогущего министра за круглыми стеклами пенсне были злыми, удивленными и немного обиженными.

— Потому, что это были ваши люди, — я сделал ударение на «ваши», — и своими преступлениями они бросали тень на своего покровителя. Вы, без всяких сомнений, стали бы их защищать. А эти... своей жадностью предали наше дело. Был бы только лишний шум. Кобуловых и Гоглидзе все равно поставили бы к стенке, но слишком много народу тогда могло узнать, что люди честнейшего маршала Берии — предатели.

— А твои люди, — теперь уже ударение было сделано на «твои», — болтать не будут?

— Нет. Тем более что став моими, они не перестали быть вашими. Так же, как и я сам.

Еще около недели тогда Лаврентий Палыч поглядывал на меня немного косо, а потом взял и привез моей Светланке роскошную норковую шубу. Светка, немного недолюбливавшая Берию, подарок приняла только после моего поощряющего кивка. Мы с маршалом дружно поохали, восторгаясь видом восхищенной девушки в поистине королевском подарке. Прощаясь в тот вечер, Палыч крепко пожал мне руку, поглядел прямо в глаза и сказал только одно слово:

— Спасибо.

Значит, понял все правильно и окончательно поверил мне.

Сейчас Берия был таким же уставшим и настороженным, как тогда весной. И еще убитым горем. Я спросил прямо:

— Кто сядет в кресло вождя и возглавит осиротевшую державу?

Лаврентий Павлович бросил на меня оценивающий взгляд.

— Ну уж никак не ты.

— Товарищ маршал, мне не до шуток. Кто?

— Какие сейчас могут быть шутки, Егор? — Берия задумался, — Молотов мог бы... Я не хочу, я...

— Вы не лидер, Лаврентий Павлович, — жестко сказал я, — вы — великолепный руководитель, отличный специалист, очень знающий и умный человек, но не лидер. Но вот решать, кто сядет в кресло Сталина, придется именно вам и прямо сейчас.

Маршал устало посмотрел мне в глаза.

— А ведь ты тоже не годишься. Я верю тебе, но за тобой не пойдут. Да и страна тебя не примет. Молод слишком. Я вообще не совсем понимаю, как ты меньше чем за три года стал из никому неизвестного младшего лейтенанта генерал-полковником, членом Политбюро и

¹¹ Братья Кобуловы в 1937 году на законных и не вполне основаниях получили немало ценного имущества арестованных и расстрелянных. Младший из них — Амаяк — выбирал во враги народа людей побогаче. Нарком внутренних дел Грузии Сергей Гоглидзе специализировался на накоплении драгоценностей

¹² Второе Главное Управление СГБ — внутренняя безопасность и контрразведка

одним из главных руководителей страны.

— Правильно. Я сам не желаю. Дело не в возрасте. И вы, Лаврентий Павлович, прекрасно все понимаете. И как я генералом стал, и как в Политбюро попал. Дело совершенно не в этом. После Иосифа Виссарионовича меня всерьез никто не воспримет. Тогда кто?

Берия задумался и ответил:

— Не знаю.

Я выдержал достаточно большую паузу и только потом сказал:

— Есть только один человек, которого страна примет почти без вопросов, за кем пойдет без всяких сомнений.

— Кто? — удивился маршал.

— Сталин!

— Как это, — не понял сначала Берия, — он же мертв. Ты, Егор, думаешь что говоришь?

Я молчал и смотрел прямо в глаза маршалу. Постепенно выражение его лица стало меняться с удивленного на очень удивленное и не верящее.

— Васька?

— Нет, — торопиться было нельзя, — нет, не Васька, а Василий Иосифович Сталин.

Зрачки маршала расширились. Это было хорошо видно через круглые линзы пенсне. Берия задумался, а потом вдруг разразился длинной тирадой.

— Три года назад, после появления «Голоса свыше» Иосиф Виссарионович однажды спросил меня, точнее, задал риторический в общем-то вопрос: почему те, из будущего, не хотят вести с нами прямой диалог? А потом перестал задавать такие вопросы. Причем достаточно быстро после этого стала меняться наша внутренняя политика. Технические вопросы внедрения новых технологий начали очень быстро решаться Управлением Стратегических Исследований. Слишком быстро! Почти мгновенно! Ты, Егор, думаешь, я не сделал выводы из этого? Затем вдруг один младший лейтенант ГБ¹³ из моего собственного ведомства стал проявлять чудеса тактики и прозорливости. Очень удачно при этом подставившись на прямой контакт с Вождем. Стремительный карьерный рост был обеспечен. Мало того, что этот лейтенант практически не совершал ошибок, мелочи вроде одновременного секса с двумя девчонками не в счет. Он при этом почему-то не подставлял своих начальников, что было очень принято у нас раньше. Этот лейтенант оказался великолепным спортсменом. Вырубить одним ударом профессионального боксера, призера чемпионата страны, или забить гол в ворота лучшей футбольной команды Москвы для него не представляет никакой сложности. А уж как он стреляет! Берет в руки новейший автомат, чертежи которого опять-таки получены через УСИ, разбирает-собирает его так, как будто всю жизнь этим занимался, и стреляет без единого промаха. Отлично прыгает на толком не освоенном еще инструкторами-испытателями парашюте-крыле. Менее чем за сутки находит и раскалывает глубоко законспирированного вражеского шпиона. Устраняет ошибки сборки системы управления еще никогда не летавшего вертолета. Те ошибки, в которых не смогли разобраться лучшие специалисты мира. Узнав крохи информации по вражескому чуть ли не гению ракетостроения, за пару дней разрабатывает и лично производит молниеносную операцию его захвата на секретной базе противника. Поднимаясь по карьерной лестнице, этот парень всегда оказывается на своем месте. Внешняя политика или планирование военных операций — никаких проблем! А как ты подготовил своих десантников? Ведь в Канаду ты отправил не самых лучших. Отборные, преданные лично тебе, сидят в полной готовности здесь, под Москвой, в тренировочных лагерях. Не знаю, как ты это сделал, но за тебя они глотки кому угодно перегрызут. Взять личную, практически бесконтрольную власть

¹³ Младший лейтенант Государственной Безопасности соответствует общевойсковому старшему лейтенанту

в стране сейчас тебе не просто, а очень просто. Но — нет! Ты приходишь ко мне и предлагаешь мальчишку, который еще моложе тебя!

Н-да... Оказывается, все это время я был под колпаком у Берии. Под довольно плотным колпаком. Конечно, мы не были такими наивными, чтобы не предполагать подобное. Но настолько плотно и прозрачно?...

— А если он — Василий Иосифович — еще лучше и опытней меня? — все-таки решился я.

— Ответь мне только на один вопрос, Егор, зачем вам все это надо? — в его глазах была усталость, очень большая усталость.

Вот что мне сейчас ему сказать? Правду? Всю правду? Что там, в другом мире мы просрали построенную такими же, как и здесь, Сталиным, Берией и всем народом державу? Искать виноватых? Нельзя, сейчас никак нельзя... Как объяснить, что нынешний Советский Союз теперь мне не менее, а даже более родной, чем та Россия? Слова, это будут только слова... Все эти годы он мне верил. Очень многое знал, еще больше понимал, плотно контролировал, но верил... Надо или рассказать все, до последней мелочи, или... не говорить ничего! И тогда я решился! Подошел к столу с музыкальным центром, включил. Пока лампы прогревались, нашел нужную пленку, вставил кассету и увеличил громкость и басы. Пока из колонок слышалось слабое шипение, подошел к маршалу и сел в кресло прямо напротив него. Глаза в глаза.

Мелодия была хороша. Просто великолепная мелодия. Но сейчас, важнее был текст песни. Поверит?

Забота у нас простая,
Забота наша такая:
Жила бы страна родная,
И нету других забот.

И снег, и ветер,
И звезд ночной полёт...
Меня мое сердце
В тревожную даль зовёт.

Пускай нам с тобой обоим
Беда грозит за бедою,
Но дружбу мою с тобою
Одна только смерть возьмёт.

И снег, и ветер,
И звезд ночной полёт...
Меня мое сердце
В тревожную даль зовёт.

Пока я ходить умею,
Пока глядеть я умею,
Пока я дышать умею,
Я буду идти вперед.

И снег, и ветер,
И звезд ночной полёт...
Меня мое сердце
В тревожную даль зовёт.

Не надобно нам покоя,
Судьбою счастлив такую.
Ты пламя берешь рукою,
Дыханьем ломаешь лёд.

И снег, и ветер,
И звёзд ночной полёт...
Меня мое сердце
В тревожную даль зовёт...

Старая песня Пахмутовой из того мира. Здесь ее еще никто не слышал...

Музыка кончилась. Мы сидели глаза в глаза и молчали. Наконец маршал спросил:

— Говоришь, он лучше тебя?

— На голову, — с готовностью подтвердил я.

— И фамилия у него — Сталин, — размышляя вслух, произнес Берия.

— И, возможно, это именно он давал советы Иосифу Виссарионовичу, — тоже как бы размышляя, добавил я.

— Он?! — тут же вскинулся маршал.

— Возможно, — я утвердительно кивнул, однако словами не подтвердил, но и не отрицал.

Берия задумался. Мы просидели в тишине несколько минут. Я не выдержал:

— Лаврентий Павлович, в конце-то концов, председателем ГКО будете вы. Вася — вашим замом и председателем Президиума. А так как верховный орган управления в стране — ГКО, то вы всегда можете снять Василия.

Маршал посмотрел на меня, горько усмехнулся и сказал:

— Мальчишка! И как ты до генерала дорос? Ведь это не твои игры. Твое — это противника ломать тем или иным способом. Вот тут ты специалист, каких поискать, спорить не буду. А власть — это сложнее. Во много раз сложнее и тоньше. А ты рогом прешь. И как ты саму идею ГКО придумал, понять не могу.

А ведь он, похоже, уже согласен!

— А кто сказал, что это моя идея? — ответил я очередным провокационным вопросом, понимая, что у меня все-таки получилось убедить его.

* * *

В Москву вошли две бригады ВДВ под командованием прилетевшего из Канады генерал-майора Маргелова и три бригады внутренних войск под командованием генерал-майора Абакумова. Опытные, натренированные десантники в кубанках с красным верхом и лучшие солдаты с красными погонами из ведомства Лаврентия Павловича Берии вместе патрулировали улицы столицы. Москва была в трауре. Скорбела вся страна, потерявшая сразу половину своего высшего руководства во главе с самим Сталиным. Не было смеха в городе. Даже маленькие дети, чувствуя горе родителей, меньше улыбались. Тяжело было стране, но жизнь продолжалась. Люди работали и учились.

* * *

— Егор, я не готов. Ты это понимаешь?

— А разве мы спрашиваем тебя о готовности? — теперь уже Лаврентий Павлович принялся за Василия. — Мы тебя сейчас вообще о согласии не спрашиваем. Надо. Понимаешь, надо!

Мы сидели в моей московской квартире. Обревавшемуся Светлану я напоил снотворным и уложил спать. А Вася... Василий нашел в холодильнике водку. Выпил, но

алкоголь на него практически не действовал. Хорошо хоть, что удалось уговорить его поесть. Глаза ввалились. Он не спал вторые сутки и спать, похоже, не собирался. А ведь Василий после неудачной вынужденной посадки.

— Вась, это не только твое горе, это наше горе, — ну не знаю я, как еще объяснить ему свое чувство!

Так вжиться? Он действительно потерял родного отца? А я? Такое ощущение, что потерял все... Нет, у меня есть еще моя Светланка. И еще ответственность. Ответственность за страну и народ. Она свалилась на наши плечи так неожиданно. Конечно, мы вытянем все, куда мы денемся. Но ведь он же явно лучше справится. Он нужен нашей команде. Кому, как не мне, это понимать? В конце концов, кто руководил проектом «Зверь» там? Чьи идеи я здесь воплощал? И Берию мне удалось убедить, что Василий нам нужен. Вдвоем с Лаврентием Павловичем мы — Сила. Именно с большой буквы. Его авторитет, умение руководить и мои знания. Вся внутренняя власть в стране у нас с ним в руках. Кто сейчас посмеет пойти против МВД и СГБ, вместе взятых? Никто не осмелится. Но вот с Васей мы будем во много крат сильнее.

— Василий, ты считаешь, что дело твоего отца продолжать не надо? — Берия зашел с другой стороны.

Вася Сталин задумался, затем посмотрел на нас усталым, но уже осмысленным взглядом.

— Дело отца?... Это мое дело!

Мы переглянулись с Лаврентием Павловичем. Наконец-то!

— Тогда давай ложись спать. Через два часа совещание ГКО. Мы продадим решение, чего бы это ни стоило.

— Мы просто обязаны в данный момент показать преемственность власти. Иначе нас не поймут ни наши граждане, ни союзники, ни, в конце концов, враги, — сказал я.

Мы сидели в осиротевшем кремлевском кабинете Сталина. Берия, видимо, после состоявшегося утром разговора, был сдержан и собран. Он уже выработал свою линию поведения и был готов к борьбе за правое дело и за нового лидера. Глаза Кагановича были красными. Он еще не принял для себя никакого решения. Хотя... Не знаю я никого, кто так быстро, как он, ориентируется во внутриполитической ситуации. Поэтому и умер в том, прошлом моем, мире своей смертью. Тимошенко сидел насупленный, отвернувшись от письменного стола вождя. Было такое ощущение, что он все время боится услышать за спиной голос человека, почти всю его сознательную жизнь руководившего им. Семен Константинович хорошо понимал, что сам он, только что назначенный министром обороны двумя замами Самого по ГКО, на место Верховного претендовать никак не может. Но сложившихся группировок еще, как ему кажется, не было, и на чью сторону встать, он пока не знал. Другое дело — Громыко. Андрей Андреевич явно будет на нашей стороне. Введенный в Политбюро совсем недавно, незадолго до войны, этот молодой умный белорусский шляхтич из обедневшей семьи был очень многим обязан Сталину. Якубовский? Молодой зам Ворошилова, теперь заместитель Тимошенко, а на самом деле — реальный министр обороны. Ваня тоже наш человек. Жданов. Старая гвардия? Вот он будет против. Андрей Александрович первый и спросил:

— И что мы должны сделать, чтобы показать эту так нужную тебе преемственность власти?

— Повторяю, это нужно нам, а не мне лично. Кооптировать в состав ГКО Василия Иосифовича Сталина с одновременным назначением его председателем Президиума Верховного Совета.

Меня явно не поняли. Не удивлен был только Лаврентий Павлович.

— Но он же мальчик еще! Всего девятнадцать лет. Да, он сын великого человека, но — мальчик, — высказал свое мнение все тот же Жданов.

— Да кто он вообще? — Маленков.

Этого надо убирать! Слишком много на себя берет. Хотя управленец неплохой.

— Зачем нам здесь этот мальчишка? Он же ничего не понимает в управлении страной! — Мехлис.

Этого тоже к стенке. Толку от него...

Я переглянулся с Лаврентием Павловичем. Нет, тяжелую артиллерию в виде Берии вводить рано. Только когда другого выхода не будет.

— Этот, как вы говорите, мальчишка сбил больше самолетов противника, чем кто-либо другой. Он настоящий воин. Но дело даже не в этом. И ГКО, и Верховный Совет — коллегиальные органы власти. Решения принимаются после тщательных консультаций. Какая вам разница, чья подпись будет стоять? Зато хотя бы видимость преемственности власти будет.

Они, сволочи, прекрасно понимают, что молодой Василий Сталин — это еще один голос в ГКО против них, против их личной власти. Пока был жив Сам, она была резко ограничена. А теперь...

— Да что ты, Синельников, к этой преемственности власти прицепился? Сам-то ты кто такой? Не много ли на себя берешь? — возмущается все тот же Мехлис.

Вот тут он не прав. Совершенно не прав. Переходить на лица не стоило. Тем более на лица, облеченные реальной властью. Я ведь и обидеться могу.

Я посмотрел Мехлису прямо в глаза.

— Кто я такой? Я тот, кого поставил на мое место Иосиф Виссарионович. Вы считаете, что товарищ Сталин был не прав? Вы хотите оспорить его решение? Кто еще так думает?

Я обвел взглядом всех находившихся в кабинете. Кое-кто не выдержал и отвел глаза. Меньшинство. Наступила тишина. Кажется, до них дошло. Ведь охрана в приемной выполнит любой мой приказ. Надо брать быка за рога. А потом... Потом я уберу всех, кто будет мешать нормально работать на благо страны. Кого на пенсию, а кого и к стенке.

— Ставлю вопрос на голосование. Кто за то, чтобы Василия Иосифовича Сталина ввести в состав Государственного Комитета Обороны и избрать председателем Президиума Верховного Совета?

— Сразу и за то, и за то голосуем? — удивился Каганович.

— Конечно, Лазарь Моисеевич. А чего тянуть? Работать надо. Страна ждет.

— Ну, тогда я — за!

* * *

— Как ты себя чувствуешь?

— Да все нормально, Егор. Лучше расскажи, что там, на совещании, решили? — выглядел он действительно неплохо. Всего-то четыре часа сна.

— Да тоже — нормально. Лаврентий Палыч молчал, хотя мы заранее и не договаривались. Все же понимали, что он сейчас как председатель ГКО — вне конкурса. А меня же знают именно как человека Берии, что, в общем-то, недалеко от правды. Пришлось чуть-чуть нажать. В результате — все как и ожидалось. Молодые все проголосовали за тебя. Старики, за редким исключением — против.

— А вот здесь давай подробно. Мне надо знать, на кого можно положиться. Хотя, — он задумался, — подожди. Дай-ка я попробую сам. Мехлис — против.

Я кивнул.

— Этого вообще надо от власти убирать. Дурак редкостный. В том мире в Крыму во время войны он такое творил... И чего его отец рядом держал? Ладно, поехали дальше. Маленков. Тоже против. Но вот его надо убеждать. Нужный, а главное — умный и работоспособный.

— А я уже думал, как его убирать, — пришлось признаться мне.

Вася взглянул на меня, усмехнулся и сказал:

— Егор, есть враги и Враги. Разницу понимаешь?

Теперь уже я заинтересованно посмотрел на Василия.

— Одни лезут во власть, потому что она является для них самоцелью. Они от власти получают удовольствие, как нормальный человек от секса. При этом они иногда могут быть полезны стране потому, что рвутся вверх, и поэтому на данном уровне работают более-менее качественно. Вот на самую верхушку пирамиды их допускать нельзя, ибо самодуры и могут угробить все, что делалось до них, — объясняя, Василий в темпе уничтожал все, что я достал из холодильника. Все, что вчера приготовила для нас домработница. Я, соответственно, не отставал от него.

— Другие идут во власть, прекрасно понимая, что это тяжелая, но нужная работа. Что ее лучше, чем они сами, сделать мало кто сможет. Примеры? Отец, Берия и, как бы странным тебе это ни показалось, Маленков. Но если первые всегда очень четко расставляют приоритеты, — Василий сам не заметил, что говорит об Иосифе Виссарионовиче в настоящем времени. Наверное, в глубине души еще не хочет верить в его смерть, — то Маленков просто не совсем правильно смотрит на меня как на лидера. Его надо убедить. Причем не словами, а делом. Языком молоть у нас любителей хватает, а потому поверит он мне только тогда, когда увидит результаты работы.

— Вася, — не выдержал я, — но он же предал Берию в том мире!

— И что? Об этом знаем здесь только мы с тобой. Он для меня — ресурс. Пока не использую полностью — не отдам.

Я посмотрел на Василия внимательно. Да, он к работе, кажется, готов.

— А почему ты не предупредил, — я немного замялся. Чуть было не сказал — Сталина. Ведь теперь Сталин во всех громких смыслах этой фамилии — он сам, — почему ты не предупредил Иосифа Виссарионовича о Власове?

— Забыл, — после небольшой паузы ответил Вася, — вот хочешь — верь, хочешь — не верь — забыл. Там, — он выделил это слово интонацией, — у меня не было такой памяти, как сейчас. Хотя дело не только в этом. Даже совсем не в этом. Память — вообще странная штука. Хорошее она помнит значительно лучше, а плохое пытается забыть. А Власов — такая мразь...

В дверь кухни постучали.

— Войдите, — разрешил я.

Появился мой ординарец и протянул какую-то бумагу. Я посмотрел и передал документ Васе. Четвертая армия вермахта под командованием генерал-полковника фон Клюге, уже третью неделю сидящая в окружении, капитулировала.

— Оголодала, видать, немчура. Гитлер пытался воздушный мост для Клюге устроить, как Паулюсу в том мире в Сталинграде, но здесь — это вам не там. Ни тонны, ни килограмма, ни даже грамма грузов им доставить не удалось, — констатировал Вася, когда ординарец вышел.

Похоже, этот мир для Василия тоже стал ближе?

* * *

— Нет, я категорически против! — Василий занял кабинет отца, и ни одна сволочь не посмела рыпнуться. После моей вчерашней, в общем-то неприкрытой угрозы многие наверняка подумали и сделали выводы. Сейчас Вася сидел с торца длинного стола для совещаний. Там, где обычно сидел Иосиф Виссарионович. Маршал Берия, хотя именно он официально стал председателем ГКО, сидел справа, а я, как всегда, слева.

— Вообще, какой смысл нам воевать против Штатов? Чтобы оказаться одним против всего мира?

— Вася, но они же...

— Василий Иосифович, — громко перебил и поправил я Маленкова.

Георгий Максимилианович замолчал, посмотрел на Берию и, не увидев какой-либо реакции с его стороны, продолжил:

— Василий Иосифович, но они же убили вашего отца, Молотова, Ворошилова, всю

делегацию... — он уговаривал Сталина, как маленького ребенка. Хотя... А кем до вчерашнего дня был этот девятнадцатилетний подполковник, с его точки зрения?

— Кто «они»? Лично Рузвельт? Его приказ выполнял Линдберг? — Вася говорил спокойно, не вставая со своего места. — Да поймите: эта диверсия бьет по Штатам ничуть не меньше, чем по Советскому Союзу. В общем, так: американцы уже представили все оригиналы документов, подписанных моим отцом на переговорах нашему послу в Вашингтоне.

Василий помолчал, посмотрел на всех присутствующих, вытащил папиросу из пачки «Беломора», закурил и продолжил, заметно начиная волноваться:

— Их Конгресс уже ратифицировал эти документы. Торопятся... И правильно делают. Это мое личное горе, это горе всей страны, но отец никогда не простил бы, если мы сейчас не сделаем так, как он хотел. Иосиф Виссарионович Сталин работал для Советского Союза, для его будущего, и мы обязаны продолжить его дело... — Вася запнулся и замолчал.

Берия положил свою ладонь на руку Василия. Тот явно не мог говорить. Волнение мешало.

— Так, товарищи, — заговорил Лаврентий Павлович, продолжая держать свою ладонь на Васином предплечье, — мы будем продолжать действовать так, как было решено еще перед войной на том памятном совещании ГКО. Надеюсь, все согласны с моим решением?

Маршал обвел своим тяжелым взглядом присутствующих. Несогласных не было. Берия поднял свою ладонь с руки Василия, снял пенсне, помассировал переносицу и надел пенсне обратно.

— Сейчас десятиминутный перерыв, затем продолжим, — Лаврентий Павлович посмотрел на Сталина и добавил:

— Василий Иосифович, вы не возражаете?

Некоторые перестали дышать. До них стало доходить, кто теперь главный. Не вывеска, как они поначалу могли подумать. Особенно после моих слов на вчерашнем совещании. Нда, вот так, одним предложением расставить все точки над «i»! Не только принять лидерство Василия Сталина самому, но и заставить это сделать других! Теперь я окончательно понял, что мы сработаемся. Умен Берия, ничего не скажешь. И чего эти идиоты убили его там в пятьдесят третьем? Ведь все могло быть по-другому, совершенно иначе...

Глава 3

— Как мне тебя называть-то, когда мы один на один?

— Васей, Лаврентий Павлович, Васей, — я усмехнулся, — и давайте договоримся раз и навсегда. Серьезных действий я без вашего ведома предпринимать не буду. Ну, во всяком случае, до тех пор, пока вы сами не отмените этого нашего договора.

Теперь усмехнулся уже маршал.

— Нет, Василий. Я даже объясню тебе, почему. Я знаю Синельникова. Я также знаю, что он каким-то способом может воздействовать на человека. Ну, нас с Кобой этим провести, как на мякине, было нельзя. Мы всегда судили по делам. Так вот, Синельников ни меня, ни Иосифа Виссарионовича ни разу не обманул. Я привык уже ему верить. Его характеристики и рекомендации были всегда точны. Поэтому я поверил ему и в этот раз. Ты, как это нынче называется, — он, обычно при разговоре не шевеливший лишний раз руками, пощелкал пальцами, — сразу получаешь карт-бланш.

— Хмм, — я даже не знал, что сказать. Доверие маршала, как ко мне, так и к Егору Синельникову, льстило и обязывало.

— Так, с этим все. Дальше. Что ты собираешься делать с теми, кто голосовал против тебя? — вот так сразу переходит с одного на другое?

Явно политесы со мной разводить не намерен. Время — деньги. Нормальный стиль хорошего руководителя. Сработаемся.

— Кого-то убедить, кого-то — к стенке, — что я еще мог ему сказать?

— Тогда по персоналиям, — Берия несколько напряженно посмотрел на меня. — Жданов?

— Убеждать.

Маршал кивнул, соглашаясь со мной.

— Маленков?

— Убеждать.

Сдвоенный зайчик от стекол пенсне опять прыгнул вниз и вверх.

— Мехлис?

— К стенке.

— А вот здесь ты не прав.

Не прав? Посмотрим, что маршал скажет в его защиту. Я заинтересованно посмотрел на Берию.

— Знаешь, почему твой отец держал его рядом с собой? Он предан и честен. Его невозможно ни купить, ни запугать.

Н-да. Что-то в этом есть.

— И еще, — маршал критически посмотрел, как я достаю из пачки папиросу. Сам он был некурящим, — ему невозможно втереть очки, въедливый до безумия. Да и сам интриговать вряд ли будет.

Я закурил, выпустил струю дыма в сторону, чтобы не попасть на Берию, и вопросительно посмотрел на него. Предлагает оставить? Тогда пусть указывает в качестве кого.

Маршал понял меня без слов:

— Расширь Комиссию Спецконтроля до министерства. Ну, скажем, Государственного Контроля, и поставь туда Мехлиса. Польза будет, а любовь его тебе не требуется. А преданность, — Берия усмехнулся, — будет со временем тебе его преданность. Ты же меня понимаешь?

Да, опыта аппаратных игр председателю ГКО было не занимать.

— Как скажете, Лаврентий Павлович, — согласился я, — вам ведь действительно виднее.

— А вот поговорить с ним и известить о назначении пошли Синельникова. У него это лучше получится.

Предлагает пойти по варианту злого и доброго следователя? На таком уровне? А ведь наверняка получится.

— Хорошо. Так и сделаем, — с готовностью согласился я.

По списку членов Политбюро прошлись быстро. В принципе, никого немедленно убирать не требовалось. Тимошенко и Громыко, ставшего министром иностранных дел, заместителями председателя Государственного Комитета Оборона маршала Берии решили пока не назначать. В ГКО подавляющее большинство и так оказалось за их, теперь об этом можно было говорить прямо, триумvirатом. Сталин, Берия, Синельников.

Обсудили ситуацию в новой американской части Советского Союза. Решили временно не отменять никаких действующих законов и деятельность партий, как до того еще предложил Иосиф Виссарионович. Надо было делать все возможное, чтобы народ не ринулся бежать в САСШ. Соответственно, все договоры канадских производителей зерна и мясо-молочной продукции должны быть выполнены, кроме тех, которые были заключены с фашистскими заказчиками.

Уже в конце разговора я закурил очередную папиросу и спросил:

— Лаврентий Павлович, а что мы будем делать с прощанием?

Берия напрягся.

— Что ты хочешь сказать?

— Давка ведь будет. Люди детей потащат. Затопчут ведь.

Как там хоронили отца, я знал. Черт! Вот они оба из обоих миров и слились для меня воедино. Только, увы, неживые. А ведь в новом своем качестве сына я так и не успел его

увидеть, поговорить...

— Ах это, — он задумался, — не хочешь, чтобы похороны Иосифа Виссарионовича вспоминались народом как побоище?

— Не хочу. И так по телевизору и в кино без перерыва крутят кадры гибели...

Со дня катастрофы и до похорон страна была в трауре.

Берия опять задумался, потом с уважением посмотрел на меня.

— Ну, может быть, ты и прав. Так и сделаем. Тем более что желание ближайшего родственника — закон.

* * *

Американские войска вошли на территорию Канады уже на следующий день после катастрофы на Гавайских островах. С нашими десанниками они практически не встречались. Те быстро, буквально за одни сутки вывезли из госбанка золотовалютные запасы и, погрузившись на свои самолеты, вернулись в Советский Союз. А из СССР через Берингово море уже шли и шли на Аляску суда с советской администрацией, внутренними войсками и... рублями. Оттуда многие совслужащие уже на поездах направлялись в Канадскую Советскую Социалистическую Республику. Нет, хождение американского доллара на Аляске и канадского на советской части Канады было не запрещено. Но вот государственные служащие, включая Канадскую Конную полицию, которая потеряла в своем названии слово «королевская», теперь должны были получать заработную плату только в рублях. Продукцию предприятий, расположенных в евроазиатской части Советского Союза, которая должна была хлынуть в новые республики, можно будет купить тоже только за рубли. Закупки продовольствия канадских производителей, а многие из них остались из-за войны без заказов, будут производиться опять-таки только за советскую валюту. В то же время было объявлено, что отделения советских банков, которые скоро будут открыты на новых территориях, станут обменивать канадский доллар на все те же рубли по курсу на день начала войны — шестнадцатое июня тысяча девятьсот сорокового года. Было сделано все, чтобы жители не теряли своих сбережений, не бросали свои дома и не бежали сквозь существующую пока только на картах границу в Североамериканские Соединенные Штаты. Но вот фунт стерлингов на глазах сыпался вниз. Курс рубля неуклонно рос. Канадский доллар был «заморожен» советским правительством. Но вот он-то как раз был обречен.

* * *

Когда самолеты сядут?

Я посмотрел на часы.

Утром. Около шести.

Самолет президента САСШ летел в Москву. В салоне «Борта № 1» Соединенных Штатов находились урны с тем, что осталось от советской делегации. Рузвельт сам вызвался прибыть на похороны, тем самым признавая свою личную вину и отдавая себя на наш суд.

— Знаешь, я, пожалуй, на аэродром не поеду, — Василий задумался, — может, Лаврентию Павловичу тоже не стоит?

— А протокол?

— Существует протокол для таких ситуаций?

Ответить мне было нечем, но я все-таки сказал:

— Я, конечно, понимаю, что ты прав, но маршал пусть едет. Откровенно грубить не стоит.

Вася кивнул, поставил свою подпись на каком-то очередном документе, потянулся и спросил:

— В Болгарию людей отправил?

— Вась, ну хватит меня контролировать по мелочам! — возмутился почти всерьез я.

Болгары восстали еще вчера. Не хотят боевых действий на своей территории. Очень быстро они вспомнили свой, ныне забытый национальный праздник. Двадцать третье декабря. В этот день в далеком тысяча восемьсот семьдесят седьмом году русские войска освободили Софию, столицу Болгарии, от турецкого владычества. А в следующем году Болгария полностью и навсегда была освобождена от османского ига. Сейчас же... Наши войска, держащие фронт в Румынии, тут же, по «любезному» приглашению Временного Революционного Комитета двинулись на Софию. Утром первые подразделения корпуса генерал-лейтенанта Полубоярова уже вошли в город.

— Извини. Все никак не могу привыкнуть, что мои распоряжения здесь выполняются немедленно. Еще не до конца перестроился. Как там Светка? По-прежнему ревет?

— Уже меньше. Поехали к нам ужинать? Сам на сестру посмотришь.

Вася заинтересованно посмотрел на меня.

— Пожрать? В этом что-то есть. Слушай, Егор, а ведь я опять не обедал. Александр Иванович дважды напоминал, но времени не было. Сам видишь, — он показал на свой стол рукой.

Столешница была завалена документами.

— Поскребышева надо слушать, он плохого не посоветует, — наставительно сказал я и потащил Василия за рукав кителя из-за стола, — поехали, подполковник.

— Слушаюсь, тащ генерал-полковник, — шутливо вытянулся Сталин.

— Надо бы тебе звание какое-нибудь повыше присвоить, — сказал я уже в машине.

— Перебьешься, — усмехнулся Василий, — звания дают за руководство войсками, а я теперь несколько другим занимаюсь. Вот совершу что-нибудь этакое военное — глядишь, полковника получу. Мне трех звездочек на погон, — он сделал характерный жест ребром ладони у горла, — за глаза и за уши.

Вася посмотрел на поднятую прозрачную перегородку между салоном машины и водителем, опять усмехнулся и добавил:

— Да и звание привычное будет.

— А на официальном приеме в кителе цвета хаки париться будешь? Летом жарковато будет, — подколот я, — в белом на трибуне Мавзолея удобнее. Поверь моему опыту.

Василий грустно улыбнулся. Видимо, отца вспомнил, понял я. Ну кто у нас на трибуне Мавзолея еще мог стоять?

— Ладно, уговорил, скажи Тимошенко, чтобы приказ по мне персональный отдал. Мол, как исключение, подполковнику Сталину допускается носить генеральские формы одежды.

— Вась, да зачем тебе его приказ?! Кто ты и кто он?! — возмутился я.

— Нет, Егор, порядок должен быть во всем. Если нарушения будет допускать одно из высших лиц государства... — он не закончил, но я его понял: «Рыба гниет с головы».

* * *

— Васька, а ты на фронт больше не поедешь?

Н-да. Для сестры я все-таки так и остался Васькой. А может, так и надо?

— Нет, Светлана, нельзя мне теперь.

— А я потом, после... поеду.

Слова «папины похороны» она вслух произносить не захотела.

— И ты не поедешь, — ответил я. Егор кивнул головой. Для него это тоже было само собой разумеющимся.

— Это почему еще? — тут же взбрыкнула несносная девчонка.

— Ну, как бы тебе объяснить? — я посмотрел на Синельникова. Может, он ей скажет? Нет.

Как только взгляд Егора падал на Светку, о том, что человек — существо разумное, применительно к нему самому можно было забыть. Вот ведь влюбленный баран!

— Понимаешь, Свет, мы теперь себе не принадлежим, — пытаюсь сам растолковать сестренке.

— А кому тогда?

— Стране. Народу державы. Мы с тобой для него теперь не просто брат и сестра, а, в первую очередь, его дети, — черт, как же это трудно — говорить об отце в третьем лице и прошедшем времени.

Задумалась. Поймет? Кто ее знает?

— Светланка, ну, в самом деле, нельзя, — наконец-то высказался Синельников.

Светка поерзала на коленях Егора, удобней устраиваясь, по очереди посмотрела на нас двоих и наконец-то согласилась:

— Ладно уж, — причем таким тоном, как будто делала нам великое одолжение.

Я закурил и посмотрел на Синельникова.

— Вот что, Егор, а расскажи-ка ты мне, как ты в апреле в Африку летал. Как тебе удалось убедить самого высокого полковника Франции от колоний отказаться?

Надо было и сестру хоть немного отвлечь, и самому получить подробную информацию.

— Так вот почему тебя десять дней тогда не было! — тут же отреагировала Светка. — А почему мне ничего не сказал?

— Много будешь знать, плохо будешь спать, — Синельников ласково потрепал девчонку по голове, а затем безуспешно попробовал ладонью привести в порядок ее волосы, — тогда было еще нельзя. Впрочем, информация еще долго будет под грифом «Совершенно секретно». Так что слушай и не вздумай болтать.

Он посмотрел на меня вопросительно. Я кивнул. Кому же еще доверять, как не собственной сестре? Для меня самого это было чуть больше месяца назад. Но тогда я был там, в той другой Москве, другой жизни. Нянчился с собственным внуком. Черт, как же все переплелось и запуталось!.. Как они там? Дочь? Внуки? Викентьев и наш проект «Зверь»?

— Как, говоришь, мне удалось самого де Голля убедить? — он усмехнулся: — Да, знаешь ли, школа одного очень невысокого ростом полковника помогла.

— Какого полковника? — тут же спросила Светка.

Мы переглянулись с Егором и оба заулыбались. На этот вопрос Светлана ответа так и не получила.

* * *

Я нашел его в Дакаре. Было тепло. Двадцать шесть по Цельсию. Мне было неудобно в гражданке. За последние годы привык к военной форме и оружию при себе. Чтобы не чувствовать себя совсем голым, накинул светлую бесформенную тонкую курточку, которая отлично прикрыла кобуру скрытого ношения с безотказной «Гюрзой».

— Господин полковник?¹⁴

Он остановился, медленно обернулся и посмотрел на меня немного сверху вниз. Ох, и высок лидер французских антифашистов!

— Мы знакомы?

Выражение лица было удивленным. Он наверняка видел меня в газетах, журналах, по телевизору или в документальном кино, но всегда в генеральской форме. Опытным взглядом он окинул мою тоже не маленькую фигуру, заметил контуры оружия под курткой и напрягся.

— Заочно, господин полковник, заочно, — я снял темные очки в пол-лица и представился.

Он взгляделся еще раз, отдал честь и несколько расслабился. Я тоже вытянулся, изобразил поклон и щелкнул каблуками. Головного убора у меня не было.

¹⁴ В нашей истории Шарль де Голль временно исполнял обязанности бригадного генерала с 1 июня 1940 года. Но официально его так и не успели утвердить в этом звании, и после войны он получал от Четвёртой Республики лишь пенсию полковника

— Господин генерал-полковник, какими судьбами? — спросил он почти русским выражением, достаточно крепко пожимая мою руку.

— Очень захотелось встретиться с вами. Ведь нам есть о чем поговорить?

Он кивнул.

— У вас великолепный французский, господин генерал.

— Вы мне льстите. Здесь недалеко есть неплохое кафе, которое сейчас контролируют мои люди. Может быть, посидим там? Если вы мне, конечно, доверяете.

Он улыбнулся:

— Доверяю. Про ваш НКВД или, как он сейчас называется, СГБ ходят легенды, — он с некоторым трудом произнес русские аббревиатуры. — Если бы вы хотели меня захватить... — он не закончил.

— Чай, кофе или что-нибудь покрепче? — спросил я, когда мы устроились за столиком.

— А что вы, господин генерал, предпочитаете? — ох уж мне эта французская любезность.

— Ну, — я не стал задумываться, — мне нравится продукция одной из провинций вашей родины.

— Шампанское? — удивился он.

— И оно тоже, но я все же предпочитаю коньяк. Хотя могу предложить напиток с таким же названием, но изготовленный в моей стране, — надеюсь, моя улыбка была достаточно простодушна.

Он тоже улыбнулся и поощряюще кивнул, соглашаясь. Я посмотрел на соседний столик и дал знак одному из своих ребят. Через минуту гарсон уже наливал армянский КВВК в наши бокалы. Де Голль принялся, отпил, посмаковал и восхищенно посмотрел на меня.

— Итак, господин генерал, что вы хотели узнать?

— Строго наоборот. Я хочу проинформировать вас, господин полковник, что через два месяца, шестнадцатого июня, Гитлер при поддержке Чемберлена и Даладье нападет на Советский Союз.

Улыбка исчезла с его лица.

— Вы, господин генерал, так спокойно об этом говорите, как будто уже знаете, чем эта война закончится.

— Конечно, знаю, — уверенно ответил я, — Мы готовы отразить агрессию и покарать тех, кто решил развязать эту войну.

Он задумался, а потом вдруг спросил:

— Неужели слухи о машине времени Сталина — правда? Американцы не зря занимаются своим проектом «Манхеттен»?

Н-да. Он очень много знает.

— Вы превосходно информированы, господин полковник. Но все обстоит не так и в то же время значительно сложнее. Не знаю, что там конкретно пытаются сделать американцы, но убежден, что машина времени невозможна. Но вот о планах фашистской коалиции мы действительно знаем практически все.

— Вплоть до даты нападения, — он кивнул, — Зачем вы мне это все рассказываете?

— Я не хочу, чтобы наши народы воевали, — коротко ответил я.

Он опять задумался. Пригубил коньяк и посмотрел на меня.

— Я же уже дал согласие вашим людям о сотрудничестве против фашизма.

— А вопрос теперь стоит не только и даже не столько так. Руководство Советского Союза берет курс на разрушение колониальной политической системы мира.

Ну вот, самое главное сказано. Как он отреагирует? Де Голль задумался. Затуманенный взгляд направлен на столик. Но полковник его явно не видел. Он пил маленькими глотками великолепный коньяк, не ощущая его вкуса. Наконец, он посмотрел на меня и спросил:

— Почему вы хотите уничтожить мою страну экономически?

Н-да. Не в бровь, а в глаз. Но это только в том случае, если они сами не перестроят свою промышленность.

— Ни в коем случае. Но эксплуатация богатств чужих территорий, — я подчеркнул слово «чужих», — не вечна. Вообще безудержное расходование полезных ископаемых — путь в тупик. Вы не находите?

— Вы считаете, господин генерал-полковник, что сейчас время думать об этом?

— Потом может оказаться поздно. И называйте меня, пожалуйста, по имени. Я все-таки значительно моложе вас.

Он усмехнулся:

— А вы старше меня по званию. Но, впрочем, я согласен, если вы, генерал тоже будете называть меня по имени.

Теперь уже мне пришлось усмехнуться:

— Уговорили, Шарль. Понимаете, у моей страны нет машины времени, но вот некоторые методы научного предвидения у нас существуют. Я даже привез вам в подарок один очень интересный результат такой работы.

Он заинтересованно посмотрел на меня:

— А именно?

— Это кинофильм. Очень непростой. В нем отражены некоторые будущие проблемы Четвертой Республики, которую вы, Шарль, сможете построить и, возможно, будете там президентом.

Очень большое удивление в его глазах.

— Я — президент и именно Четвертой, а не Третьей Республики?

— Точно так. Но тут уж все зависит от вас самого. Мы — это я могу заявить официально — совершенно не намерены вмешиваться во внутренние дела Франции.

Ну не буду же я ему рассказывать еще и про Пятую Республику? Он заинтересованно посмотрел на меня.

— И когда же можно будет посмотреть этот подарок?

— Прямо сейчас. Здесь в одной из комнат организован маленький кинозал.

Когда Жан Поль Бельмондо, игравший главного героя в «Профессионале», уже шел к вертолету под прицелом снайпера, де Голль опомнился:

— И вот это все будет?

— Что вы имеете в виду? Машины, вертолеты, связь? Все будет. Может быть, несколько не такое. Чуть другие формы...

— Нет, — перебил меня полковник, — такие отношения между офицерами, вообще между людьми.

Оп-па! Он заметил и понял самое главное.

— А вот это уже зависит в том числе и от вас, Шарль. Понимаете, через какое-то время колониальная система все равно рухнет. Появятся новые отношения между людьми, нациями, странами. Мягкая политика в отношении эмигрантов из африканских и азиатских стран наложит свой отпечаток на всю европейскую культуру. Предполагаемый результат вы видели сами.

— Что же делать? — спросил он почти как маленький ребенок.

Я выдержал паузу и только потом ответил:

— Взять власть в стране и не допустить влияния иммигрантов на культуру. А для этого требуется своевременный отказ от колоний и принудительная культурная ассимиляция всех приезжих. Не разрешать им исповедовать свою религию, отправлять свои национальные обряды.

Он хмыкнул:

— А как же у вас в СССР?

— Мы — это другое дело. Советский Союз — государство изначально многонациональное. Один на один я честно признаю, что у нас тоталитаризм. Но так как линия товарища Сталина правильная, то мы от всех народов нашего государства берем лучшее. Как минимум — пытаемся. А у вас — демократия, — я с такой интонацией произнес последнее слово, что де Голль поморщился. — Ну, во всяком случае, так это называется.

Мы помолчали несколько минут, затем он спросил:

— Вы, Егор, очень откровенны. Все, что вы мне говорите — это ваша личная точка зрения или?...

— И то, и другое. Перед вылетом сюда у меня была большая беседа с Иосифом Виссарионовичем Сталиным. А насчет французской экономики после войны... Вам ведь наверняка знаком такой термин — экономическая интеграция? Международная экономическая интеграция, — уточнил я.

Он удивленно посмотрел на меня. Я усмехнулся и добавил:

— Вы, Шарль, знаете другой способ сделать войны невыгодными?

Н-да. Мировоззрение человека двадцать первого века против мировоззрения пусть очень умного, вот этого у де Голля отнять было нельзя, но середины двадцатого...

Он задумался, затем спросил:

— А что делать с военными производствами? Ведь это очень важная часть экономики всех промышленно развитых стран.

Я встал и показал рукой на дверь:

— Давайте выйдем на свежий воздух. Здесь несколько душновато.

Ночь в тропиках. Уже давно стемнело, и в черном небе ярко светили звезды. Южное небо. Оно вообще не такое, как у нас. Значительно более темное, звезд больше и сами они ярче. Да и созвездия другие. Я долго смотрел вверх, рассматривая искрящийся далекими солнцами небосвод.

— Что вы там увидели? — не выдержал полковник, тоже посмотрев вверх.

— Как вы думаете, Шарль, какие производства, какое напряжение всех сил потребуются человечеству, чтобы дотянуться до этих звезд? — моя поднятая рука указывала вверх.

Он повернулся ко мне. Удивление и восхищение одновременно были видны на его лице даже под светом луны...

* * *

Светка давно заснула, уютно устроившись на коленях Егора.

— А на прощание я ему все-таки подарил фильм. Но не с Бельмондо, а с Жераром Филипом.

На мой вопросительный взгляд он ответил:

— «Фанфан-тюльпан».

Мы оба усмехнулись.

— А ты молодец, — констатировал я, выкидывая потухшую папиросу в пепельницу, — заставил его мечтать.

— Разве не надо было? — простодушно удивился Синельников. Немного странным он стал. Иногда — умудренный опытом мужчина, а иногда — мечтательный мальчишка еще моложе меня. Интересно, а я как со стороны выгляжу?

— Надо-надо. Ты все сделал правильно. После войны сделаем все возможное, чтобы эта мечта стала мечтой всего человечества.

— Но ведь мы будем первыми?

— Куда же мы денемся? — усмехнулся я. — У тебя есть сомнения?

— Н-да. Мечтать не вредно, вредно — не мечтать, — изрек он избитую истину.

— Это точно, — согласился я, — даже знаю, чем занять Америку после того, как мы выйдем на орбиту Земли.

Вопросительный взгляд Егора был настолько нетерпеливым, что мне тут же пришлось озвучить свою идею.

— Мы продадим им чертежи их же спейс-шатла. Проект очень дорогой, но ведь жутко эффектный!

— А потянут? — засомневался Синельников.

— Без нашей электроники? Нет, конечно. Но это уже их проблемы, — усмехнулся я.

* * *

Страна хоронила Вождя, а мы — близкого родственника. Берия сам вытолкнул меня:

— Иди. Ты хоть и неофициально, но — зять. Он любил тебя...

Мы втроем стояли у гроба. Я в белом парадном мундире, не скрывающий слез Вася и маленькая ревущая Светка. Все трое в форме. Я — с тремя большими звездами вдоль погона, Василий — с двумя поперек и маленькая Светланка с буквами «СА» на фоне цвета хаки.

Уходил не человек, уходила эпоха. Он уже никогда не посмотрит на меня своими желтыми, чуть прищуренными тигриными глазами, не подбодрит и не обругает. Я только сейчас, стоя у гроба, начал понимать, что уже не увижу его улыбку под черными с сединой усами, что вообще больше никогда его не увижу, что его уже нет и никогда не будет. Раньше чисто подсознательно я почему-то не считал его мертвым. Ну, сказали, что погиб...

Мимо открытой могилы шли и шли люди. Те, кто успел попасть на Красную площадь до начала оцепления и те, у кого были спецпропуска. Центр города был перекрыт намертво. Всех выпускали, но никого, за редким исключением, не впускали. А люди все шли мимо открытой могилы. Рабочие и инженеры, руководители и дворники, военные и дипломаты. Кто-то, подойдя к могиле Сталина, останавливался и застывал, глядя полными слез глазами. Кто-то пытался через ограждение дотянуться и коснуться рукой гроба. Но десантники в парадной форме молча, но аккуратно подталкивали людей дальше, направляя поток к Кремлевской стене, где уже были замурованы урны с останками других членов советской делегации. В гробу вождя тоже была только урна. Что там могло еще остаться после вспышки нескольких тонн высококачественного авиационного бензина? А люди со слезами на глазах все шли и шли. Вот показалась американская делегация. Вася явно напрягся, когда к могиле подкатили инвалидное кресло. Что с ним? Он же сам говорил, что президент САСШ лично не виноват. Нервы? Я положил руку Василию на плечо, пытаюсь хоть как-то успокоить его.

Рузвельт не мог сам встать из инвалидного кресла. По площади пронесся тихий удивленный вздох тысяч присутствующих на похоронах, когда Элеонора Рузвельт и Гарри Гопкинс подняли Франклина Делано Рузвельта из инвалидного кресла и помогли ему преклонить колени перед раскрытой могилой Сталина. Нет, не на оба колена. На одно. Знак уважения. Неожиданно рядом с президентом САСШ появились два дюжих советских спецназовца в полной боевой выкладке, аккуратно отодвинули придерживающую мужа Элеонору, приподняли Рузвельта, подложили под ноги сложенное в несколько раз солдатское одеяло и опустили обратно на одно колено. Они так и остались рядом с американским президентом, помогая ему удерживаться в не очень удобном положении. Сзади появились еще двое, положивших руки на оружие и застывших по стойке смирно, позволяя американскому президенту отдавать последнюю почесть Сталину. Другие солдаты молча, только жестами направили движение американской делегации дальше, чтобы не создавать затора.

Теперь у открытой могилы великого человека рядом с Мавзолеем мы стояли вчетвером...

* * *

Василий принял американского президента только на второй день после похорон. Сначала заново были подписаны все договоры, заключенные погибшей советской делегацией на Гавайях. Ведь наши экземпляры документов были безвозвратно утеряны. Затем состоялась короткая беседа, в которой обе стороны подтвердили свой курс на дружбу и сотрудничество двух великих народов. Когда руководители стран по обоюдному согласию решили побеседовать один на один, Рузвельт сначала высказал свое восхищение Васиным

английским, затем еще раз принес свои личные и от всего американского народа извинения за такую трагическую гибель всей советской делегации и «глубокоуважаемого товарища Сталина». Причем последние слова он произнес с чудовищным акцентом, но по-русски.

— Я принимаю ваши извинения, мистер президент. Будем надеяться, что это последнее, что было плохого между нами лично и между нашими народами.

— Мистер председатель, ответьте мне на один вопрос. Это нужно, чтобы между нами совсем уж ничего не стояло.

Вася Сталин поощряюще кивнул.

— У вас... — американский президент запнулся, но потом все-таки продолжил: — У вашей страны действительно есть машина времени?

Василий задумался. Врать в глаза Рузвельту не стоило. От этого разговора слишком многое зависит. Как минимум — будущие отношения двух великих держав. Говорить всю правду? Нельзя. Значит, хочешь не хочешь, а часть придется сказать. А, собственно говоря, что он теряет? Точка невозврата¹⁵ пройдена. Уже никто и никогда не сможет победить Советский Союз силой оружия. Армия сильна, как никогда. Заводы работают. Экономика в норме. В ближайшие годы у нас будет Бомба.

— Нет, мистер президент. Нет у нас никакой машины времени и никогда не было. Тут несколько другое. Вы когда-нибудь слышали о гипотезе множественности миров?

Глаза Рузвельта расширились. Он понял, что Сталин сейчас говорит правду.

— С нами неизвестным нам техническим способом, — вот здесь Василий говорил не совсем правдиво. Лично он, как раз, знал почти все нюансы, — связались из такого мира. Где он находится, близко ли, далеко или вообще в другой вселенной, наши ученые не знают.

А вот это была чистая правда.

— В том числе именно поэтому мой отец сделал все возможное, чтобы все лучшие ученые планеты приехали в Советский Союз и общими усилиями попробовали решить эту научную задачу.

Василий закурил и продолжил:

— Мы получили довольно много научной и технической информации оттуда. Часть была на английском языке. Сейчас связь с тем миром по неизвестной нам причине прервана. Судя по уровню переданной информации, наши аналитики ориентировочно определили уровень их технологического опережения по сравнению с нами в пятьдесят-сто лет. Вот это то, что я могу вам сказать, мистер президент.

Вася замолчал, а Рузвельт задумался. Все, что сейчас сказал ему советский Председатель, очень стройно укладывалось во все произошедшее за последнее время. Да, если бы три года назад напасть на них... Нет, он не имеет ничего личного против Советов, но теперь же минимум на долгие десятилетия придется смириться с их доминированием. А ведь этот молодой Сталин настроен к его Америке вполне дружелюбно. Идти сейчас против них войной — безумие. Придется смириться и двигаться в кильватере Советского Союза. Во всяком случае, быть вторыми в мире значительно лучше, чем одной из третьестепенных стран при лидерстве этих снобов из Туманного Альбиона, как было всего несколько лет назад...

Василий тоже думал. Сказать больше? Обрисовать перспективы цивилизации «пан-Америка»? Почему бы и нет? А надо? Обязательно!

— Была информация и художественного характера. Фильмы, книги... Там, похоже, какое-то отражение нашей реальности. Но история уже различается. Очень сильно различается. Они, — Вася запнулся, — они — гниют.

— Как это? — не понял Рузвельт.

— Там тоже была война. Причем значительно более тяжелая, чем у нас. Многие

¹⁵ Так называют место на маршруте полета, после которого уже нельзя разворачивать самолет для возвращения на аэродром взлета, даже если возникают технические неполадки. Можно лететь только вперед. Горючего на обратный путь уже не хватит

десятки миллионов жертв. Шесть лет они там воевали... Европа, Азия... Потом пошли перманентные, уже не мировые, войны. Хотя противостояния там были на самой грани... Гонки вооружений, чудовищные виды сверхмощного бесчеловечного оружия... Но не это самое страшное. Они гниют изнутри. Однополые браки, лесбийские парады, наркомания — всего лишь болезнь, а не преступление. Священники развращают и насиловуют детей. Полная потеря приоритетов развития цивилизации. Вышли в ближний космос, достигли Луны и... вернулись обратно. Реально у власти — большие деньги. Делается только то, что дает прибыль. Этические нормы только на словах. Они там постепенно закукливаются в ставшем внезапно очень маленьким мире. Проедают ресурсы планеты. Климат в результате сжигания запасов углеводородов и безудержной вырубке лесов портится. Еще сотня лет, максимум — две сотни, и начнется регресс... Я не хочу, чтобы что-то подобное произошло у нас.

Сталин замолчал. Рузвельт смотрел на него широко открытыми глазами и... верил. Верил всему, что сейчас рассказал ему этот самый молодой в мире руководитель самого большого и сильного на Земле государства. Он только не мог понять, почему в глазах этого парня была такая боль...

* * *

— И о чем же была ваша беседа? — Берия снял пенсне, протер стекла белым батистовым платком и надел свой легендарный оптический прибор обратно на переносицу.

— В принципе, я открыл ему наши карты, — Василий коротко пересказал свой разговор с американским президентом.

Маршал хмыкнул:

— Теперь американцы не рыпнутся. Мне кажется, Рузвельт вряд ли будет делиться этой информацией с кем-нибудь.

— Гопкинсу все выложит, — поправил Синельников, — они очень дружны.

— А этот советник не разболтает? — Берия посмотрел на директора СГБ.

— Нет, — ответил за друга Вася, — к тому же ему мало осталось — неоперабельный рак. Но даже если и разболтает, что с того?

Маршал несколько раз перевел взгляд с одного на другого.

— Вот что, парни, а все ли вы мне рассказываете?

— Все, Лаврентий Павлович, — глядя Берии прямо в глаза, сказал Василий, — все, что вы спрашиваете.

Тот хмыкнул:

— Так, хорошо, а что я забыл спросить?

Отвечать взялся Синельников:

— Ведется работа по дискредитации ряда американских политиков, которые уже сейчас или в будущем станут врагами Советского Союза.

— Например? — потребовал маршал.

— Сенатор Трумэн, некто Маккарти.

— Кто такие?

— Трумэн — возможный вице-президент Штатов после смерти Рузвельта, соответственно, должен занять его место. Джозеф Маккарти — тоже американец. Вундеркинд, мать его. Оба — антикоммунисты и очень не любят нашу страну, — коротко доложил генерал.

Берия задумался, затем посмотрел на сидящих перед ним друзей и неожиданно улыбнулся:

— Ладно, парни, только давайте на будущее вы все-таки будете меня информировать о таких вещах. С Громыко хоть посоветовались?

— Лаврентий Павлович, — протянул все тот же Синельников, — обижаете. Чтобы

внешняя разведка работала без контакта с МИДом?... И с Проскуровым¹⁶ все обговорили.

— Тогда еще вопрос: почему Иосиф Виссарионович в Канаде не запретил деятельность партий, кроме откровенно фашистских?

Сталин с Егором переглянулись. Василий достал папиросы, простучал одну о пачку, вытряхивая табачинки, промял мундштук, закурил и только потом начал говорить.

— То, что лежит на поверхности — показать, что Советскому Союзу и его руководству народная демократия совершенно не чужда — это ширма. Реальный план отца — запрет в будущем всех партий.

Василий не стал говорить маршалу, что это его план, с которым Иосиф Виссарионович согласился еще год назад по времени этого мира.

Берия все-таки спросил:

— И компартию запретить?

И подполковник, и генерал-полковник синхронно кивнули.

— Не понимаю, — маршал не повышал голоса, но это было сказано с большим напряжением, — не понимаю. Он делал все, чтобы в будущем можно было построить коммунизм. А теперь...

— Неправда, — ответил Василий, — отец строил империю. Коммунизм нужен был Троцкому. А отец... Папа поднимал страну.

В кабинете повисла тишина. Нет, она не была полной. Было слышно, как отщелкивает свое маятник больших напольных часов, как дышат все трое, постукивание пальца по мундштуку папиросы, когда Вася стряхивал пепел в большую хрустальную пепельницу. Где-то далеко шумела большая Москва с ее заводами, фабриками, институтами, транспортом и, главное, с ее миллионами людей — жителей и приезжих. Но в кабинете была тишина. Наконец Берия оторвал взгляд от столешницы и посмотрел в глаза Василию.

— И кто должен управлять такой державой? — слово «империя» он произносить не захотел. — Царь? Возврат к монархии?

— Ни в коем случае! — тут же ответил Сталин. — Только те, кто будет настоящим патриотом своей страны, грамотные, подготовленные и умные руководители.

— А кто будет выбирать этих руководителей?

— Те, кто сейчас стоит у власти и элита страны.

— Не все граждане, а только лучшие? — решил уточнить маршал. Он, похоже, в принципе не хотел произносить некоторых слов в этом разговоре. Таких, как «элита».

— Именно так. А вы, Лаврентий Павлович, считаете, что кухарка и пастух могут правильно управлять державой? Они вообще не должны решать, кто будет стоять у власти, — подполковник и маршал так и продолжали разговаривать, глядя в глаза друг другу. Даже не мигали.

— Мне надо подумать, — констатировал Берия и наконец-то первым отвел взгляд.

— Само собой разумеется. Такие вопросы с кондачка не решаются, — по-простецки ответил Вася, — без вас, Лаврентий Павлович, мы ничего предпринимать не будем. Мы просто одни никак не справимся с этой задачей. Только, когда будете думать, попробуйте сначала оценить дела отца со стороны.

— Что ты имеешь в виду? — не понял маршал.

— Аналитику. Надо разбить на этапы всю папину деятельность. Сначала у него стояла задача войти во власть. Это в тот момент можно было сделать только с партией большевиков. Значит, надо было подняться в ней на вершину. Одновременно — создание промышленности, развитие страны. Затем власть должна была стать единоличной. Врагов — к стенке. И только потом можно было сосредоточить все силы, — Василий подчеркнул слово «все», — только на безмерном усилении державы.

¹⁶ Иван Иосифович Проскуров (18 февраля 1907, Малая Токмачка, ныне на территории Запорожской области Украины — 1941, СССР) Герой Советского Союза (медаль «Золотая Звезда» № 33). В нашей истории в описываемый момент — генерал-лейтенант авиации начальник Разведывательного управления РККА (ГРУ)

Синельников чуть рот не открыл. С этой точки зрения посмотреть на жизнь Иосифа Виссарионовича Сталина он никогда не осмеливался.

Берия тоже сначала не понял, к чему подводит Василий. Так коротко, в несколько предложений, охарактеризовать жизнь отца мог только он. Да, конечно, погибший Вождь был в первую очередь прагматиком. Отрицать очевидное было нельзя. Но... И что же теперь со всем этим делать???

* * *

А на следующий день Василий Сталин сорвался. Приехал на центральный аэродром столицы — бывшее Ходынское поле. Там всегда, круглые сутки была на дежурстве эскадрилья истребителей. Попросил самолет для тренировочного полета. Ему, естественно, не отказали. Надел привезенный с собой летный комбинезон, сел в истребитель, вырулил на предварительный старт, выполнил карту¹⁷, вырулил на исполнительный, запросил разрешение у диспетчера, взлетел, набрал высоту, вошел в зону испытательных полетов, а потом... Так как на аэродроме работало несколько отделов ЛИИ¹⁸, то кто-то догадался включить подготовленную скоростную кинокамеру с мощным телеобъективом и взять в визир крутящийся высоко в небе самолет. Двадцать две минуты Василий «насиловал» «Як-третий». На двадцать третьей от правой плоскости, не выдержав перегрузок, оторвался элерон. Самолет потерял управление и, хлопая маленькими автоматическими предкрылками, сорвался на крыло и в плоский штопор.

Все, кто был на аэродроме, уже давно забросили свои дела (кроме тех, кому это не позволяли сделать служебные обязанности) и наблюдали за ранее невиданным здесь никогда пилотажем. Сейчас они все затаили дыхание. Виток, второй, третий... Вздох облегчения и радостные крики приветствовали отделившийся от самолета маленький силуэт и раскрывшийся над ним белый купол парашюта. Потерявший управление «Як» воткнулся в землю и расцвел яркой даже среди солнечного дня вспышкой. Но на него практически никто не смотрел. Внимание всех присутствовавших сосредоточилось на летчике. Видно было, что он, как профессиональный парашютист, подтягивая стропы, пытается направить плохо управляемый, совершенно не предназначенный для горизонтального полета спасательный парашют ближе к вышке КДП. Касание асфальта напряженными, чуть присогнутыми ногами, упругое приседание — ноги, как пружины — выпрямление с одновременным рывком строп для гашения купола, и все увидели, как этот, издали не узнаваемый большинством присутствующих, невысокий худенький пилот спокойно отстегивает подвесную систему парашюта и направляется к стоящему недалеко «Паккарду». Только немногие — те, кто был ближе — разглядели правительственные номера.

* * *

Берия ворвался в мой кабинет через два часа после того, как я с аэродрома вернулся в Кремль.

— Ты что себе позволяешь?! Ты хоть понимаешь, что не имеешь на такие развлечения права?

Я нажал кнопку, вызывая дежурного секретаря. Тот появился буквально через пять секунд.

— Чай, кофе, Лаврентий Павлович?

¹⁷ Проверка готовности самолета перед вылетом по пунктам. Все пункты занесены на специальную карточку. В авиации так и говорят. «Выполнить карту»

¹⁸ Летно-испытательный институт

Маршал тяжело сел за стол для совещаний на ближайший стул.

— Коньяк.

Я кивнул вопросительно глядящему на меня капитану.

— Лаврентий Павлович, да оплачу я этот самолет. Кстати, вы случайно не знаете, какая у меня здесь зарплата?

Берия посмотрел на меня, укоряюще покачал головой и грустно вымолвил:

— Дурак!

Он хотел еще что-то добавить, но в кабинет уже вошел капитан, виртуозно, на одной руке, прямо как профессиональный официант, несущий на маленьком подносе бутылку «Арарата» с двумя рюмками, вазочкой с фруктами и рассыпанными по подносу шоколадными конфетами. Капитан молча поставил поднос рядом с нами и вышел, тихо притворив за собой дверь. Хорошо их Поскребышев натренировал. Я разлил волшебный напиток и протянул рюмку маршалу. Тот еще раз укоряюще покачал головой, взял, чокнулся со мной и выпил.

— Тебе не стыдно?

— За что? — удивился я.

— За то, что заставил доверившихся тебе людей нервничать!

Н-да. Об этом аспекте моего полета я как-то не подумал. Риск, с моей точки зрения, был минимален. Запас высоты ведь был приличный. Любой летчик знает — чем выше, тем безопаснее. Недаром самое большое количество летных происшествий бывает именно при взлете и посадке.

— Понял, Лаврентий Павлович. В следующий раз обязательно буду предупреждать.

— Никакого следующего раза не будет! Хочешь, чтобы я приказом провел запрещение пускать тебя на аэродром?

Вот тебе раз! А ведь Берия может! Как же ему объяснить?

— Лаврентий Павлович, ну не надо так! Ну как вы не понимаете, что не могу я без полетов! Может, и слишком патетически звучит, но это для меня — как не дышать!

Он критически посмотрел, разлил коньяк по рюмкам и спросил:

— А зачем было самолет разламывать? Мне же докладывали, ты на фронте тоже самое творил.

А действительно, зачем? Но ведь я не специально. Я себя ломал, никак не машину.

— Да не хотел я, Лаврентий Павлович. Просто для меня эта модель несколько слабовата.

— Это я уже в курсе. Тоже доложили, — он усмехнулся: — Начальник ЛИИ отзвонился. Заодно просил узнать, кому премию выписывать.

— За что? — не понял я.

— Как мне объяснили, за обнаружение относительно слабого места в конструкции самолета. Оно могло проявиться через несколько сотен или тысяч часов налета на всех серийных машинах, — ответил маршал, — благодари того оператора, который кинокамеру догадался включить и твои чудачества заснять.

Оп-па! Значит, конструкция не идеальна? Впрочем, в авиации это норма. Каждая модификация самолета доводится до тех пор, пока она летает.

— Значит, даже пользу принес, — констатировал я, — причем вполне безопасно для меня это было.

— Точно безопасно? — испытующе посмотрел на меня Берия.

— Точно, Лаврентий Павлович. Я знаю, о чем говорю, — примиряюще сказал я, — вот видите, даже какой-то прок от моих, как вы довольно точно выразились, чудачеств есть.

— Вот они у меня где, эти твои развлечения! — успокаивающийся маршал провел ребром ладони у горла и, не чокаясь, махнул рюмку коньяка.

Лаврентий Павлович Берия. Егор уже рассказал мне, что этот очень умный человек давно расколол его и держал под колпаком. Но не мешал работать, а, наоборот — помогал. Судя по всему, он прекрасно понимает, что нам с Синельниковым дано несколько больше,

чем обычным людям. Понимает и лишних вопросов не задает. Хотя вчера все-таки спросил: «И сколько таких уникамов на мою голову еще будет?» Пришлось клятвенно заверять, что больше ни одного. Во всяком случае, ближайшие полтора десятка лет.

— Ладно, Вася, уговорил. Я распорядился, чтобы для тебя специально усиленную машину сделали. Сказали, за неделю соберут. Потерпишь?

Ха! Так он заранее знал, что меня отговорить от полетов не удастся!

— Куда же я денусь, Лаврентий Павлович? — добавлять «с подводной лодки» я не стал. Не с тем человеком я разговариваю, чтобы такие плоские намеки делать.

Н-да. Тяжело все-таки быть для него и лидером, и одновременно мальчишкой. По-разному мы думаем. Очень по-разному...

А вечером начальник девятого управления СГБ¹⁹ назначенный вместо погибшего на Гавайях генерала Власика, задал мне странный вопрос: «Кто, товарищ Сталин, имеет право входить в ваш кабинет без доклада?» Он, что, считает, что я уже выше маршала Берии? Пришлось ответить: «Ну, как минимум председатель ГКО и ваш непосредственный начальник — генерал-полковник Синельников». Правда, буквально через полчаса после этого разговора нашлось еще одно лицо, которое, как оказалось, может свободно, даже не предъявляя документов, приехать в Кремль и войти в мой кабинет без доклада. Хитрый Егор прислал Светку вытаскивать меня на ужин в, как он потом выразился, теплой домашней обстановке. А то телефонные звонки на меня, видите ли, не действуют. А сам Синельников все это время разбирался с документами у себя в домашнем кабинете. Вот ведь троглодит — сам работает, а другим не дает. Охрана, неоднократно видевшая сестру и, соответственно, знавшая ее в лицо, задерживать Светку не решилась.

— Васька, поехали домой, кушать, — на ее лице было столько простодушия, что можно было подумать, будто она всегда такая. Вот ведь противная девчонка!

* * *

Сигарета после плотного ужина, что может быть лучше? Причем не кислый «Беломор», а привычный «Лаки страйк» с фильтром! На одном из дипломатических приемов в МИДе в курительной комнате достал из кармана кителя пачку и с сожалением убедился, что несколько оставшихся папирос смялись в труху. Заметивший мои затруднения какой-то американский майор тут же предложил свои сигареты. А увидев, с каким наслаждением я курю продукцию американской табачной компании, уговорил забрать себе всю пачку. Видимо, этот майор рассказал об этом случае кому-то в своем посольстве, потому что на следующий день мне прислали большую картонную коробку с привычными мне по тому миру сигаретами. Упаковывать их в блоки по десять пачек здесь еще не догадались. Курево я взял, даже маленькую благодарственную записку состряпал. А порученца, которого отправил с этой запиской, попросил намеками на слова передать, чтобы не вздумали использовать мое имя в рекламных целях.

— Кайфуешь? — Егор указал рукой на яркую упаковку моих сигарет. Он ведь помнил, что я курил именно этот сорт еще в том мире.

Я кивнул, с удовольствием выпуская сизую струйку дыма.

— А что такое «кайфуешь»? — тут же спросила Светка.

— Ну, как бы тебе это объяснить, — на лице Синельникова было заметно явное затруднение. Потом в его глазах мелькнул озорной огонек: — Это примерно такие же ощущения, как у тебя, когда... — Егор нагнулся к уху сестры и прошептал ей что-то. На фоне музыки, доносившейся из колонок стереосистемы, даже я не расслышал его слов.

Светка стремительно покраснела до самых ушей, коротко бросила: «Пошляк», — и уткнулась Синельникову лицом в грудь. Егор радостно заржал, ласково поглаживая мою

¹⁹ Знаменитая «девятка» — охрана руководителей партии и правительства

сестру своими ручищами по спине.

Ха! В кои веки он смог подколоть эту девчонку, а не она его! Спорт это у них такой, постоянно подкалывать друг друга, а потом обниматься, что ли? Причем делают они это только не при мне, а наверняка один на один.

— Слушайте, хватит обниматься, а не сгонять ли вам на юга? — пришла мне в голову идея. — Отдохнули бы немного и место под штаб-квартиру ООН подыскали бы...

— А чего его искать? — тут же отреагировал Егор. — Под Сочами ей самое место.

Несмотря на его местный жаргон — тут или, точнее, сейчас почему-то про Сочи говорили именно так — я сразу понял Синельникова. Расположить комплекс зданий Организации Объединенных Наций там, где в нашем прошлом мире строили спортивные сооружения для Олимпиады. Собственно говоря, места там на все хватит.

— Это надо еще с Лаврентий Палычем посоветоваться, — добавил Егор, — он же по образованию архитектор и, кажется, любит это дело. Но вот приходится ему заниматься несколько другими стройками.

— Какими это другими? — встряла Светка. — Как вы с ним болтать начинаете, так сразу о строительстве каких-то железнодорожных станций речь заходит.

Мы переглянулись с Синельниковым и рассмеялись. Ну не объяснять же девчонке, что атомные электростанции к железной дороге имеют не совсем прямое отношение? Придет время, и весь мир узнает, что такое ядерные технологии.

— Во-первых, не болтать. Работа у нас такая, вопросы решать. Транспорт у нас Каганович занимается, Лазарь Моисеевич, — я легенько щелкнул сестренку по носу, — а маршал Берия строит несколько другие станции. Тебе, вообще-то, спать не пора?

Светка согласно улыбнулась и тут же, в подтверждение моих слов, зевнула, прикрывая рот кулачком, и капризно потребовала:

— Егорушка, отнеси меня, пожалуйста.

Вероятно, такие требования здесь бывали достаточно часто, потому что громадный Синельников с заметным удовольствием подхватил хрупкую девушку на руки и понес в другую комнату. Сестренка для него была явно не в тягость.

А я задумался о дорогах. Не о железных, а об обычных трассах, асфальтовых, очень редких бетонках и повсеместных грунтовках. Состояние автогужевых дорог, надо признать, было ужасным. Средняя скорость движения не превышала тридцати километров в час. А ведь предстояло резко увеличить нагрузку на них. В планах было через год все-таки начать строительство большого автозавода на Каме. Грузовиков, особенно полноприводных, катастрофически не хватало. На фронте частенько цепляли прицепы к бэтээрам, чтобы вовремя доставить все необходимое войскам. Хорошо хоть, что в данный момент в боевых действиях была передышка. Черт, сколько же еще предстоит построить в стране?! Дороги, жилье, связь — у нас ведь нормой считается, если на одну деревню из десяти телефон есть, — заводы и фабрики. Где же на все рабочих рук и специалистов набрать? Надо будет на одном из следующих совещаний ГКО поднять вопрос о расширении сети высшего образования. Успеть бы подготовиться. Ничего, еще пару ночей не посплю...

* * *

Советская армия... отдыхала. Нет, часть войск на линии соприкосновения с противником держала фронт. Но никаких наступательных действий мы сейчас не предпринимали. Более-менее активно работала только авиация. Бомбились транспортные узлы фашистов, немедленно уничтожался подвижной железнодорожный состав, как только воздушные разведчики, круглосуточно висевшие на большой высоте, засекали хоть какое-то движение. Истребители пресекали любые попытки редкой вражеской авиации подойти к линии фронта. Штурмовики уничтожали любые скопления техники, замеченные разведкой. Господство в воздухе было абсолютным. Не очень легко приходилось внутренним войскам, которые чистили освобожденные территории Восточной Пруссии и центральной Польши.

Кенигсберг взяли, как говорил Папанов в известном кино, «без шума и пыли». Ну, не совсем так. Вот как раз шума и пыли на первом этапе было много. Зато потерь с нашей стороны, можно считать, не было. Сначала точечным бомбометанием подавили зенитные средства противника, которых там и так было относительно мало. Не предполагали гитлеровцы перед войной, что у нас такая мощная авиация. Затем ОДАБами начали крушить стены считавшегося ранее неприступным замка. Когда полностью уничтожили один участок стены, второй и приступили к третьему, немцы выкинули белые флаги. С ними было относительно просто. Немецкий ордунг и в плену ордунг. А вот поляки... «Союз вооруженной борьбы», переименованный в том мире в сорок втором в «Армию Крайову», который кое-как управлялся из Лондона Владиславом Сикорским — радиосвязь глушилась советской техникой радиоэлектронной борьбы — пытался сопротивляться. Но хорошо обученные и прекрасно вооруженные солдаты внутренних войск безжалостно уничтожали всех, кто хоть как-то пытался навредить как советским военным, так и новым мирным гражданам СССР.

С Румынией тоже было достаточно просто. Кароль Второй отрекся от престола в пользу сына — Михая Первого (которого сам же сместил в тысяча девятьсот тридцатом году) сразу же после занятия советскими войсками Бухареста. Молодой новый-старый король — в октябре ему исполнится только девятнадцать лет — подумал и передал страну под юрисдикцию Советского Союза. Причем без каких-либо условий. После совместной пресс-конференции в Москве Михаила фон Гогенцоллерна-Зигмарингена и Василия Сталина, на которой Председатель Президиума Верховного Совета СССР заверил румынский народ, что он теперь находится в дружной семье всех народов Советского Союза и станет жить значительно лучше, серьезных проблем с Румынией, в состав которой теперь должна была войти и Бессарабия (Нынешняя Молдова), не было. Кинопередвижки крутили документальный фильм с пресс-конференцией во всех городах, крупных и маленьких селах новой советской республики. Маршала Антонеску, находившегося под домашним арестом (туда его засадил еще Кароль Второй) тихо-мирно расстреляли у ближайшей стены. Перевоспитать этого фашиста не представлялось возможным. Кстати, отказавшийся от престола Михаил изъявил желание стать военным летчиком и собрался подавать заявление в КВВАУЛ²⁰ — именно то училище, которое закончил Василий Сталин.

Болгария в это время уже была советской республикой. Временный Революционный Комитет отправил письменное прошение о вступлении в Союз еще до входа корпуса генерал-лейтенанта Полубоярова в Софию.

* * *

— Нет! Не Стамбул, не Константинополь, а Царьград!

Берия критически посмотрел на меня, но промолчал.

— Но почему, Василий Иосифович? — недовольно спросил Маленков.

— Просто потому, что наши предки так называли эту православную столицу, — спокойно ответил я, — поэтому пусть весь мир привыкает — Царьград.

— А ведь это пропаганда религии, — продолжал настаивать Георгий Максимилианович.

— Ни в коем случае, — тут же парировал Синельников, — это — пропаганда русского языка.

— А мы, товарищи, не торопимся? — решил прекратить перепалку маршал. — Еще не взяли город, а уже собираемся переименовывать.

— У вас есть сомнения, Лаврентий Павлович, что возьмем? Впрочем, вы абсолютно правы. Делим шкуру неубитого медведя, — согласился я, — Товарищ Тимошенко, кто будет докладывать план операции, вы или начальник Генерального штаба генерал-полковник

²⁰ Качинское высшее военно-авиационное училище летчиков

Василевский?

— Александр Михайлович, — тут же ответил министр обороны.

Василевский встал, взял указку, подошел к карте, висящей на стене, и прокашлялся перед длинной речью.

— Итак. Пока Германия собирает новую армию и подтягивает ее к линии фронта, чтобы она точно так же, как предыдущая, в конечном результате оказалась в окружении, мы решили ударить по Турции...

Глава 4

— Веру в Бога нельзя поощрять. Но нельзя и запрещать.

Заявление Василия прозвучало в кремлевском кабинете во время очередного совещания ГКО и произвело эффект грома в ясном небе. Только один Синельников по возможности незаметно подмигнул Сталину.

— Это что, заменить политруков на попов в Советской армии? — как можно более язвительно спросил Жданов.

— Нет, конечно. Но вот запрещать нашим солдатам креститься перед боем не стоит, — спокойно ответил Вася.

— Может быть, еще во время присяги пусть крест целуют? — секретарь Ленинградского обкома партии на глазах наливался желчью.

— А может быть, вы, Андрей Александрович, юродствовать прекратите? — Василий посмотрел Жданову в глаза спокойным взглядом.

Нет, это не был цепкий взгляд чуть прищуренных тигриных глаз его отца. Это был холодный взгляд прицелившегося снайпера, готовящегося мягко потянуть спусковой крючок. Жданов, уже начавший вставать, чтобы громко, в крик изъяснить недовольство этим выскочкой, этим мальчишкой, взявшим такую непомерную власть, захлопнул рот и грузно рухнул обратно на стул. Он понял, что еще одно-два слова, и за его жизнь не поручится уже никто. И когда этот щенок успел захватить власть? Ладно, эта молодежь, которую зачем-то Иосиф Виссарионович вытащил с самых низов, но почему молчит Маленков? Почему Мехлис, опустив глаза, уставился в пустую столешницу? Почему, наконец, Берия посматривает сквозь круглые стекла своего пенсне на всех каким-то даже немного довольным взглядом? Его что, все устраивает? Интеллигент паршивый!

Вася достал пачку «Лаки страйк», покрутил сигарету между пальцами и, взяв ее за самый кончик, вложил фильтр себе в тонкие губы. Голубой снизу и ярко-желтый сверху огонек газовой зажигалки завершил церемонию прикуривания. Длинная струя сизоватого дыма, и вот он смотрит на всех совершенно спокойно.

— Или я чего-то не понимаю, или многие из здесь присутствующих, — констатировал Сталин. — Религия является частью национальной культуры народа. Запрещать веру в Бога — это резать по живому историю. Подрывать веру народа в себя. И это сейчас, когда требуется сосредоточить все силы для победы над многочисленными врагами, для дальнейшего подъема народного хозяйства, для резкого увеличения нашего научно-технического отрыва от противника.

— Так что, будем строить церкви? — решился спросить Маленков. Он уже понял, что триумвират взял власть намертво. Бороться с ними уже бесполезно. Более того — смертельно опасно. Но вот к чему они ведут, было непонятно. Ясно пока было только одно — намечался очень серьезный поворот во всей внутренней политике державы.

— Ни в коем случае, Георгий Максимилианович, — Вася повернулся к нему и говорил вполне доброжелательно, — хотят — пусть строят сами. Мешать не будем. Даже некоторые закрытые соборы разрешим восстановить. Налогами, конечно, обложим. Мы должны понять простую вещь: церковь — это коммерческая организация между несуществующим Богом и людьми. Другое дело, что когда отдельные цели этой организации совпадают с нашими, вот в этом случае нам с религией по пути. Но только в этом варианте и никак иначе.

— А это не слишком ли циничный подход, Василий Иосифович? — спросил Берия. При всех он обращался к Сталину по имени-отчеству.

— Это, — Вася чуть задумался, — это прагматичный подход не верующего в Бога человека, который, однако, принимает существующие реалии такими, какие они есть. Ну, ведь у нас свыше девяноста процентов населения крещеные. Это, соответственно, среди православных. А сколько у нас мусульман? А ведь та же Турция, которая со дня на день станет нашей, сплошь мусульманская. Нет, я решительно против запрещения религии. Более того, ни в коем случае нельзя позволить различным конфессиям воевать между собой. Разжигание межрелигиозной розни надо возвести в ранг государственного преступления точно так же, как и межнациональной. Другое дело, что одновременно надо вести атеистическую пропаганду, всемерно повышая образовательный уровень нашего многонационального населения. Ведь вероятность веры в Бога образованного человека значительно ниже, чем незнайки. В то же время воинствующий атеизм мы поддерживать не будем. Мягко надо и... — Вася сделал паузу, — и тоньше. И ни в коем случае не высмеивать верующих. Этим мы только озлобим людей.

— И синагоги разрешим открывать? — неожиданно спросил молчавший до того Мехлис.

После серьезного разговора с Синельниковым, состоявшегося на следующий день после того памятного совещания ГКО, когда младшего Сталина практически силой затащили на самую властную вершину государства, он многое понял. Понял, что не стоит сс...ть против ветра, как бы грубо ни звучала эта народная поговорка. Понял что, несмотря на несомненный отход от многих ленинских принципов, они — этот уже явно сложившийся триумvirат — хотят усилить нашу страну. Что другого пути у него самого нет. Или вместе со Сталиным, Берией и Синельниковым строить новую державу, или... его самого поставят у расстрельного рва. Третьего не дано. Синельников ясно дал понять: «Кто не с нами, тот против нас». Почему он вдруг решил задать этот вопрос? Да просто потому, что в самой глубине души он верил. Да, он министр Государственного Контроля самой передовой страны мира, истово верил в Бога. На любом допросе, даже третьей степени, он бы никогда не признался в этом. А разве могло быть иначе для простого еврейского мальчика, родившегося в девятнадцатом веке?

Вася посмотрел на Мехлиса и неожиданно улыбнулся:

— Ну, куда же мы денемся, Лев Захарович? Ведь у нас сейчас вместе со сбежавшими от гитлеровцев больше пяти процентов населения — евреи.

— И мы с тобой, Лева, обязательно тогда в синагогу сходим, — решил подшутить над товарищем Каганович.

— А не пустят вас туда, Лазарь Моисеевич, — парировал за Мехлиса генерал-полковник Синельников, — вашими стараниями, если не сказать — молитвами, там, — Егор улыбнулся и показал рукой вниз, на паркетный пол кабинета, — под землей для метро столько дырок наверчено, что это, скорее, ближе к дьяволу, а никак не к Богу.

Хохотали все. У Берии свалилось с переносицы пенсне. Он еле успел поймать его над самым столом. Тонко и звонко смеялся Андрей Громыко. Мехлис хохотал, держась рукой за грудь около сердца. Каганович залиvisto хохотал, поставив локти на стол и уперев свой большой лоб с намечающимися залысинами в ладони. Вася Сталин смеялся, не замечая, что пепел с его сигареты сыпется прямо на зеленую скатерть стола. Даже Жданов заулыбался. Но перекрывал всех гулкий бас Егора Синельникова.

* * *

Чем хороший солдат отличается от плохого? Выучкой-умением? Да. Знаниями? Несомненно. Способностью быстро ориентироваться в обстановке? И это тоже. Но самое главное — хороший солдат знает, за что он воюет! Советские бойцы это, самое главное, знали — они воюют за Родину!

Стремительный танковый прорыв из Болгарии, внезапно вошедшие в бухту Золотой Рог два линкора и пять эсминцев со множеством ракетных и торпедных катеров, воздушный десант в пять утра и висящие над Стамбулом многие сотни советских самолетов, мгновенно подавляющие бомбами и пушками любую попытку сопротивления лишили даже самых оптимистически настроенных турецких военных всех надежд удержать европейскую часть города. Моральной способности противостоять Советской армии у турков не было. Они ведь и предположить не могли, что один из грозных линкоров, захваченный в первый день войны у итальянцев, назвать боеспособным можно было только с большой натяжкой. Нет, технически он был абсолютно исправен. Но вот освоить его советские моряки еще не успели. Впрочем, вся остальная техника и сами советские воины были полностью готовы к боевым действиям. Десантники большими группами прохаживались по городу, с улыбочками отбирали у солдат противника оружие, похлопывали по плечу и шли дальше. А с севера вслед за танками по шоссе на дорогах колоннами шли и шли БМП, бронетранспортеры и грузовики с мотопехотой.

Срочное заседание правительства в Анкаре только выявило, что противопоставить Советскому Союзу Турецкая Республика практически ничего не может. Они сами совершили ошибку, под давлением Германии, Англии и Франции без объявления войны напав на Советы. Потеряв шестнадцатого июня большую часть своей недостаточно современной авиации и практически весь флот, Турция была обречена. Был бы жив Ататюрк, может быть, они и не ввязались бы в эту, казавшуюся тогда беспроблемной войну. Теперь же противопоставить СССР было нечего. Помощи от союзников по фашистской коалиции ждать было нельзя. Британцы были далеко и практически заперты на своем острове. При любых попытках выйти со своих баз английские корабли знакомились со средствами акустического самонаведения новейших советских торпед. Вероятно, знакомство такого рода им не понравилось, так как все выходы в море боевых кораблей быстро прекратились. Впрочем, мирные суда тоже вынуждены были отсиживаться в своих портах. Проскользнуть незамеченными мимо советских моряков и летчиков было невозможно. Французы вышли из коалиции и заявили о своем нейтралитете. Немцы спешно собирали новую армию вместо плененной русскими. У Италии, потерявшей большую часть флота, тоже хватало собственных проблем. В то же время Советы по радио предлагали капитуляцию, обещая не убивать не только мирных граждан, но и военных, сложивших оружие. Выхода не было, и председатель правительства Махмуд Рефик Сайдам выехал в европейскую часть Турции, в Стамбул, приготовив большой белый флаг из собственной шелковой простыни. А Мустафа Исмет Инёню, соратник и преемник Ататюрка на посту президента республики, только сейчас осознавший всю глубину совершенной ошибки, пустил себе пулю в висок. Он знал, что ему никогда не простят геноцида армян и резню греков в Смирне двадцать второго года.

* * *

— Вася, ты работаешь на износ! Надо ведь и отдыхать иногда. Лаврентий Павлович, ну хоть вы ему скажите! — Синельников отчаянно взмахнул рукой в моем направлении.

— Егор, ну ты же знаешь, ничего со мной не делается, — я усмехнулся.

Выгонят из кабинета, так я и в кремлевской квартире могу с документами разбираться, и на Ближней даче. Все равно мне делать больше нечего. Не телевизор же смотреть с пятью программами? Все, что там могут сказать и показать, я и так уже знаю. Книжки читать? Так история здесь еще не настолько разошлась с тем миром, чтобы что-то новое хорошее написали. Читать старое неинтересно. Я и так все помню. Не все читал? Да, конечно, но вот дамские романы все равно читать не буду. Не хочу. Что остается? Работать! Потому что это нужно и это интересно.

— А дело не в физической усталости, Василий, а в моральной, — это уже тяжелая артиллерия — маршал Берия. — Ты, друг мой, когда последний раз шашлык готовил? С друзьями рюмку-две пил? Театр посещал?

Во, пристали! А может, и правда в Зубалово сгонять? Нет. Лучше куда-нибудь на природу — рыбку половить, у костра посидеть...

— Уговорили, сдаюсь, — я шутливо поднял руки вверх, — Егор, Лаврентий Павлович, поехали завтра на свежий воздух?

— Я, увы, не могу, — с сожалением ответил Берия, — вечером в Ленинград вылетаю. Там на утро совещание по ЛАЭС²¹ назначено. Людей я уже предупредил, они готовятся. Неудобно получится, если сам не приеду.

Я взглянул на Синельникова.

— Без вопросов, — немедленно откликнулся тот, — Светку берем?

— А ты хочешь ее оставить в городе? — подколот я друга.

Генерал-полковник насупился. Мы с маршалом переглянулись и рассмеялись.

— И это глава нашей секретной службы! — теперь уже Берия показал рукой на Егора. — У тебя же на лице все написано. И как же ты государственные секреты хранишь?

* * *

— Сегодня пилотирую я, — заявил Синельников, выгоняя водителя и охранника с передних сидений «Паккарда».

— Егор, а давай мы твоих церберов из «девятки» здесь оставим? — предложил я. — Куда мы едем, никто не знает. Значит, запланированной акции против нас быть не может. А с любыми случайностями как-нибудь разберемся. Ну, если хочешь, возьми в машину пару «калашей» с подствольниками. Пусть лежат.

Синельников с сомнением посмотрел на меня, потом все-таки кивнул, вышел из машины и отдал приказ. Майор, командовавший группой охраны, что-то недовольно пробурчал, но подчинился. Правда, только после того, как генерал-полковник прямо на капоте написал несколько строк в блокноте майора.

— Куда? — спросил Егор и оглянулся посмотреть, как на широком заднем сиденье сопит в две дырочки Светлана, прикрытая теплым пледом. Машину он вел плавно, без резких торможений, чтобы, упаси боже, не потревожить сладкий утренний сон своей любимой.

— А давай по Рублево-Успенскому, — предложил я, тоже посмотрев на сестру. Перевел взгляд на друга и улыбнулся, — там по настроению — или свернем куда-нибудь, или в Зубалово махнем.

— Вот чего вы, товарищ полковник, лыбьтесь? — напряженно задал вопрос Синельников, не отводя взгляда от дороги.

— Дурак ты, Егор. Я уже настолько вжился, что чувствую себя именно нынешним подполковником. А улыбаюсь?... — Черт! Вот кому надо отдыхать, Синельникову, никак не мне. Ладно, сейчас я его чуть-чуть взбодрю: — Люблю я. Люблю Светку и тебя, дурака. Москву нашу — ничуть не меньше, чем тогда и там — родной Питер. Ты сам посмотри вокруг. Идет война с фашистами, а люди вокруг веселые. Потому что похоронок почти нет. Потому что с каждым днем лучше живется. А ведь во всем этом есть и наша с тобой заслуга. И главное тут — это не промышленность, не новое оружие. Главное — удалось сломать ту атмосферу недоверия, которая была в обществе. Людям стало легче жить морально. Они поверили в себя и в страну. Поверили в свой завтрашний день, что у них в будущем все будет не просто хорошо, а отлично. Вот именно поэтому мы сейчас и побеждаем. Бьем фашистов в хвост и в гриву!

Я говорил, а с его лица постепенно уходило напряжение. Наконец он тоже улыбнулся.

— Прости, Вася. Я действительно дурак.

— Вон у кого будешь просить прощения, — я указал отогнутым большим пальцем себе

²¹ Ленинградская атомная электростанция. Точное расположение — поселок Сосновый Бор

за спину, где на заднем сиденье спала сестренка, — и как тебя угораздило влюбиться в эту взбалмошную девчонку? Н-да, я тебе не завидую.

— Зато я сам себе завидую, — расцвел Егор, — нам... нам хорошо вдвоем.

— Ну-ну, — хмыкнул я, — поживем — увидим.

Немного приоткрыв окно, откуда сразу же зашумел ветер — скорость уже была под сотню — я закурил. Мы ехали и молча любовались открывающимися видами Подмоскovie. Я вспомнил, как буквально полгода назад по моим внутренним часам мы с одним хорошим знакомым ехали на рыбалку по этой же трассе.

Через пару километров притормаживай, там поворот будет на шоссе поменьше.

Синельников посмотрел на меня, хмыкнул, но скорость начал сбрасывать. Поворот был на месте. Вот только вместо шоссе была узкая грунтовка. Егор решительно свернул, включив первую передачу. Какие-то три километра до маленькой речушки мы тащились целых двадцать минут, но все-таки доехали без лишних приключений. Светка, проснувшаяся еще на первых колдобинах, довольно лупала глазками, оглядываясь вокруг.

— Неплохо здесь, — констатировал Синельников и начат сноровисто доставать из багажника все, что приготовил заранее для выезда на пикник.

Я включил передатчик радиостанции, установленной в машине, связался с дежурным по оперативному управлению Генштаба, выяснил, что все идет по ранее разработанным планам и разорвал связь, оставив аппаратуру в режиме дежурного приема.

* * *

— Шашлык будет — пальчики оближешь, — заявил Егор, собирая мангал.

— Это только в том случае, если его буду готовить я, — ответил Вася, довольно щурясь под лучами уже высоко поднявшегося солнца.

— Вы еще подеритесь, — Светка расстилала покрывало и ехидно поглядывала на парней.

— А давай-ка попробуем? — на губах Василия заиграла какая-то загадочная улыбка.

— Думаешь, стоит? — ухмыльнулся Егор. — Весовые категории у нас с тобой явно разные.

— Ну, я все же рискну, — Сталин решительно расстегнул портупею, бросил ее на траву и стал расстегивать китель.

— Мальчики, вы чего, всерьез? — забеспокоилась Светлана.

— Не бойсь, сестренка, никто твоего благоверного убивать не будет, — засмеялся Вася.

— Ты что, на что-то действительно рассчитываешь? — удивился Синельников, но так же решительно стал раздеваться.

Они стояли друг напротив друга почти голые — на Егоре были огромные «семейные» трусы, а на Васе плотные плавки, напоминающие маленькие шорты. Даже маленький карманчик на молнии присутствовал. Размеры самих соперников тоже не соответствовали. Высокий, под метр девяносто, тяжелый Синельников и, в общем-то, низкорослый и щупловатый Вася.

Что это было, Света так и не поняла. Сначала они, пританцовывая, кружились друг против друга. Движения были какими-то очень плавными, грациозными и медленно, но неудержимо ускоряющимися. Светлана неожиданно поняла, что так не могут двигаться обычные люди, даже лучшие балерины не могут. Это действительно был танец. Только никак не маленьких лебедей, а каких-то очень больших кошек. Огромный амурский тигр с его тяжеловесной грацией против маленького по сравнению с ним, но очень быстрого и не менее грациозного гепарда И была музыка. Ее не было слышно, но она была. Басы и четкий ускоряющийся ритм. И улыбки. Только они говорили, что это не будет бой насмерть. Неожиданно Василий ринулся в атаку, поднырнув под тяжелую и длинную руку Синельникова. Обоих парней просто не стало видно, так быстро они двигались. Света закричала... и тут же все кончилось. Егор лежал на животе с завернутой за спину правой

рукой и колотил кулаком левой по траве, оставляя на глазах увеличивающуюся вмятину в земле. А маленький по сравнению с ним Василий сидел на вывернутой руке и, хохоча, выбивал ладонями чечетку на семейниках Синельникова.

Светка заревела, глупо улыбаясь и размазывая кулачком слезы по лицу. Сталин тут же соскочил с Егора и, пытаясь опять двигаться медленно, как все, пошел к сестре. Но Синельников успел раньше. Каким-то опять кошачьим движением он буквально взлетел над землей и в несколько длинных прыжков достиг девушки. И вот она, уже успокаивающаяся, лежит в его объятиях, а запыхавшийся Егор, стоя с женой на руках, укоризненно говорит Василию:

— Ну что, добился своего? Напугал ребенка?

— Ее напугаешь, — улыбнулся Василий, уже направившийся к своей форме за сигаретами, — при таком-то защитнике.

Светлана прекратила реветь и только улыбалась, еще всхлипывая и глядя ладошкой Егора по лицу.

— Будешь моего Егорушку бить, я Лаврентию Павловичу пожелаю!

Вася, как раз в этот момент вытаскивающий из кармана бридж с широкими лампасами зажигалку, захохотал и свалился на траву. Егор, вначале не понявший слов жены, переспросил:

— Что?

И тоже не удержался на ногах. Он грохнулся на пятую точку, по-прежнему аккуратно удерживая Светку. Они с Василием еще долго переглядывались, то затихая, то снова начиная хохотать. Светлана непонимающе переводила взгляд с одного на другого и, наконец, тоже засмеялась.

— Тебя, Васька, женить надо, — неожиданно заявила она.

Сталин, уже доставший зажигалку и собиравшийся прикуривать, опять засмеялся.

— Не дождетесь! Попадется такая же взбалмошная, как ты, и вы вдвоем начнете меня со свету сживать.

Н— ужен ты мне, как зайцу стоп-сигнал, — она высвободилась из рук Синельникова, показала брату язык и тоже начала раздеваться.

Августовское солнце уже прилично припекало. Светлана в зеленом раздельном купальнике подошла к самому берегу, попробовала воду ногой.

— Теплая, — довольно крикнула она и бросилась в воду.

Василий докурил сигарету, аккуратно загасил и также собрался было направиться к берегу, когда его остановил вопрос Егора.

— Вася, но... как?

— А что ты думаешь, после того, как тебя десантировали сюда, работа проекта остановилась? Ольга Шлоссер сумела поднять коэффициент выживаемости еще на двадцать процентов. Вот я и стал быстрее.

— Почему же они все-таки не выходят на связь?

— Не знаю. Независимо ни от чего должна сработать закладка Викентьева в течение двух-трех месяцев. Вот тогда, надеюсь, все и выяснится.

— Аппарат пробоя на таймере? — догадался Синельников.

— Именно, — подтвердил Вася и, не став ждать друга, в три шага достигнув берега, прыгнул в воду и саженками очень быстро поплыл к сестре.

Егор задумчиво покачал головой, видя, с какой скоростью плывет Василий, обнаружил наконец-то свои плавки совершенно не в том полиэтиленовом пакете, где они должны были лежать, и еще раз покачал головой, вспомнив, как Светлана собирала вещи.

* * *

— Такое ощущение, что я сейчас упаду туда, — заявила Светка, глядя в небо. Она лежала на спине, подложив ладошки под голову.

— Ага, прямо в космос улетишь, — ухмыльнулся Вася, переворачивая шампур над краснеющими углями.

Светлана смогла все-таки оторвать взгляд от затягивающей голубизны, перевернулась на живот, подставляя солнцу спину, поймала взгляд брата и показала ему язык. Василий хмыкнул, но отвечать ничего не стал.

— И чего вы вечно как кошка с собакой? — спросил Егор, переводя взгляд с одного на другую.

— Привычка, — как бы размышляя, проговорил Вася, — сейчас-то я это понимаю. А раньше...

— Раньше мы ревновали друг друга сначала к маме, потом к папе, — грустно продолжила за брата Света, — а теперь ревновать стало не к кому...

— А ты прилично повзрослела за этот год, сестренка, — констатировал Василий, пытаясь отвлечь Светлану от воспоминаний о родителях, — наверное, потому что женщиной стала? — специально с подковыркой спросил он.

— Дурак, — тут же ответила Светка и покраснела до самых ушей.

Синельников тоже немного покраснел и смущенно выдавил:

— Не стала еще.

Вася весело и в то же время непонимающе посмотрел на них.

— Подождите-ка, вы же с марта вместе живете?

В принципе такие вопросы и в этом мире, и в это время задавать было не принято. Хотя все было значительно проще, чем там и тогда. Но он же брат, в конце концов, и личная жизнь сестры и лучшего друга его кой-каким боком касаются. Черт! Вот врачей-сексологов здесь точно еще нет.

— Рано нам еще, — промямлил Егор.

— Аа... Ну разве что. А я уж было подумал, что со здоровьем что-то не так, — Василий задумчиво почесал затылок. Ну ни фигя себе! И это бабник Синельников?! — Или ссоритесь...

— Вась, — все еще пунцовая Светлана подняла глаза на брата. Она, конечно, сама виновата. Не брякнула бы, и объяснять ничего не надо было бы. Егорка тоже хорош — раззвонил. Но с ним она дома разберется. Хотя... Это еще вопрос, кто с кем разбираться будет. Отшлепает по попе, как тогда, когда домработнице нагрубила. Тогда не больно было, а обидно. Зато как потом целовал отшлепанное... А сейчас... Конечно, о таком не говорят, но таких близких, кроме брата и мужа, у нее больше никого нет, — Вась, да все у нас хорошо. Правда-правда!..

— А я-то все гадаю, почему не расписываетесь?

— Ну, вот это как раз здесь совершенно неважно, — поднял голову Егор, — некогда было.

— Васька, а ты мне разрешение подпишешь? — тут же спросила Светка.

— Какое еще разрешение? — не понял Василий, но тут же сообразил сам: с четырнадцати до шестнадцати лет регистрация допускается только с разрешения родителей. А он же теперь вроде как опекун.

— Баба с воза — кобыле легче, — отшутился Сталин, — ну куда же я денусь?

— А все-таки ты, Васька, странный, — констатировала Светлана, — то мудрый, как папа, то дурак дураком. И вот что-то с моим Егоркой общее есть. Он тоже иногда умный, а иногда — не очень.

Василий переглянулся с Синельниковым. Не хватало еще, чтобы Светка нас расшифровала. Она ведь далеко не дурочка в свои четырнадцать лет, а за последние месяцы войны и тем более после гибели отца действительно очень повзрослела.

* * *

Нет, он не ругался. Даже голос не повысил. Берия был слишком культурным

человеком, чтобы перейти на «русский народный». Тихо так, спокойненько маршал натянул нас «по самое не балуй». Сровнял с горизонтом? Значительно ниже. Закопал.

«Что значит — не входя в зону визуального обнаружения?»

Ага, вот значит, что Егор в блокноте майора тогда накарябал. Нечто подобное я и предполагал. Два батальона спецназа СГБ, поднятые по тревоге? А хорошо их Синельников натренировал. Даже я не заметил отблесков оптики. Хорошо хоть у них в списках штатного оборудования кинокамер нет. Наша с Егором развлекуха на киноплёнку запечатлена не была.

«Непозволительно так обращаться с Государственной Безопасностью? Выше нас двоих в державе секретносителей нет?»

Ну, вот тут у противника будет полный облом. Не сломать нас ни современными способами, ни даже, пожалуй, изощренными методами того мира. Вот этого мы говорить, конечно, не будем. Оправдываться и извиняться? Надо! Я слишком хорошо знаю Лаврентия Павловича, чтобы не воспользоваться удачным моментом и не показать ему сейчас свое уважение. «Да, товарищ маршал Советского Союза, виноваты». «Так точно! Точнее, никак нет, больше не повторится!» «Понимаем ли всю ответственность перед партией и правительством?» А как же. Только не перед партией, а перед народом! Да-да. Тонкий намек на толстые обстоятельства. Нет, прямо сейчас об этом мы говорить не будем. Он очень умен, поэтому быстро такие серьезные вопросы решать не будет. Сначала поймет, потом сживется с мыслью, что мне нас...ть на партию, и только потом мы начнем прямо, без обиняков говорить на эту тему. А пока... Все-таки как здорово, что мы на одних интонациях понимаем друг друга. Втык заслуженный принят? Несомненно! Наши извинения с изъяснением уважения втыкающей стороне? Тоже! Лупающие глаза Егора, когда мы сердечножимаем друг другу руки? Н-да, этому Синельников никогда не научится. Не дано, увы...

* * *

Так. Кратенько подведем итоги.

Война началась шестнадцатого июня тысяча девятьсот сорокового года. За несколько суток три основных группировки противника были окружены и разрезаны в нескольких местах. Образовался новый западный фронт на линии Данциг-Варшава-Краков и пять громадных котлов. Причем все основные склады фашистов были уничтожены. Без боеприпасов, горючего и продуктов немцы в окружении продержались кто две, кто три недели. После чего капитулировали. Затем какие-то реальные наступательные действия нашей армии были только в Восточной Пруссии и Румынии. В Болгарию вошли без боя. Командование Советской армии рассчитывает все свои действия исходя из приказа отца «беречь жизнь каждого советского воина». Очень правильный приказ! Оперативная пауза была нами взята для перегруппировки войск, занятых до того удерживанием противника в котлах окружений. Несмотря на очень высокую мобильность наших войск по сравнению с другими армиями мира за несколько дней этого не сделаешь. Необходимо было создать новые склады на занятой территории, подготовить аэродромы, перешить железнодорожную колею и так далее. Без всех необходимых подготовительных мер дальнейшее наступление для относительно маленькой по численности личного состава Советской армии было бы самоубийственно. После восстания в Болгарии и ввода туда советских войск у нас появилась прекрасная возможность ударить по Турции. Чего и было сделано даже с некоторым изяществом. Удалось избежать лишних потерь с обеих сторон.

А немцы... Пусть создают новую армию, пусть рекрутируют новые миллионы солдат и подтягивают к линии фронта под удары наших авиации и артиллерии. Здесь необходимо еще учитывать, что экономика Германии рухнула. Вся руда Скандинавского полуострова теперь закупается Советским Союзом. Это теперь Третий рейх — колосс на глиняных ногах. Рынков нет. Внешнего сырья — тоже. Чуть-чуть подождем, легонько толкнем, и он сам рухнет.

Так, прикинем наши ближайшие действия на политической арене. Царьград делаем

столицей православия. Вообще делаем всю европейскую часть бывшей Турции полунезависимым православным государством в противовес профашистскому католическому Ватикану. С большим количеством наших военных баз. Одновременно расширяем Советскую Армению до исторических границ. Всех недовольных — на самый запад полуострова А затем подарим эту территорию грекам. В конце концов, это же их завоевания по результатам Первой Мировой войны и Севрскому договору. Проведем прямую линию на карте от Эдремита до Каша, как отец по карте Канады. Надо ведь брать пример с великих людей. А вот всех вменяемых — на стройки народного хозяйства. У нас дикая нехватка рабочих рук. Приняли решение реанимировать строительство Байкало-Амурской магистрали, но вот быстро, увы, не получится. Катастрофически не хватает инженерно-технического персонала. Да еще эта идея Синельникова — переселение народов Нет, ни в коем случае не принудительное. Развернуть грамотную агитацию среди молодежи Кавказа. В первую очередь — Чечня, Ингушетия, Дагестан. Да и крымских татар на Дальний Восток и в Южную Сибирь с ранее перечисленными народами направить. Зарплаты там сделать выше, наделы земли — с мизерной арендой, ну, во всяком случае, пока обживутся. Ассимиляция и еще раз ассимиляция. С молодежью это сделать проще. А там и старики к детям потянутся. Немцев Поволжья с земли тоже придется снимать. Но совершенно по другим причинам. Надо честно признать, что сделать из немца квалифицированного рабочего проще (быстрее и дешевле), чем из того же турка или чеченца. Ну не равны все люди между собой, как это записано в постулатах коммунистической партии! А если основополагающий тезис неверен, то и вся остальная теория врет. Вот именно эти соображения будем постепенно доводить до сведения нашего руководства. Тонко и ненавязчиво. Сначала посмотрим на реакцию, а потом решим, кто с нами, а кого — к стенке. «Незаменимых людей у нас нет», как очень правильно говорил папа.

* * *

— Я категорически против! Зачем? Чтобы озлобить простой народ против Советского Союза? Раздавить кирзовым сапогом национальную гордость и очень надолго сделать врагами? Мы воюем не против народа, а против фашизма, буржуазного империализма и колониализма.

— Тимошенко предложил начать бомбардировки Великобритании с аэродромов под Кале и Шербуром, которые нам предоставил де Голль для морской блокады Англии.

— Но мы ведь должны же как-то подавить их военно-промышленный потенциал?

— Зачем? Для чего?

— Ну как? Война ведь... — начал говорить генерал армии и замолчал.

В кабинете повисла тишина.

— Давайте посмотрим на эту войну со стороны, — предложил я. — Шире надо смотреть, товарищи, шире. Британия напала на Советский Союз в составе фашистской коалиции. Какого-либо существенного ущерба нам нанести она не смогла. Наоборот, лишилась большей части своего флота. Мы отобрали и со своим союзником — Соединенными Штатами разделили крупнейший доминион Англии — Канаду. Еще до войны благодаря очень грамотной операции генерал-полковника Синельникова, — я с удовольствием кивнул сидящему рядом со мной Егору, — британцы лишились своей крупнейшей колонии — Индии. Подавить там народное восстание им не удалось. С Австралией пусть американцы сами разбираются. Сейчас Англия заперта на своем острове нашей глухой морской блокадой. Зачем мы будем рисковать жизнями наших летчиков, пытаясь снизить их военно-промышленный потенциал, если британцы и так не могут нам причинить какого-либо серьезного вреда? Надо признать, что ПВО у них достаточно сильная. Помогать фашистской Германии своей техникой и ресурсами англичане из-за нашей блокады уже не в состоянии. Даже поставки истребителей немцам прекратились, так как мы с помощью радиолокационных станций обнаруживаем и перехватываем даже

одиночные английские самолеты.

Я замолчал и оглядел присутствующих. Возражать мне никто, похоже, не собирался.

— Сейчас, как мне кажется, наша первоочередная задача в военном плане — освобождение Ирана от британских захватчиков и свержение там режима Мохаммеда Резы Пехлеви, занявшего трон сбежавшего отца. В конце концов, там два десятка лет назад в остане Гилян уже была Персидская Советская Социалистическая Республика²². Каспий, как и Черное море, должен стать нашим внутренним морем.

— А после Ирана? — спросил Берия.

— Лаврентий Павлович, но вы же знаете, что, по данным УСИ, Аравийский полуостров имеет очень большие разведанные запасы нефти. Мы просто обязаны поставить эти территории под наш контроль.

— Василий Иосифович, даже если мы мобилизуем еще пять миллионов солдат во внутренние войска, то все равно не сможем нормально поддерживать там порядок, — возразил Берия.

— И не надо. Ни наших людей мобилизовывать, ни порядок у них поддерживать.

Маршал несколько озадаченно посмотрел на меня:

— Тогда как?

Вот, умеет он смотреть в корень вопроса. Не стал спрашивать, зачем мы будем все это делать.

— Войдем, свергнем все проанглийские режимы и передадим власть свежееобразованному Израилю. Пусть строит свою капиталистическую, но преданную Советскому Союзу империю. У тебя все готово? — повернулся я к Синельникову.

— Так точно, — ответил Егор, попытавшись встать. Я удержал его за руку.

— Суда с многочисленными еврейскими добровольцами, нашими командирами-инструкторами и оружием могут быть загружены в Крыму в течение суток-двух, — доложил генерал-полковник, — в то же время у еврейских товарищей на месте все уже подготовлено к восстанию.

Я посмотрел на Громыко.

— Андрей Андреевич, что ответили американцы на наши предложения?

— Согласились сразу. Уже начали тихую агитационную кампанию среди своих граждан еврейской национальности. Поступило два интересных предложения.

Мой взгляд на министра иностранных дел стал еще более заинтересованным.

— Предлагают двойное гражданство для тех, кто будет воевать за свободный Израиль.

А что? Может получится очень неплохо. Надо срочно организовать выдачу советских паспортов всем беженцам от фашистов, проживающим сейчас в Крыму. С нашей стороны в Палестину все равно поедет значительно больше народа, чем из Америки. И... А почему бы и нет? Предложить всем евреям — военнослужащим Советской армии — вступить в АОИ²³. С сохранением звания и гражданства. Впрочем, это надо еще обдумать и только потом предлагать. Хотя, на первый взгляд, никаких отрицательных сторон не видно.

Я опять вопросительно посмотрел на Громыко.

— Так как чертежи наших вооружений только три недели назад переданы в Штаты, то начать производство они никак не успевают. В то же время евреи хотят воевать именно нашим оружием. Уже начали сбор средств на его закупку.

— Губа не дура, — довольно prorонил Якубовский.

Я повернулся к Косыгину, которого недавно назначил с согласия маршала Берии

²² Персидская Советская Социалистическая Республика, известна также как Гилянская республика или Гилянская Советская Республика В нашей истории — советская республика, существовавшая в иранском остане Гилян с июня 1920-го по сентябрь 1921 г.

²³ Армия Обороны Израйля

Председателем Совета министров.

— Мы производим вооружений почти на шесть процентов больше, чем теряем в боевых действиях, — тут же доложил Алексей Николаевич, понявший меня без слов. Как все-таки хорошо работать с отличными специалистами своего дела! — Причем, как следует из аналитического обзора министерства обороны, доля небоевых потерь техники превышает боевые.

Н-да. С этим обзором я уже был ознакомлен. Не из всякого тракториста можно за пару лет сделать механика-водителя-виртуоза. Да и не каждый выпускник аэроклуба становится асом. Бьются иногда. Черт с ней, с техникой. Сами бы успевали спастись. Железок мы еще наштампует.

— Андрей Аидреич, — я обратился к Громыко, — любую технику и оружие. Без ограничений. Все равно у нас через несколько лет начнется перевооружение на совершенно другого уровня танки и самолеты. Вы не возражаете, Лаврентий Павлович? — повернувшись к маршалу, задал я вопрос.

— Нет, — коротко ответил Берия. Он уже с неделю как передал мне ведение совещаний ГКО, хотя с моей стороны такого предложения не поступало.

— Хорошо. С этим вопросом разобрались. Александр Николаевич, — Поскребышев уже традиционно сидел во время совещаний за моим письменным столом, — подготовьте, пожалуйста, документ.

Ждать ответного кивка я не стал. Мы отлично сработались. Распечатанное Решение ГКО будет на моем столе через двадцать минут после окончания совещания. Сразу же, как только я подпишу его, документ будет направлен во все необходимые инстанции для немедленного исполнения.

— Теперь, как с нашими предложениями по ЮАС?²⁴ — спросил я, опять повернувшись к Громыко.

— Торгуются. Хотят пятьдесят процентов, — улыбнулся министр иностранных дел.

— Именно, как мы и предполагали, — ответил я улыбкой. — Ну что же, поторгуйтесь еще пару дней и соглашайтесь. Впрочем, не мне вас учить, Андрей Андреевич, — польстил я своему товарищу.

Один на один или среди близких мне людей мы давно были на «ты». «Ближний круг» соратников разрастался буквально на глазах. А операцию против «Де Бирс», созданной небезызвестным Сесилем Родсом в прошлом веке, мы разработали неделю назад. Точнее, не против «Де Бирс», чья штаб-квартира находится в Лондоне, а против Южно-Африканского Союза — еще одного доминиона Великобритании. Наши предложения Штатам были просты: Советский Союз берет на себя более тяжелую задачу — глухое блокирование острова. Собственно говоря, она уже была выполнена нашими летчиками и моряками-подводниками. А американцы высаживаются в Кейптауне и Дурбане. После освобождения страны, ей предоставляется независимость, но вся британская собственность переходит к САСШ и СССР в пропорции сорок к шестидесяти. С нашей готовностью согласиться, в конце концов, на паритет. Ну не будем же мы информировать даже союзника об уже эксплуатируемом месторождении в Якутии и о месторождениях в Канадской ССР? О том, что алмазы можно добывать в Австралии, сообщать тоже подождет. В любом случае, на мировой монополии «Central Selling Organisation»²⁵ можно уже поставить жирный крест.

* * *

²⁴ Южно-Африканский Союз — ныне ЮАР

²⁵ Организация, с 1933 года взявшая под контроль процесс обработки алмазов и продажи бриллиантов. На самом деле — подконтрольная «Де Бирс» структура

Усиленную персонально для меня машину, увы, несколько перетяжелили. Пришлось снять обе синхронные пушки, оставив только тридцатимиллиметровую, стреляющую через полую втулку винта. В остальном истребитель был совершенно стандартным. Я теперь отводил душу каждые два-три дня, но это становилось постепенно неинтересным. Чего-то не хватало. Вот только чего? Потом догадался. Так как я теперь всегда заранее предупреждал о своем приезде на аэродром, то там перед моим взлетом поднимали шестерку «Яков». Они кружили высоко в небе, готовые свалиться оттуда мне на помощь, если вдруг появится враг. Но откуда ему здесь взяться? Зона столичной ПВО была намертво перекрыта радиолокационными постами обнаружения. Но приказы в армии не обсуждаются, а выполняются.

Выяснил у диспетчера номера радиоканалов барражирующей шестерки и, связавшись с пилотами, вызвал к себе одну пару. Приказал отключить оружие, проверить фотопулеметы и устроил учебный воздушный бой. С очень большим удовольствием покрутился с ребятами. Обучены они были весьма неплохо. После посадки покурили, разобрали ошибки. Проявки пленок с их машин ждать не стал. Ребята сами признались, что ни разу в прицел поймать меня не смогли.

В следующий раз меня уже ждали. Еще перед взлетом обговорили план боя. Теперь на меня надели всей шестеркой. Минут пятнадцать удавалось уходить от атак условного противника. Даже одному очередью из фотопулемета удалось крыло прошить, о чем я тут же сообщил условно сбитому. Но потом они все-таки сумели меня зажать на вираже в двойные клещи.

Вечером вызвал к себе генерал-лейтенанта Покрышкина. Его еще до войны отец произвел в генералы и поставил командовать войсками ПВО нашей страны.

— Александр Иванович, — спросил я после того, как мы поздоровались и присели у стола, — это вы приказали поднимать шестерку истребителей на время моих тренировок?

— Так точно, товарищ Сталин, — очевидно, по званию ему меня было называть неудобно, хотя мы оба были в форме, — распоряжение маршала Берии.

— Называйте меня, пожалуйста, по имени-отчеству. Распоряжения Лаврентия Павловича мы, конечно, отменять не будем, но вот у меня есть предложение, — и я рассказал ему о своих спаррингах с пилотами дежурной эскадрильи.

Конечно, Покрышкин был уже в курсе. Мы вдвоем обсудили, как перевести тренировки на постоянную основу с организацией «Центра повышения квалификации пилотов». Договорились, что будет производиться постоянная ротация летчиков-истребителей на центральном аэродроме столицы. А лучших мы будем оставлять в качестве инструкторов, с периодическими командировками на фронт для закрепления навыков в боевых условиях.

На следующей тренировке Покрышкин сам поднял шестерку в небо и лично со своим ведомым сбил меня на шестой минуте боя, когда две другие пары под его командованием на пересекающихся курсах загнали мою, вертящуюся как белка в колесе, машину под пушки командующего ПВО. Потом мы просто покрутились вдвоем в голубом небе. Генерал оказался великолепным пилотажником и очень грамотным тактиком воздушного боя. Во время разбора полетов мы сами не заметили, как перешли на «ты». Поговорили и решили в следующий раз работать парой.

На очередной тренировке Александр был ведущим пилотом нашей пары. Мы вдвоем продержались почти десять минут. Я надежно прикрывал его хвост, и он «снял» сразу двух условных противников, но тут «завалили» меня. В одиночку против двух пар «Яков» с в общем-то неплохими пилотами он тоже не устоял. Но вот потом, на земле, выяснилось, что один из летчиков чуть не столкнулся со своим товарищем во время учебного боя. Выпрыгнуть с парашютом он наверняка бы успел, так как мы летали с достаточным запасом высоты. А что мог натворить неуправляемый самолет в городе? Хотя зона полетов и находилась достаточно далеко от густонаселенных районов Москвы, мы все же решили перевести «Школу асов», как уже стали называть наш еще не до конца организованный Центр повышения квалификации пилотов, в Кубинку.

* * *

— Я хочу рассказать ей все, — давно я не видел Синельникова таким напряженным.

— Уверен?

— Да. Понимаешь, Вася, — Егор задумался. — Мы любим друг друга. А она видит, чувствует, что я скрываю от нее что-то очень важное. Причем важное и для нее. В какой-то момент это может поставить крест на любви Светланы ко мне.

Н-да. А ведь вопрос действительно серьезный. Так ведь жизнь и себе и сестренке ломает, если вовремя не разрулить. Только...

— Хорошо подумал? А что ты Светке скажешь о ней самой в том мире?

На лице Синельникова проступило недоумение. Раньше об этом он явно не задумывался. Ха! А соображаю я все-таки быстрее Егора.

— Тогда так: там, в том мире, моя младшая сестра погибла под бомбежкой в сорок первом. Запомни это и убеди себя сам, что именно так все и было, — н-да, что интересно, ведь мне самому предстоит сделать то же самое.

— Ты думаешь? — Егор явно не ожидал такого быстрого и кардинального решения вопроса. Притом, что я не буду возражать против открытия такой тайны девчонке, пусть даже эта девчонка — моя собственная сестра.

— Знаю, — я внутренне усмехнулся. Нельзя было показывать даже Синельникову мою хоть малейшую неуверенность по любому поводу, — вспомни уроки в школе ФСБ по методике обмана полиграфа. Если ты сам веришь в любую галиматью, то никакой самый крутой детектор лжи тебя не разоблачит. Поэтому — не было ее в том мире после сорок первого. Не было и все!

На лице Егора появилось понимание.

— А остальное?

— Что остальное?

— Ну, остальную историю того мира? И про то, что ты тоже оттуда?...

Тут уже я задумался. Но ведь если говорить, то все или ничего. Полуправда в таких ситуациях до добра никогда не доводила. С другой стороны — кому еще можно доверять, если не буду верить собственной родной сестре?

— Говори, если спросит, все. Если мы не будем честными перед Светкой, то не останемся честными и перед собой. Ну и какие мы с тобой тогда, к чертям, руководители страны?

Егор внимательно посмотрел на меня, понял и с облегчением кивнул.

Только, — вот как это ему объяснить?

— Когда будешь рассказывать... В общем никакого десантирования.

— В смысле? — не понял Синельников.

— Ну, она же еще девчонка. Взбредет в голову, что в нас с тобой какие-то монстры вселились. Просто мы с тобой получили из того мира подарок в виде памяти живших там людей с фантастическими здесь знаниями. Ну и, соответственно, сумели этими знаниями воспользоваться.

— Ах, это... — он очень задумчиво посмотрел на меня. — Знаешь, Василий, а я ведь уже давно не Воропаев. Я именно Синельников этого мира, но с нравственными приоритетами того.

Н-да? А я кто такой? Полковник ФСБ оттуда или мальчишка-разгильдяй, родившийся здесь? Черт знает что! До меня только сейчас начало доходить, что ни то, ни другое. И в то же время — приоритеты умудренного жизнью старика, знания обоих меня прошлых и желания мальчишки. Вот только ответственность... Ответственность за будущее моей страны и многие сотни миллионов наших людей. И не хочу я перекладывать ее на других. Просто потому, что у меня получится лучше. Почему? Извечный вопрос «что такое хорошо и что такое плохо»? Только не для одного человека, не для страны, а для всей цивилизации

планеты Земля. Ну вот кто может знать это здесь лучше меня самого с этим моим чертовым историческим послезнанием???

* * *

— Вася, а сколько там тебе было лет? Егор точно не знает.

— Много будешь знать — плохо будешь спать, — отшутился я, вытаскивая из кармана кителя сигареты, — и вообще, — я похлопал рукой по дивану рядом с собой, — сядь и выслушай.

Пока я закуривал, эта егоза все-таки послушалась и примостилась рядом.

— Значит так, — начал я нравоучение, — Егор раскрыл тебе эту информацию не для того, чтобы ты задавала вопросы. Понимаешь, сестренка, между близкими, по-настоящему близкими людьми не должно быть тайн. Иначе это может разрушить их отношения. Это тебе понятно?

Она кивнула.

— Твой муж, — я усмехнулся. Они так и не расписались еще, хотя все необходимые документы я уже оформил, — рассказал тебе вполне достаточно, чтобы между вами ничего не стояло. А теперь попробуй, Светлана, все забыть. Подожди, — я жестом прервал ее попытку перебить меня, — Нет, я понимаю, что забыть такое невозможно. Просто попытайся об этом не думать. Пусть оно, это знание, останется глубоко внутри тебя. Я понимаю, что ты очень любопытная. Это нормально, это даже хорошо. Но не в данном случае. Направь свое любопытство в другую сторону. Ты даже представить себе не можешь, сколько еще интересного в этом мире мы не знаем.

— Васька, только один ма-а-аленький вопросик, — Светка сложила вытянутые большой и указательный пальцы правой руки с еле заметным зазором между ними, сжав остальные в кулачок, — и больше никогда спрашивать ничего не буду.

Интересно, и что ее так заинтересовало?

— Ну, давай, — согласился я, — только один и самый последний.

Светлана часто-часто закивала головкой и тихо, почти шепотом, спросила, широко раскрыв глаза:

— Вася, а ты был там женат?

Н-да. Ну а что еще могло заинтересовать эту маленькую интриганку?

— Был, — честно ответил я, — давно, недолго и очень неудачно.

— А?...

— Все, — перебил я сестру, — мы же договаривались.

Она немного набычилась, чуть-чуть подумала и улыбнулась:

— Ну и ладно, я тебя все равно люблю!

Сестренка чмокнула меня в щеку, и, припрыгивая, побежала в столовую помогать домработнице накрывать на стол. А какой роскошный аромат оттуда идет... Желудок немедленно предательски заурчал.

* * *

— Садитесь, Арсений Григорьевич, — я указал на одно из трех удобных кресел около невысокого столика. Этот маленький мебельный гарнитур появился в моем кабинете только вчера. Гораздо удобнее вести разговор с хорошим человеком в относительном комфорте.

А своего министра финансов Зверева я уважал и очень хотел сделать своим соратником. Это ведь он в том, прошлом моем мире, не согласился с дурной денежной реформой тысяча девятьсот шестьдесят первого года, обесценившей рубль. После более чем двадцати лет руководства Наркомфином, а затем министерством финансов хлопнул дверью и ушел. Папин выдвиженец, умный и решительный.

— Чай, кофе или, может быть, чего-нибудь покрепче?

— На работе не пью, — сухо ответил он, устранивая свое немного грузное тело в кресле.

— А если я буду настаивать? — улыбнулся я.

Он оценивающе посмотрел на меня и усмехнулся:

— Умеете вы убеждать, Василий Иосифович.

— Как говорят французы — положение обязывает, — отшутился я и спросил, доставая сигареты: — Не возражаете?

— Нет, — он отрицательно покачал головой.

— Арсений Григорьевич, как вы смотрите на снижение экспорта некоторых сырьевых ресурсов? — перешел я к делу.

Министр финансов коротко задумался и ответил вопросом:

— А что взамен? У нас, несмотря на очень приличный профицит бюджета в семь процентов (Вот только не надо мне говорить, что это ненаучная фантастика! А кто из вас знает, что в 1944 году государственный бюджет СССР был выполнен с профицитом в 4,8 млрд рублей (3,1 % от всех военных расходов того года) и в 1945 году — в 3,4 млрд рублей? И это во время тотальной войны! Многим неведомо, что в военные годы платились щедрые премиальные за уничтоженную военную технику противника. Имелась целая система тарифов за ратные дела, разработанная именно наркоматом финансов. Например, за подбитый танк противника наводчик орудия получал из казны 500 рублей, за уничтожение танка противотанковой гранатой воину полагалась 1000 рублей. Для сравнения, оклад командира полка был 1800 рублей. За сбитый одномоторный самолет наш ас получал 1000 рублей, за двухмоторный, соответственно, в два раз больше. Более того, даже за ремонт своей техники полагались денежные вознаграждения. За средний ремонт тяжелого танка — 800 рублей, среднего — 500 руб., оружия — 200 руб. Это все плюс к зарплате. Так что семь процентов профицита для описываемой АИ — нормально.) внешнеторговое сальдо отрицательное. Вынуждены платить золотом.

— Во-первых, начнем продавать больше нашей высокотехнологичной продукции, — начал перечислять я, — через месяц должен начать работу Минский телевизионный завод. Минимум пятьдесят процентов пойдет на экспорт. Кишиневский еще через полгода будет запущен. Но это все мелочи. Как вы смотрите на продажу оружия?

— Кому? — удивился Зверев.

— Всем желающим, кроме нынешних и потенциальных противников.

Он задумался. А я закурил и стал ждать.

— Здесь вам, Василий Иосифович, конечно, виднее, но ведь отдельные образцы попадут к противнику. А если повторят?

— Об этом не беспокойтесь. Технологий производства они не знают и качественно повторить не смогут. Потом, все равно через несколько лет будет новое перевооружение у нас. Совершенно другой уровень. Вы ведь в курсе, руководством каких проектов занимается маршал Берия?

— Конечно. Ведь финансирование идет через мое министерство, — он опять задумался.

— Вероятно, это окажется очень перспективный рынок, — высказался, наконец, Зверев, — но, как мне кажется, необходимо будет создать еще одно министерство — внешней торговли. Моему не потянуть, или слишком раздуются штаты и аппарат станет неповоротливым, плохо управляемым.

— Возьметесь, Арсений Григорьевич? — спросил я, — На это новое министерство лягут еще и другие задачи.

— Конкретнее, пожалуйста, — потребовал он.

— Необходимо сделать рубль основной валютой мира, — я начал рассказывать о возможных способах.

О необходимости на несколько лет заморозить инфляцию, чтобы сделать наши деньги выгодными за границей для накопления капитала. О согласии продавать наши товары только за рубли. О необходимости создания нового бумажного рубля — значительно меньших

размеров, но очень качественно защищенного от подделки методами, полученными в УСИ. О резком увеличении эмиссии, как только рубль окажется востребованным на международном рынке.

Зверев слушал и периодически, соглашаясь с моими словами, кивал головой. На его лице появлялось все больше заинтересованности.

— Наш советский рубль должен стать самой удобной валютой. А ведь контролировать выпуск будем только мы сами. Следовательно, мы будем продавать разрисованную бумагу, и весь мир с удовольствием будет ее покупать.

— У вас, Василий Иосифович, несколько упрощенный взгляд на мировую финансовую систему, но в целом правильный, — улыбнулся он.

— То есть вы, Арсений Григорьевич, согласны?

— Ну куда же я денусь от таких перспектив? Позволить стать самым крупным финансистом нашей планеты кому-нибудь другому? Никогда!

Глава 5

Ну ни хрена же себе! Вот это я прощелкал! И что теперь с этим делать? Нет, я, конечно, понимал, что работа в этом направлении ведется. И не просто ведется, а качественно. Синельников, в конце концов, уже больше полугода СГБ возглавляет. А там существует Пятое управление²⁶. А ведь есть еще отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС. И работники Политуправления Советской армии тоже не зря свой хлеб едят. Но чтобы все обстояло так хреново, я и представить себе не мог! Ну да, сразу после гибели отца мне было не до того. Потом впрягся в работу и положился на Егора в этом вопросе. Да нет, не полагался. Вообще не думал об этом. Неинтересно было. Других проблем оказалось выше крыши. Пока с аппаратом сработался, въехал в истинное состояние народного хозяйства, положение дел во многих направлениях нашей промышленности... А руководство на всех уровнях? Правильно отец говорил: «Кадры решают все!» Перестановок практически не потребовалось. Умел папа в людях разбираться, тут не поспоришь. Мне достался великолепно отлаженный аппарат управления огромной державой. Каждый человек на своем месте. Но вот что мне теперь с самим собой делать, никак не понимаю!..

В общем, распиарили меня за этот месяц методами двадцать первого века по самое «не могу» и еще глубже. Я, оказывается, для советского народа и царь, и Бог, и все, что есть на свете самое святое. А главное — как тонко и ненавязчиво! Ни в одной газете я не прославлялся. Одни фотографии и сообщения о том, что я очередное свершил для страны. Но вот лозунг «Воевать, как Василий Сталин» в армии — основной. Мои портреты продаются на каждом углу и за бесценок. Каждый крестьянин знает, что повышение закупочных цен — лично моя заслуга. Каждый рабочий — что у меня нет других забот, кроме как улучшение условий труда и повышение заработной платы. Каждый студент — что учиться надо, как товарищ Сталин. Ну, записался на заочные факультеты — юридический и авиационно-конструкторский — Московского университета. Сдал с ходу все зачеты и экзамены за третий курс. Проблем-то, с моей памятью и знаниями, никаких. А Сашке Косареву²⁷ я еще припомню. То-то я понять не мог, с чего вдруг комсомолки так пищат от счастья, стоит мне только разок подмигнуть им?! Хорошо хоть, что у нас здесь вопрос с противозачаточными средствами уже нормально решен...

²⁶ Пятое управление СГБ — политическое, вопросы идеологии

²⁷ Косарев, Александр Васильевич (род 14.11.1903 г.) С 1936 года — Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ. С 1937 года — член президиума Верховного Совета СССР. В нашей истории на VII пленуме ЦК ВЛКСМ (19–22 ноября 1938 года) по ложному обвинению Косарев был снят с должности генерального секретаря. 23 февраля 1939 года расстрелян по приговору выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда в Лефортовской тюрьме

Выбрал время и съездил посмотреть, как тренируются спецназовцы СГБ Синельникова. Все-таки у меня у самого имеется вполне определенный и совсем немаленький багаж знаний по этому вопросу. Нормально ребята работают. Взяты все лучшие кадры ОСНАЗа. Уровень подготовки более-менее терпимый. С удовольствием сам покувыркался на матах, пострелял из всего, что нашлось, и побегал по пересеченке. Всего, конечно, за один день не увидишь и не попробуешь. Смутило только одно: это оказались люди не генерал-полковника Синельникова, а... мои. Точнее, сначала мои, а затем уже Егора. Все делается моим именем. Как этот троглодит позднее признался, такая же ситуация в подчиненных ему ВДВ и внутренних войсках, которые находятся под маршалом Берией. Я, конечно, понимаю, что вопрос личной преданности каждого воина очень важен, но чтобы все обстояло так серьезно?... Договорился с Лаврентием Павловичем о разговоре по этому вопросу.

— Понимаешь, Василий, я испугался, — всемогущий председатель ГКО маршал Берия замолчал, а я смотрел на него во все глаза и не мог поверить.

Вот уж что-что, а трусом он точно никогда не был. Я ведь не зря столько времени провел в архивах КГБ-ФСБ того мира. Знал, что в случае сдачи немцам Москвы в том сорок первом сам Берия уходить не собирался. Дрался бы до последнего патрона и еще подорвал бы несколько солдат вермахта вместе с собой последней гранатой. А в этом мире...

Шли самые первые дни войны. Советская армия била врага в хвост и в гриву. Руководство страны занималось своим делом. Маршал тогда приехал в УСИ выяснить какой-то вопрос по реактивным двигателям, работа по которым тоже велась под его контролем.

— Ни х... себе! — в голос ругнулся капитан, просматривающий только что проявленную пленку на специальном аппарате.

Такого маршал стерпеть не мог. Сам он очень редко ругался матом. Довести до этого всемогущего министра было достаточно сложно. Подойдя, он рывком поднял за воротник кителя капитана со стула и повернул к себе.

— Что вы себе позволяете? — голос Берии был негромок, но пробирал до самых костей.

— Там, — капитан беспомощно показал рукой в сторону аппарата и замолчал.

Маршал сел перед аппаратом, снял пенсне, приложил глаза к окулярам и настроил резкость под свое зрение. «Выпускная работа аналитика ФСБ тысяча девятьсот девяносто девятого года. „История СССР с Великой Отечественной войны и до распада. Причины распада. Текущее политико-экономическое положение Российской Федерации"». Документ был довольно приличного размера. Берия выключил аппарат, вытащил пленку, убрал ее в специальный кейс для переноски бобин с секретной информацией. Собственно говоря, такие кейсы уже давно применялись в УСИ. Посмотрел на капитана через надетое заново пенсне:

— Попробуйте запомнить: этого, — маршал указал рукой на кейс, — вы никогда не видели. А я прослежу.

Повернулся и пошел к двери, непринужденно подхватив в руку упакованную пленку. Капитан опомнился и вытянулся:

— Так точно, товарищ маршал Советского Союза.

Н-да. Тогда я был еще полковником ФСБ и куратором проекта «Зверь» в том мире. Когда здесь началась война, там запарка была жуткая. С учетом того, что здесь время идет почти в четыре раза быстрее... Все крутились как белка в колесе. А ведь у нас была прямая связь с архивным сервером «конторы». Вот кто-то из сотрудников и ошибся. Не тот файл на передающий компьютер в очередь закинул. Моя недоработка. Не уследил, увы.

Берия не один час провел в своем запертом изнутри кабинете, изучая злосчастный документ. Он отдал приказ отравить любимого Иосифа Виссарионовича и не допускал к умирающему вождю врачей? Он насильник сотен маленьких девочек? Расстрелян через окно очередью из крупнокалиберного пулемета в собственном кабинете, а народу сказали, что судим и во всем признался? Что всю жизнь был шпионом ненавистных английских империалистов? Этого не может быть, потому что не может быть никогда!

Я смотрел на усталое интеллигентное лицо человека в пенсне с круглыми стеклами на

переносице и, кажется, начал понимать. Нет, не за себя он испугался. Ему по большому счету было плевать, что останется после него в истории. Одного того, что жена, его красавица Нино, и сын Серго не поверили и не предали, было вполне достаточно. Он простой архитектор. Он хотел строить красивые и удобные дома, чтобы людям было хорошо и радостно в них жить. Но Родина и Сталин поручили ему значительно более важные дела. Он вкладывал в них всю душу, все свои умения... «Плохо работал», решил для себя маршал, раз многие его друзья и товарищи предали его и угробили потом Родину. Тех, кто не предал, кто доверился ему, тоже расстреляли...

Много и долго раздумывал всемогущий маршал Берия над этим документом. Как не допустить такого в его державе? Как? Но решения не находилось...

Когда после Катастрофы Егор Синельников пришел к Берии и предложил мою кандидатуру, маршал думал недолго. Ведь это был тот самый Синельников, который за годы совместной работы ни разу не обманул, ни разу не подставил и, что самое главное, за все время ни разу не ошибся. Если Егор сказал, что я сделаю все, чтобы Родина была всегда, значит, так и будет. Да еще и убедил, что я единственный, кто может с этим справиться. Вот потому-то Лаврентий Павлович и положил передо мной державу. Приложил все усилия, чтобы мне поверили народ и армия. И сделал так, чтобы внутренние войска, значительно превышавшие по численности Советскую армию и ВДВ, вместе взятые, были преданы в первую очередь мне, еще раз мне и только потом — ему самому.

И был еще один случай, когда он испугался. У маршала тогда так сильно были стиснуты побелевшие кулаки, что ногти впились под кожу. Я ведь заметил кровь на ладонях. Это когда он влетел в мой кабинет после того, как я выпрыгнул из потерявшего управление «Яка». И опять Берия испугался не за себя, а за... меня. Что я разобьюсь и не смогу оправдать надежд маршала по выводу державы из будущего кризиса.

Я встал, подошел к нему, протянул руку для пожатия и сказал:

— Сделаю все, что смогу. Клянусь.

Лаврентий Павлович тоже встал, кивнул и обнял меня. Отца, увы, нет, но за Берией я теперь как за каменной стеной...

* * *

«Черная смерть». Так в том мире называли наши штурмовики Ил-2 фашисты. Хотя однажды в интернете я нарвался на целую дискуссию, что это уже послевоенный термин. Черт с ними. Зато здесь противник заслуженно называл так наши вертолеты Ми-4. Ударные варианты были вооружены двумя тридцатимиллиметровыми скорострельными пушками, крупнокалиберным пулеметом на турели в подфюзеляжной гондоле и приличным запасом НУРСов в шести пусковых контейнерах на пилонках. А НУРС с объемно-детонирующей боеголовкой — это что-то действительно жуткое. В радиусе полутора десятков метров от эпицентра маленькой вспышки человек не может выжить теоретически. Даже находящийся в бронетехнике, блиндаже с многослойным перекрытием или железобетонном доте с толстенными стенами. Перепады давления разрывают легкие изнутри. Вначале враги, услышав незнакомый звук и тут же увидев винтокрылые машины с красными звездами, еще пытались открыть огонь. Даже умудрились как-то подбить два вертолета. Но сосредоточенными залпами остальных ударных машин были немедленно уничтожены. А в одиночку наши вертолеты не работают. В соответствии с уставом — только группами. Теперь же, только услышав низкий гул вертолетных винтов, солдаты противника прятались, стараясь сделаться как можно менее заметными. Страх перед «Черной смертью» распространялся значительно быстрее самих красноразветных машин.

Мы впервые применили наше секретное оружие в Иране. Сначала по месту высадки работали штурмовики и пикирующие бомбардировщики, прикрытые сверху незаменимыми «Яками». Истребителей у британцев в бывшей Персии было мало, и какое-либо сопротивление они оказать не могли. Сразу после самолетов появлялись десантно-

транспортные Ми-4 и под прикрытием висящих над полем боя ударных собратьев высаживали солдат. Каждый вертолет, вооруженный всего лишь двумя крупнокалиберными пулеметами, нес отделение десантников со всем необходимым снаряжением. Что могут сделать десять подготовленных воинов в бронежилетах со стрелковым оружием? Да еще прикрытых сверху ударными и десантно-транспортными машинами? Очень много! Плюс к станковым гранатометам АГС- 30 (а ведь он, можно считать, — скорострельная пушка) у советских солдат были еще и огнеметы «Шмель-М». А каждый выстрел этого легкого оружия соответствовал как минимум стапятидесятидвухмиллиметровому фугасному снаряду.

Три дивизии, высаженные британцами в мае, сдались через четыре дня одной нашей десантной бригаде. Без поддержки, а Англия была отрезана глухой морской блокадой, у них не было никаких шансов. Сами же иранцы капитулировали сразу, как только видели советские вертолеты или танки с длинноствольными стомиллиметровыми пушками.

* * *

— Что значит, форма другого цвета? Серая, как фельдграу у вермахта? Нет. Я запрещаю. Только хаки, как у Советской армии и внутренних войск. Темно-синяя, в конце концов. А вот это уже ваша забота! Нет. Это именно ваша задача, чтобы милиция уважала свой народ. И только после этого народ будет уважать милицию. Не должны люди бояться тех, кого поят и кормят. Да поймите элементарную вещь: милиция для населения, а не население для милиции! Страх, и большой, должен быть только у преступников! Вам все понятно? Ну так работайте! Через неделю у меня должен быть план всех мероприятий.

У-фф! Объясняешь, объясняешь, а некоторым у нас — что в лоб, что по лбу... Я хотел с остервенением бросить трубку на телефон, но вовремя опомнился и аккуратно положил ее. Техника-то в чем виновата?

Так, что у нас сегодня еще? Я проверил в памяти весь список запланированных на сегодня дел. Все уже сделано. С каждым днем я все быстрее и быстрее справляюсь. Нормально сработался с аппаратом? Это точно. Понимаем друг друга почти без лишних слов. Конечно, очень много бумажной работы. Нет здесь еще компьютеров. Ничего, пару лет продержимся. К весне Лаврентий Павлович обещает наладить выпуск первых, слабеньких еще, процессоров по технологиям C7 фирмы «VIA Technologies, Inc» того мира. Очень сомневаюсь, что у него получится так быстро. Хотя документация отправлялась оттуда еще при мне. Инженеры «Зверя» проверили все очень тщательно и заверили, что учтена каждая мелочь. Разобраться, мол, смогут специалисты начала двадцатого века. Черт с ней, с весной. Хотя бы к осени. А там уже и до простеньких компьютеров недалеко. Кстати, не мешает задуматься о том, как их назвать по-русски. Переживем как-нибудь и без англоязычных названий.

А сейчас что делать? Конечно, работы, пусть и не срочной, хватает. Но надоело в кабинете сидеть. Сгоняю-ка я к Егору домой. Давно Светку не видел. Хотя она язва и балаболка, а все равно соскучился.

* * *

Так не бывает!/? А как? Взгляд сам зацепился за ее лицо. Я распорядился остановить машину, когда мы отъехали уже на пару сотен метров.

— За мной не ходить, — приказал водителю и охраннику, сидевшему впереди, и пошел к машинам сопровождения, на ходу расстегивая портупею и китель.

Двери раскрылись и спецназовцы, как джинны из бутылки, оказались вокруг меня. Я критически осмотрел их и заглянул внутрь «УАЗика». То, что надо. У водителя была не намного превышающая мою комплекция и одет он был в обычный камуфляж. Я поманил его рукой, снимая свой китель со Звездой Героя и многочисленными колодками наград. Парень

мгновенно сообразил, что от него требуется, и с готовностью снял форменную повседневную куртку на молнии. Пришлось указать еще и на кобуру скрытого ношения с «Гюрзой». Без оружия, увы, могу находиться только в ванной. Я быстро переоделся и посмотрел в затемненное стекло, как в зеркало. Безусый лейтенант в пятнистой куртке и отглаженных брюках с широкими лампасами. Не совсем комильфо. Ладно, авось не поймет. Посмотрел на старшего группы охраны проникновенным взглядом:

— Ребята, сделайте так, чтобы я вас не видел.

Подполковник понимающе усмехнулся и кивнул. Спецназовцы как будто растворились в окружающем пространстве. А я прогулочным шагом отправился назад.

Она все так же сидела на скамейке и читала книгу. Я не торопясь подходил ближе, разглядывал и мучительно пытался вспомнить, где и когда видел ее раньше. Красивая. Очень красивая. Невысокая и худенькая. Пропорционально сложена. Легенький сарафанчик совсем не скрывал ее ладную фигурку. Длинные светлые волосы. Лет восемнадцать, не больше. Не доходя десятка шагов я встал. До меня вдруг дошло. Она была очень похожа на мою мать из того мира! Нет, не она, конечно, но... А я ведь раз и навсегда запретил себе думать обо всех своих родственниках оттуда, чьи тождественные соответствия были здесь. Нельзя! Мама, папа, бабушка... Нельзя, и все!

Она вдруг подняла голову, видимо заметив меня. Взгляд пронзительно-синих глаз был задумчив. Она еще вся в своей книге. Неожиданно на ее лице появилась лучезарная улыбка с ямочками на щеках, и она задорно спросила:

— Что смотришь, лейтенант, понравилась?

Сам не знаю, что на меня нашло. Стою как дурак и глупо улыбаюсь ей от уха до уха. И сказать ничего не могу, ни «бе», ни «ме».

Улыбка сошла с ее лица, и она стала внимательно разглядывать меня.

А ведь я наверняка где-то тебя видела.

Опасность! Сейчас она узнает меня, и — пиши пропало. Ступор прошел, как и не было. Мозг заработал со своей обычной скоростью, перебирая варианты. Есть!

— А мне все говорят, что на Сталина похож. А я не Василий, я Федя.

Она узнала и усмехнулась:

— Действительно похож. Только вот ума, как у Василия Иосифовича, в тебе особого не заметно.

Получилось! Буду бутафорить под простоватого летеху. Я все так же стоял и глупо лыбился этой красавице.

— Ну, иди сюда, знакомиться будем, — она указала мне место на скамейке рядом с собой.

Смелая! Робко подхожу и аккуратно пожимаю протянутую прохладную ладошку.

— Галя. Галина Викторовна.

— Федя Константинов, лейтенант Государственной Безопасности, — гордо представляюсь, пытаюсь не утонуть в ее синих глазах, как в вечернем небе.

— Целый лейтенант? И чем же ты, Федя, в Службе занимаешься?

Так. Что-нибудь не сверхкрутое, но достаточно престижное...

— Шофер я, — говорю, делая ударение на букве «о», — все говорят, что очень хороший.

— А, — она опять лучезарно улыбнулась мне, — на машине покатаешь?

О! Есть чем заинтересовать! Н-да. А ведь не умею я девчонок клеить. Они здесь обычно сами на меня вешаются.

— Обязательно! — и немного уныло: — Если машину дадут. А что ты читаешь?

Галина показала обложку. Учебник высшей математики для вузов. Разговорились. Оказалось, она окончила первый курс института и готовится дальше. Хочет к новому году сдать экстерном за второй. Математиком будет. Н-да, стараниями проекта «Зверь», в том числе и моими, здесь очень скоро потребуется много математиков. Точнее — программистов. Так, а ведь у меня там два высших образования было. С нынешней памятью

мне здесь дипломы получить достаточно просто. Я ведь даже в Московском университете на двух заочных факультетах числюсь. Мог бы, конечно, с ходу экстерном сдать, но не очень убедительно получится. Кто-нибудь может подумать, что мне просто как руководителю страны дипломы дали. Всему свое время. Через год защищусь. Решено. Есть о чем говорить.

— А я уже на третьем курсе заочного, — гордо докладываю, — конструктором самолетов буду.

— Здорово! — в ее глазах появилось некоторое удивление. — А ты, Федор, не так прост, как кажешься.

Вроде бы удалось заинтересовать. Просидели полтора часа на этой скамейке, болтая о разном. Вот мороженым угостить ее не смог. Денег у меня в карманах не было. Забыл уже, что это такое. Ничего, в следующий раз в кафешку какую-нибудь свожу. Дал ей телефон кремлевского гаража. Предупрежу — соединят. Лишь бы позвонила. А не позвонит, все равно найду. Фамилия у нее простая — Кузнецова. Галя. Галенька. Галинка... Черт! Черт! Черт! Я же влюбился! Ни хрена себе! Мне же в том мире под семьдесят было, а здесь влюбился как мальчишка...

* * *

Солнце конца августа грело еще вполне прилично. Загар, конечно, уже не тот, что в середине лета, а вот купаться в теплой подмосковной речушке было самое то. А потом поваляться под слабым ласковым ветерком на берегу...

— Станный ты какой-то, Федька, о политике говоришь так, как будто все на свете знаешь. Рассуждаешь, прям как папа.

Папа у нас изволил быть инженером, а мама — бухгалтером. Это я еще в прошлый раз выяснил.

— А на меня смотришь, как теленок у бабушки в деревне, — ее голова лежала на моем животе, и Галина постоянно поправляла прядку своих светлых волос, спадающую на лицо, — глаза большие и обнять боишься.

— Можно? — тут же спросил я, немедленно садясь.

— Теперь нельзя! Инициативу надо вовремя проявлять, а не по разрешению.

Н-да. Облом-с. А ведь действительно робею перед ней как мальчишка. Надо как-то ломать ситуацию. Ложусь обратно, подложив под голову руки, чтобы видеть глаза девушки.

— А чего тебя так долго вчера к телефону звали?

— Машину ремонтировал, — нагло вру я.

Это надо было видеть лица членов ГКО, когда во время серьезного разговора о курдах в дверь заглядывает Поскребышев и докладывает:

— Василий Иосифович, звонок из гаража. Там спрашивают какого-то лейтенанта Федора Константинова и по вашему приказу немедленно переключили сюда.

Вся конспирация к чертям! Я, как горный козел, через приемную вылетаю в коридор, заскакиваю в первый попавшийся кабинет, гоню оттуда людей, распоряжаясь переключить звонок. Какая ехидная улыбка была потом у Синельникова! Вот гад! Ничего, я ему потом все припомню.

— Починил?

— Конечно, — отвечаю, продолжая врать, — иначе кто бы мне сегодня машину разрешил взять?

Пришлось долго объяснять начальнику «девятки» СГБ, что сегодня охрана мне категорически не нужна.

Он критически хмыкнул и сделал вид, что согласился. Сейчас наверняка весь район оцеплен так, что мышь не проскользнет. А откуда-нибудь в бинокли сюда зырятыся. Черт с ними. Я сам окинул взглядом ладную фигурку Галины. Раздельный купальник был достаточно скромным, но не мог прикрыть ни довольно большой, красивой и на вид упругой груди, ни широких крутых бедер при узкой талии. Как же мне, дураку, повезло!

Галина, щуря глаза от яркого солнца, довольно потянулась и спросила:

— Пойдем опять купаться?

Я сел, аккуратно подхватил девушку под мышки и, резко качнувшись, поднялся на ноги.

— А ты сильный.

— Есть немного, — согласился я и попробовал обнять ее.

Почувствовав бешеное сопротивление, тут же отпустил.

Галина с плачем побежала в воду, прыгнула и поплыла от берега. Плавала она неплохо, но соревноваться с моей скоростью никак не могла. В несколько десятков гребков догнал девушку и стал просить прощения. Галя, понявшая, что оторваться от меня ей не удастся, повернула к берегу, доплыла до мелководья, села и разревелась еще больше.

— Вам всем, мальчишкам, только одно и надо!

Я встал перед ней на колени, взял ее руку и стал целовать мокрые пальчики.

— Почему, стоит проявить хоть вот столько внимания, — Галина показала мне щепотку другой рукой, — так сразу лапаться лезете?

Я молча продолжал целовать маленькую ладошку. В том мире мне было далеко за шестьдесят, но женскую логику я никогда не понимал. Сначала сама намекает, что не мешало бы обнять, а потом обижается...

— У меня никогда никого не было. В тебе вот впервые почувствовала какую-то цельность, непробиваемую надежность, а ты...

Все, пора этот рев прекращать. Я решительно обнял Галинку и стал успокаивающе поглаживать по спине. Ее соски сквозь ткань купальника прижались к моей груди. Черт! Как хочется большего, но нельзя! Постепенно девушка стала затихать и сама уже доверчиво прижалась ко мне. Взял ее голову в ладони, посмотрел в пронзительно-синие глаза, из которых еще капали слезы, и сказал:

— Попробуй запомнить: я тебя никогда не обижу. Слышишь? Никогда!

Посмотрела на меня внимательно и, наконец, на ее губах появилась слабая улыбка. Вот теперь можно! Мой язык стал аккуратно снимать с уголков глаз соленые капельки. Почувствовав ласку, девушка совсем расслабилась. Подхватив одной рукой под спину, другой под коленки, вытащил ее из воды, вынес на берег и аккуратно положил на покрывало. Прямо сейчас начать натиск? Нельзя! Это не военная операция. Пусть сначала поверит мне. Вытер полотенцем свое лицо и руки, достал сигареты, зажигалку и закурил. Галинка взяла пачку и стала разглядывать.

— Американские?

Я молча кивнул. Потерла мокрые ладошки о покрывало, достала сигарету, взяла губками и потянулась к зажигалке.

— Ты курила когда-нибудь?

Отрицательно помотала головкой. Я отобрал зажигалку, вытащил сигарету из ее рта.

— Значит, никогда не будешь.

— Строгий какой, — протянула капризно.

Очень задумчиво посмотрела на меня.

— А все-таки ты, Федька, странный. Я впервые в жизни была не против, а ты...

Она откинулась на спину и, раскинув руки, стала смотреть в небо.

— Меня не устраивает, что ты не против, — честно сказал я, загасил сигарету, закопал ее поглубже в песок, лег рядом и опять стал целовать пальчики и прохладную ладошку, — мне надо, чтобы ты хотела.

— Ты какой-то не такой, — она склонила головку набок, отвела в сторону длинную прядь светлых волос и стала с заметным удовольствием наблюдать, как я ласкаю ее пальчики, — я знакома с тобой третий день, а кажется — давным-давно. Ты то как теленок, то как умудренный годами дед.

Н-да. Быстро же меня Галинка раскусила. Маска простоватого летехи сыпется прямо на глазах. И что теперь делать? А ведь мне уже никакая другая не нужна.

— Дед тебя не устраивает? — спрашиваю, стараясь не показать горечь, и отпускаю ее руку.

Она села, сама взяла мою ладонь и прижала к своей щеке.

— Я только сейчас поняла: я люблю тебя...

Сейчас утону в ее пронзительно-синих глазах!

— Вот только, Федя... женись на мне. Нет, я и так на все согласна, но... Я хочу не только сейчас быть с тобой, я хочу навсегда...

Черт! Черт! Черт! Как же я сам этого хочу! В то же время идиотизм какой — девушка, которую я сам люблю больше жизни, объясняется мне, а я... А я не могу, не имею права обманывать ее!

Галина потянулась ко мне, а я вынужден был отстраниться. В ее глазах появилась обида. Обида и хорошо заметная боль.

— Правда, любишь?

Опустила голову и заревела:

— Дурак ты, Феденька

Черт, как все быстро! Невообразимо быстро! А может, так и надо? Успею еще узнать отрицательные стороны друг друга. Ладно. Обнимаю дрожащее тело и как в омут головой:

— Не Федя я, а все-таки Вася.

Замерла, подняла головку, взглянула расширяющимися зрачками глаз и опять заревела, но теперь уже, кажется, с облегчением и счастливо, плотно- плотно прижимаясь ко мне.

— Все равно, дурак, хоть и Васька!

Ну вот. Нашлась еще одна на мою голову, которая теперь будет так меня называть. Прямо как котенка какого-нибудь. Черт! А ведь это просто здорово, что Галинке все равно, кто я такой! Ей действительно нужен просто парень с моей рожей и мыслями, а фамилия и должность — до лампочки. Я обнимал плачущую девушку и чувствовал, что меня отпускает напряжение последних месяцев. Что теперь все будет по-другому! Все будет просто здорово!..

* * *

Н-да. В том мире я себе и представить такого не мог! Ну, захотела девушка замуж, так почему бы и нет? То бишь по-французски: пуркуа бы не па? Вчера, до покраснения Галинкиных губ нацеловавшись в машине (ну не хотел я концерт охране с биноклями устраивать), мы поехали в город и остановились у первого попавшегося ЗАГСа. Перед этим, еще собираясь уезжать с речки, я вызвал по рации охрану и послал кого-то с запиской моей невесты к ней домой за документами. Когда пожилая тетечка в огромных очках подняла взгляд с моего раскрытого перед ней офицерского свидетельства на меня, губы у нее затряслись. Но затем она быстро взяла себя в руки и все оформила, как положено. А я с удовольствием подхватил свою теперь уже жену на руки и понес к подогнанному к подъезду «Паккарду». Мы, счастливые, махнули на Ближнюю дачу и закрылись в спальне...

А сегодня утром я впервые проспал. Нет, много нам, увы, в первый раз было нельзя. Женская физиология — штука строгая. Но ласкали мы друг друга до поздней ночи.

Тихий стук в дверь разбудил меня мгновенно. Я поднял голову, огляделся. Галинка спала, закинув на меня ногу и подложив ладошку под щеку. Мое лицо непроизвольно расплылось в радостной улыбке. Я аккуратно, чтобы не потревожить жену, высвободился и накрыл милую одеялом. С некоторым трудом нашел на полу плавки, натянул их, затем бриджи и открыл дверь. В нее тут же сунулась любопытная мордашка Светки. Ну а кто еще это мог быть? Синельникову ведь все еще вчера доложили. Я поднес палец к губам и, легонько вытолкнув сестренку, вышел в коридор сам. Светка повисла у меня на шее и обшлюнявила. Еле отодрал ее от себя.

— Пошли завтракать. Есть хочу зверски.

— Пойдем, — согласилась она, но не утерпела: — Вась, а какая она?

Я прикинул время, решил, что моя Галинка может еще минимум полчаса поспать, легонько щелкнул Светку по носу и опять непроизвольно расплылся в улыбке:

— Хорошая... Пусть еще немного поспит и я тебя с ней обязательно познакомлю. Договорились?

Наскоро перекусив и совершенно не обращая внимания на обычную Светкину скороговорку, залпом выпил горячий кофе, принял душ, в темпе побрился, надел белый парадный мундир со всеми наградами, сиганул в окно, сорвал первый попавшийся цветок с клумбы, запрыгнул обратно и пошел будить свою милую.

Галинка сладко спала, все так же подложив ладошки под щечку. Как не хочется будить, но сегодня столько дел. В том числе и у моей жены. Не знаю, что там у нее есть из гардероба в доме родителей, но первая леди Советского Союза должна быть одета соответствующе. Вот пусть со Светкой этим сегодня и занимается. Я провел цветком по исцелованным губам, не выдержал и приложился своими. Ох, как сладко! Галинка открыла глаза, и я тут же утонул в их синеве. Мы опять целуемся почти до потери дыхания. Потом жена неожиданно оттолкнула меня и стала рассматривать мой иконостас. Довольно улыбнулась и... заревела.

— Васенька, я сама себе не верю. Влюбилась в обычного парня, а ты оказался...

И чего девчонки по любой мелочи плачут? Совершенно не понимаю! Пришлось, взяв голову Галинки в ладони, с удовольствием повторить вчерашнюю операцию по осушению глаз милой кончиком языка. Наконец-то успокоилась.

— Галенька, мне на работу надо. А к тебе тут рвется познакомиться одна девица.

— Кто? — с некоторым удивлением и страхом спросила она.

— Да есть тут одна...

Она, кажется, догадалась, умная моя, села на кровати, натянула одеяло на свою голую великолепную грудь и прямо-таки королевским жестом смело махнула рукой:

— Давай!

* * *

Сумасшедший день! Тут восстание в Палестине на носу, а все лезут с поздравлениями. Нет, я, конечно, сам рад как не знаю кто. Как вспоминаю свою Галинку, так непроизвольно расцветаю в улыбке от уха до уха. Появился Николай Кузнецов, мой министр Военно-Морского Флота, с докладом о подготовке к сопровождению уже загружающихся в Севастополе судов в Хайфу. Тоже сначала поздравил. Затем докладывает, а его глаза буквально светятся. Тут до меня дошло — свершилась многовековая мечта русских моряков — корабли пойдут в Средиземное море через СВОИ проливы! Черт! Ну как мне ему объяснить, что это не моя заслуга, а, в первую очередь, армии и всего народа? Ведь умный же человек.

К обеду приехал Лаврентий Павлович. Сначала поздравил. Очень приятно, когда такой человек радуется за меня так искренне. Это было заметно. А потом взял и выгнал: «Без тебя, — говорит, — справимся. Твое дело — кардинальные вопросы решать. А сейчас — текучка. — Ну и как прикажете его понимать? Как можно принимать серьезные решения, не разобравшись в мелочах? — А вечером я к тебе со своей Нино загляну в гости. Примешь?»

Станный вопрос. Куда же я денусь? Притом с радостью. Должен же я своей суженой похвастаться? Есть перед кем.

Выяснил в «девятке», где находится жена. Галина со Светкой оказались дома у родителей моей благоверной. Поехал гудя. В машине меня застал звонок Синельникова. Он еще раз поздравил меня — в начале рабочего дня уже звонил, — рассказал, что еще вчера вечером на правах родственника познакомился с моими тещей и тестем, поздравил их, распорядился установить телефон и освободил от работы на сегодня. Тесть и теща. Н-да. А ведь я немного робею. С Галиной знаком всего четыре дня, но уже знаю, что с ней у меня все будет нормально. А вот с ними? С другой стороны, если вырастили мою красавицу такой умничкой, то, значит, хорошие люди.

Кто больше робел, было непонятно. Виктор Иванович оказался довольно высок, но на меня смотрел как-то снизу вверх. А вот Софья Моисеевна... Бойкая красивая женщина с низким приятным голосом. Только увидев ее, мне сразу стало ясно, какой станет моя жена через десятки лет. Я заранее порадовался за себя, так как Галина была вся в мать. Теще было под сорок, но на вид больше трех десятков не дашь. Квартирка была маленькой — две комнатки. Из тех, что отгораживали во времена НЭПа из больших квартир дореволюционных доходных домов. На стене портреты отца, мой и знаменитый плакат со Светланой, где она в вечернем платье и в форме. Собственно говоря, сама Светка была здесь же. Выскочила из маленькой комнаты. Оттуда же, сначала выглянув и убедившись, что чужих нет, выбежала в одном нижнем белье моя Галинка. Они там вдвоем новые наряды примеряли. Не стесняясь новых родственников, обнял и крепко поцеловал жену. Потом повернул и ласковым хлопком по попке отправил обратно в ту комнату одеваться. Отдал теще сумку с продуктами, которую всучил мне перед выездом из Кремля Поскребышев. На малюсенькой кухоньке еле разместились впятером. В комнате, которая считалась большой, сесть было всем вместе негде. Выпили коньяку, бутылки с которым положил в сумку мой предусмотрительный руководитель секретариата. Девчонкам наливать больше не разрешил и отправил их собираться. Теща всплакнула, пришлось успокаивать. Не за тридевять земель дочка уезжает. Телефон есть. Когда в городе будет, всегда к родителям заскочит. А захотят, пусть к нам в гости приезжают. Только надо заранее позвонить, и я машину пришлю. Сам Виктор Иванович чего-то явно побаивался. Чего? Наверняка что-то уровня тридцать седьмого года, когда сволочь Ежов свирепствовал. Надо будет у Егора спросить. Не мог он всю семью не проверить. До седьмого колена. У него целых двое суток с момента нашего с Галинкой знакомства до регистрации брака было. А Синельников — профессионал до мозга костей. Для него мелочей не бывает. Так что если и есть что-то за моим тестем, то явная ерунда. Выясню и сам успокою. А сейчас... Выпил еще раз с новыми родственниками и попросил называть меня на «ты». Тесть сначала не понял: «Как же это, Василий Иосифович? Вы вождь, а мы...» Ага! Я уже вождь, значит. Нет, с пропагандой надо срочно разбираться. Совсем запиарили. Относительно близкий родственник за человека не считает.

— Значит, так, Виктор Иванович. Два варианта. Или вы теперь тесть вождя, или я ваш зять. На выбор, хотя суть одна. Но в обоих случаях меня надо называть на «ты». Так понятно?

Или я его все-таки убедил, или споил. Третьего не дано. В наши с ним стаканы я наливал по полной.

— Мам, — появилась моя жена, — я ничего не брала. Одежда у меня новая, а учебники и книжки я на днях заберу.

У тещи опять, похоже, сейчас глаза на мокром месте будут. Как будто дочь на Луну улетает. Надо срочно делать ноги!

* * *

Н-да. Вечером, значит? Нина Теймуразовна Берия командовала на моей Ближней даче, как у себя дома. Понавезла каких-то людей, забрала моих девчонок, а меня выгнала в парк. Очень гордая и властная женщина. Я-Васька, знал ее очень давно и всегда называл по имени-отчеству. А пару недель назад, видимо, почувствовав отношение своего мужа ко мне, она встала подбоченясь передо мной и заявила:

— Вася, ты меня оскорбляешь, называя так! Заставляешь чувствовать себя старухой. Я что, по-твоему, это заслужила?

Я тогда внимательно посмотрел на нее, на эту стройную южную, в общем-то, молодую, всего тридцать пять лет, красавицу, и в шутливом жесте сдачи поднял руки вверх. Теперь зову ее по имени, но на «вы». Слишком уважаю.

Интересно, что они там задумали? Венчание в церкви коммунисты отменили сразу после революции и провозгласили свободную любовь. Не клеилась семья к военному

коммунизму по Троцкому. В деревнях на это не обращали внимания и по-прежнему играли свадьбы. Потом все-таки появились ЗАГСы и стали регистрировать. Причем в первую очередь смерти и разводы. И только потом браки. Даже свидетелей тогда не требовалось. Только относительно недавно опомнились, что семья — это ячейка общества. Но вот свадьбы в городах еще были не приняты. Так как считались буржуазным предрассудком.

Я устроился в беседке, прихватив несколько папок с документами. Уже начало смеркаться, когда уехал автобус со всеми, кого привезла на Ближнюю дачу днем Нино. Тут приехали Егор с Берией. Мы только успели перекинуться несколькими словами, как появилась Светлана в своем знаменитом на всю страну вечернем платье и позвала нас в дом.

А свадьба у нас все-таки была. Совсем маленькая, без большого количества гостей. Только самые близкие, но — настоящая свадьба. Даже как минимум с двумя генералами. Один из которых был целым генерал-полковником, а другой — вообще маршалом. Ну а как это еще назвать, если невеста была в...? У меня самого челюсть отвисла, когда Нино со Светкой ввели в столовую мою благоверную. Длинное белое с еле заметным розовым оттенком полупрозрачное платье, совершенно не скрывающее великолепную фигуру моей любимой. Плечи, самый верх полной груди и руки обнаженные, но прикрыты белой же и тоже полупрозрачной шалью. И длинная спадающая на спину фата на высокой сложной, крупными локонами, прическе. И эти огромные пронзительно-синие глаза на ее прекрасном лице. Я стоял, смотрел на свою любимую и балдел, а в голове крутилась только одна старая поговорка: «Дуракам — счастье!»...

* * *

Говорят, беда не приходит одна. Но и хорошие события в одиночку не ходят. Ну, во всяком случае, для моей страны и для меня. А тут еще Егор на следующий день после нашей с Галинкой свадьбы удивил.

Синельников был какой-то не такой. Чем-то напоминал кота, объевшегося сметаной. Немного больше улыбался, чем обычно. Чуть медленней реагировал на слова. Нет, это запаздывание реакции мог заметить только я, со своими более тонкими, чем у обычного человека, чувствами. Было такое ощущение, что Егор постоянно неосознанно что-то вспоминает. Причем это совершенно не доставляет ему отрицательных эмоций. И в то же время у него явно был какой-то комплекс. Вины? В конце концов, я не выдержал и спросил:

— Слушай, генерал-полковник, давай колись. У тебя явно что-то произошло. Вот только что? Хорошее или плохое? Никак понять не могу.

Синельников задумчиво посмотрел на меня, огляделся вокруг, проверяя отсутствие рядом кого-либо, кто мог нас услышать и выдал загадочно:

— Плотное общение с твоей женой до добра не доводит!

— Чего? — совершенно не понял я Егора. Что он хочет этим сказать?

— А то! — неожиданно расхохотался он. — Меня сегодня ночью Светка изнасиловала. Наслушалась от твоей благоверной, как это здорово, как прекрасно, как восхитительно, и пристала как с ножом к горлу — хочу, и все!

Н-да! Я практически пополам сложился от хохота, попробовав представить, как моя маленькая сестренка насилует этого громилу. Звукоизоляция кабинета была нормальная, но Поскребышев, видимо, что-то все-таки расслышал и обеспокоенно заглянул в дверь. Посмотрев на двух ржущих и показывающих друг на друга руководителей страны, он успокоился, довольно улыбнулся и ушел, предварительно покрутив пальцем у виска и сверкнув своей бритой головой. Реакция начальника моего секретариата только добавила нам веселья. Я только начал утихать, как сообразил, что моя Галинка собиралась сегодня встретиться со Светкой. Были у них какие-то общие планы на этот день. Сложившись опять, я кое-как передал эту информацию Егору. Он оторопело посмотрел на меня и снова расхохотался, представив, как наши жены делятся впечатлениями.

— Мы уже победили. Разве вам это еще не ясно? Сейчас надо думать уже не о войне, а о мире. О будущем. Каким оно будет? Какое вообще будет послевоенное устройство мира? Место нашей страны в этом новом мире? Наши действия, как руководителей державы?

Я говорил с небольшими паузами между предложениями, стараясь подражать речам отца. Он был отличным оратором. Хорошо, что осталось много записей выступлений. Была возможность поучиться. После моих слов в кабинете наступила тишина.

— О том, что мы имеем очень большое техническое, технологическое и научное превосходство, наверняка всем присутствующим известно. Основная наша задача — сделать так, чтобы это превосходство оставалось не на год-два или несколько десятков лет, а навсегда. Вот и давайте думать, как это обеспечить. И... У нас сейчас просто громадные успехи, как на фронте, так и внутри страны. Вот только, товарищи, очень вас прошу, не надо останавливаться на достигнутом, чтобы не произошло, как говорил отец «головокружение от успехов».

Н-да. Непонятно, о чем они размышляют, но никаких предложений почему-то не поступает.

— Товарищ Сталин, — начал первым Маленков, — а может, все-таки рано заниматься такими вопросами? У нас вполне хватает текущих задач, не решив которые, нам рано, по моему, задумываться о будущем.

— Потом может оказаться поздно, Георгий Максимилианович, — немедленно парировал я, — когда мы вплотную столкнемся с серьезной проблемой не подготовленные к ней, не имея нескольких вариантов ее преодоления, может оказаться поздно.

— Я полностью поддерживаю Василия Иосифовича, — маршал Берия встал, говоря эти слова. Оглядел всех через круглые стекла своего пенсне и продолжил: — Неужели вы все еще не осознали, почему товарищ Сталин так быстро стал нашим лидером и вождем страны?

Н-да. Вот только восхвалений от Лаврентий Палыча мне сейчас и не хватает. Хотя, с другой стороны, его речь отсюда, из моего кабинета, на передовицы газет не попадет. Пиар среди народа мне не требуется. За глаза и за уши уже. А вот среди высшего руководства, возможно, не помешает. Опыт аппаратных игр у маршала на порядок больше моего. Вот здесь я просто обязан полностью положиться на него. На одних силе и страхе долго не продержишься. Уважение зарабатывается, увы, не только делами, но и мнением авторитетов.

— Василий Иосифович дальше всех нас видит, находит наилучшие варианты решений. Кому это здесь еще непонятно? — ого! Тяжелая артиллерия с тонкими намеками на толстые обстоятельства. Открытым текстом сказано: «кто не с нами, тот против нас». А может, здесь и сейчас так и надо?

— У меня вопрос. Только прошу понять меня правильно, — Каганович тоже встал и посмотрел мне прямо в глаза, — я полностью согласен с линией товарища Сталина и буду поддерживать вас во всем. Причем, — он повернулся к Берии, — вопрос касается в первую очередь не Василия Иосифовича. Генерал-полковник Синельников буквально недавно генерировал очень много здравых идей. А сейчас почему-то молчит. Егор Иванович, ну что же вы?

Вот это выдал! Не в бровь, а в глаз! Смел и умен у нас товарищ Каганович. Что самое интересное, я с ним уже великолепно сработался. Но почему он не задал этот вопрос один на один? Я поочередно посмотрел на Егора и вопрошающего министра. Краем глаза заметил очень слабую поощряющую улыбку сажающегося Берии. Ах вот оно что! Он несколько не сомневается, что Егор выкрутится, а Каганович явно на моей стороне и задал этот вопрос специально, чтобы укрепить мое положение.

Синельников попытался встать, но я его удержал. Не в школе урок учителю отвечает.

— Лазарь Моисеевич, я даже благодарен вам за этот вопрос. Да вы садитесь, — Егор поднял руку, повернул ее ладонью вниз и вертикально опустил. Интересно, кто из присутствующих знает, что так отдают команду «сидеть» служебным собакам? И даже если

знает, смог ли понять? Скорее всего — никто. Все-таки сопоставить ситуацию сложно.

— Понимаете, товарищи, совсем недавно у нас был лидер и учитель — Иосиф Виссарионович. Мы его, увы, потеряли, — лица многих стали хмурыми, — сейчас у нас новый вождь. Я не буду сравнивать отца и сына. Это бессмысленно и глупо. Раньше, как вы, Лазарь Моисеевич, очень метко заметили, я кое-что предлагал. Но вот рождалось все это после разговоров с учителем. Сейчас же... Да что я буду перед вами, товарищи, ваньку валять? Здесь же все свои и все понимают. Мы с Василием очень близкие друзья да к тому же родственники. И мы теперь достаточно часто видимся. Все, что мне кажется правильным, я теперь говорю прямо нашему лидеру. У тебя, Вася, надо признать, хороших идей почему-то больше. А мои, после твоей обработки, становятся еще лучше, — мы с Егором улыбнулись друг другу. Молоток! Как здорово все повернул.

— Я достаточно ясно ответил наш вопрос, Лазарь Моисеевич?

— Вполне.

— Нет, если кому что-то непонятно, то добро пожаловать ко мне в управление на площадь Дзержинского. Попробую еще какие-нибудь доводы поискать.

Грохнули все! Ну и шуточки у Синельникова! Многие ли догадались, что это не совсем шутка? В подвалах Лубянки очень хорошо умеют убеждать.

Отсмеявшись, Лаврентий Павлович снял пенсне, протер и надел обратно.

— Умеешь ты, генерал-полковник повеселить. Чувствуется моя школа. Ладно, товарищи. Повеселились — и хватит. Очень рекомендую всем подумать над словами Василия Иосифовича.

* * *

Восстание против английских колонизаторов в Палестине было очень тщательно подготовлено. Причем арабы восстали вместе с палестинцами. Так здесь и сейчас называли местных евреев. Скоординированное буквально по минутам, оно прокатилось по маленькой стране как цунами. Не ожидавшие такого британцы попытались подавить восстание, но тут на рейде Хайфы появились два линкора с тремя эсминцами и большим количеством ракетных и торпедных катеров. Попробовавшую открыть огонь береговую батарею накрыли пикирующие бомбардировщики. Дальности полета Ту-2 легко хватало, ведь они действовали со срочно оборудованного аэродрома под Анталией. Следом за боевыми кораблями и под их прикрытием в порт вошли суда с войсками и техникой Армии Оборона Израиля.

Уже на следующий день танки советского производства, но с голубой звездой Давида на броне вошли в Иерусалим. Противопоставить современной военной технике и, что важнее, очень хорошо подготовленным и вооруженным бойцам АОИ англичане ничего не смогли. На раскаленных жарким солнцем плитах древнего города, которые помнили очень многое, вплоть до последних шагов самого Христа на Голгофу, обнимались евреи и арабы, иудеи и мусульмане, христиане и неверующие. Их страна теперь была свободна от ига коварного Туманного Альбиона. Здесь же, на этих древних плитах, между которыми скопилась пыль веков, два лидера провозгласили независимый Израиль. Давид Бен-Гурион, с тридцать пятого года возглавлявший Еврейское агентство²⁸, а недавно ставший еще и лидером МАПАЙ²⁹. Молодой, но уже имеющий огромный авторитет Менахем Бегин, сумевший возглавить всю вооруженную борьбу против захватчиков. После скончавшегося от тяжелой болезни в Нью-Йорке Зеэва Жаботинского Бегин стал руководителем объединенных «Эцеля» и «Бейтара». И теперь два лидера только что провозглашенного государства стояли на наспех сколоченной трибуне и... плакали. У них, у их народа была теперь своя страна.

²⁸ «Сохнут»

²⁹ рабочая партия Израиля

Десятки лет борьбы. Но сколько труда и боев было еще впереди! Ведь надо было помочь освободить от англичан окружающие их Израиль страны.

* * *

Я когда-нибудь сойду с ума! Этот ее взгляд пронзительно-синих глаз... Искушающая улыбка... Вся ее манящая гибкая фигура на мокрых измятых простынях...

Я сам не понял, как стал успевать делать все. Любые вопросы решались теперь очень быстро. Сложные проблемы неожиданно оказывались простыми. Всего-то и надо было на них посмотреть с нужной стороны. А как стала подчиняться мне машина! Нет, не подчиняться. Я сливаюсь со своим «Яком» в одно целое и очень точно чувствую, что нам можно, а что не очень. Легко попадаю в конус чуть ли не с километра. Я спокоен и холоден в воздухе. Прицеливаюсь и заранее знаю, что попаду в мишень. Я просто чувствую, где она будет через те секунды, которые потребуются снарядам моей тридцатимиллиметровой пушки, чтобы достичь ее. Горячим и очень возбужденным я буду значительно позже. Увы, но я несколько загонял Сашу Покрышкина и присоединившегося к нам Павла Рычагова. А групповые бои — это вообще что-то. Они вдвоем мочат условного противника, а я как-то успеваю крутиться и прикрывать их обоих. Впрочем, нас теперь две пары. Вызвал с фронта своего привычного ведомого Николая Зарубина. Он уже капитан. Колину грамоту Героя Советского Союза я сам подписывал. Заслужил парень. Все равно на фронте сейчас работы почти нет. Очередная оперативная пауза после взятия Ирана. Немцы нападать на нас не могут, им просто нечем еще. Не успели подготовить новую армию. А мы не хотим, пока полностью не будем готовы к сокрушительному удару. В общем, работаем пока над совершенствованием. Летаю теперь минимум каждый второй день. И что я буду делать, когда на пятидневную рабочую неделю перейдем?

Но как же хорошо теперь дома! Еду на Ближнюю дачу и знаю — Галина меня ждет. Во сколько бы я ни приехал, всегда увижу ее радостный взгляд, почувствую мягкие сладкие губы на своих. Как смотрю на свою любимую, так у меня сразу что-то твердеет. И как с этим бороться? И надо ли?

— Васенька, пойдем спать, — скажет она, облизнув губы, и так озорно и ласково улыбнется...

Эта ее лукавая искушающая улыбка, которая так много обещает... Нет, я точно сойду с ума! Как минимум на эту ночь...

Глава 6

— Нет, Лаврентий Павлович, это было решение отца, и отменять его я не собираюсь.

— Вася, но оно же противоречит Конституции Советского Союза, — продолжал убеждать меня Берия.

Я посмотрел прямо в глаза этого очень уважаемого мною человека через увеличивающие круглые линзы пенсне на его переносице.

— Папу вы так же бы убеждали?

Маршал ухмыльнулся:

— Умеешь ты, Василий, задавать вопросы. Уговорил. Но что будем делать сейчас?

— Как что? Менять конституцию. Выкинем несколько статей и добавим новые.

— Это тебе что, инструкция к посудомоечной машине, чтобы вот так по твоему желанию пункты менять? — спросил Берия и задумался.

Я закурил сигарету и стал ждать, что он скажет. Да, с основным законом государства у нас здесь довольно весело. Если Конституции двадцать четвертого и тридцать шестого годов были тождественны тому миру, то вот Конституция тридцать восьмого года, названная здесь Второй Сталинской, была по-своему контрреволюционна, так как разрешала в достаточно широких пределах частную собственность на средства производства. Как назовут Основной

закон Союза сорок первого года? Конституция Сталина-младшего? Но вот сто двадцать шестую статью я непременно поправлю. Не должно быть одной партии. Или, в моем Союзе, не должно быть их вообще! Но это уже следующий этап.

— Василий, а ты уверен, что Иосиф Виссарионович собирался вводить такие изменения?

Опять двадцать пять! Да, Синельников тогда здорово придумал, как дешево и сердито захватить Канаду. Но вот возложить весь труд по почти добровольному вхождению новой республики в Советский Союз на Североамериканские Соединенные Штаты — это моя идея, когда я был еще полковником ФСБ в том мире. Хорошо мы тогда с отцом поспорили! И о многопартийности в том числе. Черт! Уже столько времени прошло, а все продолжаю спорить с ним в своих мыслях. Но уже не со сторонних позиций человека не отсюда, а как сын, продолжающий его дело.

— Не просто уверен, Лаврентий Павлович, — знаю.

— Но зачем нам столько партий?

Ну что, пора? Намеков я давал уже достаточно.

— Нам вообще не нужны партии. Но вот чтобы убрать их все, сначала их должно быть как минимум несколько.

Все, Рубикон перейден! Сказано вслух и громко.

— Ты хочешь убрать Коммунистическую партию Советского Союза?

Ух, как он на меня смотрит! Кажется, сейчас насквозь прожжет.

— Вы правильно меня поняли, — я не отвожу взгляда.

Это не детская игра в гляделки, кто кого пересмотрит. Здесь достаточно всего одной-двух секунд. Он примет к сведению информацию, не соглашаясь с ней. Примет, но обдумывать сразу не будет. Не может, потому что все его естество просто восстает против этого. Убеждения всей жизни не позволяют. Но вот еще чуть-чуть, и он будет готов выслушивать доводы. Но только выслушивать, не соглашаясь. А уж только потом Берия начнет их осмысливать.

— Лаврентий Павлович, а вы присмотритесь повнимательней к нашей партии. В ней уже сейчас можно заметить отдельные признаки кастовости. Карьеристы идут в партию, потому что без нее им наверх не подняться. В результате когда-нибудь ситуация дойдет до того, что на вершину власти смогут попасть не лучшие, а хитрозадые, извините за грубость. Которым власть нужна ради самой власти, — начал я даже не с самого важного.

Он молчит, но слушает внимательно.

Ну, ведь как там основоположники Маркс с Энгельсом писали? Построение бесклассового общества возможно только в мировом масштабе. Голая теория. И подтвердить ее фактами нельзя. В то же время общество само не стоит на месте. Сегодня уже полностью понятно, что на данном этапе развития цивилизации объединить человечество в масштабах планеты невозможно. Как следствие — невозможно построить коммунизм. Зачем нам тогда партия, основная цель которой невероятна в принципе?

— А каким ты вообще видишь общественное построение нашей страны? — неожиданно спросил маршал.

О! Значит, он уже сейчас частично согласен на запрет компартии?

— Сложно это все, Лаврентий Павлович. Очень сложно. Рассматривать государство без учета структуры его управления невозможно. Надо как-то ранжировать общество. Я вижу три основных уровня. Подданные нашей державы, граждане и элита.

— Элита наследственная? — почти перебил меня Берия.

Вот умеет он смотреть в корень.

— Ни в коем случае. Иногда природа отдыхает на детях даже великих людей, — усмехнулся я, — Возврат к монархии никому не нужен. Да нас просто народ не поймет. Возврат сегодня в Советском Союзе к царизму даже теоретически невозможен. Мне дико хочется создать такое общество, чтобы наверх пробивались самые умные, трудолюбивые, талантливые и честные. При этом они отчетливо должны сознавать, что чем выше они будут

стоять на ступеньке общественной лестницы, тем большая ответственность будет ложиться на их плечи. Более того, мы здесь и сейчас уже достаточно близко подошли к построению такого общества.

Он помолчал, а потом неожиданно усмехнулся:

— Да, Василий, чем дальше, тем все больше ты меня удивляешь. Тебе задаешь один вопрос. Ты отвечаешь. В результате вопросов появляется еще больше. Ладно, я подумаю над твоими словами.

* * *

Когда я вечером пересказал нашу с Берией беседу Синельникову, тот удивленно посмотрел на меня:

— А как же тогда те разговоры?

Действительно, около года назад по внутренним часам... Всего-то год? А кажется — сто лет назад! Еще на старой базе проекта «Зверь», во время одной из вечерних «посиделок» руководства я выдал схему превращения Советского Союза именно в монархию. Правда, тогда я в самых дурных снах не мог предположить, что сам окажусь в центре той схемы. То, что я сегодня сказал Лаврентию Павловичу, что народ не поймет... А кто его спрашивать будет в такой ситуации? Качественная пропаганда на фоне роста уровня жизни, и проглотят все что угодно. Ну, интеллигенция немного потрепыхается... (я вытащил сигареты, закурил и глубоко затянулся), только вот оно мне на хрен не надо. Хочу ли я, чтобы наши с Галиной дети находились с самого рождения под жутким прессом такой ответственности? Да никогда в жизни! О! До меня только сейчас дошло, что у меня здесь наверняка когда-нибудь будет ребенок. За пару последних десятков лет в том мире я уже как-то на эту тему задумываться совершенно перестал. А ведь, действительно, мало того что у меня сейчас в личной жизни не просто хорошо, а великолепно, так ведь вполне радужные перспективы открываются!

Я посмотрел на ожидающего моего ответа Егора и улыбнулся:

— А вот не хочу! — и, глянув на его недоумевающую рожу, выложил свои мысли.

Синельников задумался, и помаленьку его губы тоже растянулись в улыбке. Правильно Лаврентий Павлович тогда сказал, что на его лице все написано. Пришлось сунуть ему кулак под нос:

— Рано еще Светке иметь детей!

Этот хмырь расцвел еще больше:

— А мы куда и не торопимся.

Спорное утверждение! Не знаю, как мой друг, а вот я домой тороплюсь! И дело совершенно не в детях. А в моей жене. Почему-то мне сегодня хочется пораньше ее увидеть. Впрочем, как и всегда...

* * *

Деревня. А вот не был я никогда в деревне по-настоящему. Даже в том мире. Так, проезжал мимо. Ну, ночевал несколько раз, когда к знакомым на рыбалку заглядывал. Городской я житель. А тут Галинка захотела меня познакомить со своей бабушкой. Ну какое к черту знакомство, если я прикачу под охраной батальона спецназа? Егор выручил. Перенес плановые учения бригады ВДВ в тот район. Десантники грамотно прочесали все вокруг и полностью контролируют местность. Здешнее население вроде бы не против. Основные уборочные работы проведены, а солдаты с народом вежливы. А уж как деревенские у нас падки на такое отношение...

Бабка у моей жены оказалась очень интересная. Политика и государственный строй ей до лампочки. «Лишь бы жить не мешали», как она выразилась. Неграмотная, но бойкая. Говорит все в глаза. Авторитетов для нее не существует. Высокая, на голову выше меня, костлявая, подслеповатая — вечно забывает свои очки на собственных волосах, а потом

ищет их — и очень работающая. Ни минутки не может посидеть без дела. Родила восьмерых детей, но выжили пятеро. Не знаю, сколько у нее всего внуков, но то, что очень любит единственного ребенка своего младшего сына, весьма заметно. Обрадовалась внучке довольно прилично. Посмотрела на меня, буркнула «ноги вытирай», указав на половичок, и тут же усадила за стол. Как кормят в деревне? Не скажу, что вкусно, потому что это будет очень большим преуменьшением! Наваристый борщ со сметаной и свежим ржаным хлебом («Как знала! Сегодняшний», — сообщила бабка) — корочка которого натерта чесноком и... самогон. Прозрачный как слеза и мягонький. Градусов под шестьдесят, наверное. На мой вопрос: «Участковый куда смотрит?» — ответила: «Что ж он, дурной? Не на продажу же, а самой разговеться и хороших людей угостить». Налила мне и себе по полстакана и Галинке накапала на самое доньшко.

А баня вечером... Мало того что пар до костей пробирает, а березовый веничек... Ну, если еще учесть, что я, как свою благоверную вижу в чем мать родила, сам не свой становлюсь... Н-да. В общем, хорошо мы с женой попарились... До последних сил. Еле потом постелили себе на сеновале. Под самым распахнутым окном положили на свежее душистое сено толстое одеяло шинельного сукна, чтобы не кололось, и только потом простыни, подушки и пуховое одеяло. Яркие колючие звезды смотрели прямо на нас. А мы, уставшие, но счастливые, на них.

— Васенька, а там, правда, тоже живут люди?

— Не знаю, родная. И никто пока не знает.

— А когда узнают?

— Ну, наверное, когда полетят туда.

— На Луне точно никого нет, там воздух отсутствует. Но на Марсе и на Венере должны же быть?

— И там нет никого. На Марсе ночью жуткая холодрыга за сотню градусов, а на Венере наоборот — круглые сутки жара под полтысячи и давление, как на пятикилометровой глубине у нас в океане.

— А есть у нас такие глубины?

Галинкина головка лежала у меня на груди, но сейчас она подняла ее, повернула и смотрела на меня широко открытыми глазами. Ничего увидеть в темноте она, конечно, не могла, но смотрела. Я погладил милую по шелковистым волосам и уложил обратно.

— Есть. И даже глубже.

Я гладил жену по голове и думал о том, что совершенно не хочу контролировать себя в разговорах с ней.

— А все-таки ты у меня, Васенька, странный. Иногда мне кажется, что ты пришелец с одной из этих далеких звезд. Все на свете знаешь.

— Не со звезд, родная моя, — решился я неожиданно для самого себя, — из будущего. Причем — из будущего другого мира.

— Как это? — она опять подняла головку и опять смотрела на меня широко раскрытыми глазами, доверчиво прижимаясь ко мне своей голой грудью.

И тогда я начал рассказывать ей все. И про параллельный мир, и про проект «Зверь», и про то, что было мне в том мире под семьдесят. Про свои беседы оттуда с отцом здесь и про Женю-Егора. Про то, что тот мир катится неизвестно куда, и про мое нежелание получить такое же здесь. Про то, что я считаю, что человеческая цивилизация не должна развиваться только вглубь, как там, нарываясь на все большие свои внутренние проблемы, а должна двигаться вширь и вдаль, к этим колючим огонькам звезд, которые смотрят на нас сейчас. Даже про свою случайную любовь той юности рассказал и про то, что у меня там остались дочь и внуки, которых я люблю. И страна осталась, которой я очень много должен. Не знаю сейчас, как ей помочь, но постараюсь сделать все возможное, чтобы святой долг отдать. Конечно, я не мог за одну ночь рассказать Галинке все. Это было просто невозможно. Но вот то, что во мне странным образом переплелись та жизнь и эта, что Светка здесь мне родная сестра, хотя там у меня вообще не было братьев и сестер, я все-таки успел рассказать.

— Бедненький, мой, — ее ладошка ласково гладила мою щеку, а слезы капали мне на грудь.

— Глупенькая, — я усмехнулся, — здесь у меня есть ты и моя держава. Я самый богатый человек в мире! Богаче просто быть не может!

Проснулся я, когда уже давно рассвело и под окном раскудахтались куры. Укутал поплотнее забавно сопящую носиком Галинку — утром в начале сентября уже довольно прохладно — натянул бриджи, мягкие кавказские сапоги, несколько пар которых мне надарили, сунул в карман вытащенную из кобуры привычную «Гюрзу» и по скрипучей лестнице спустился вниз. Во дворе на вытертом от утренней росы столе меня ждали заботливо укрытые вышитым полотенцем большой глиняный кувшин парного молока и половина каравай свежего белого хлеба — бабуся давно встала и, позаботившись о моем завтраке, куда-то умотала. Я с удовольствием потянулся. Эх. Хорошо-то как здесь! Но надо возвращаться в Москву: работы — выше крыши...

* * *

Все приемные аппараты УСИ работали без перерыва. Офицеры только успевали менять бобины и нажимать клавиши готовности, как тут же происходила синхронизация, и электромоторы начинали протягивать киноплёнку. Информация шла потоком. Мы с Егором не успевали просматривать списки приходящих файлов. На девяносто девять процентов была только техническая и научная информация. Совсем немного из искусства того мира. И ничего о том, что происходит там вообще. Связь была односторонняя. Сработана закладка Викентьева — файл-сервер на восемьсот терабайт с подключенной автоматикой аппаратурой пробоя. Но у него самого, получается, по-прежнему доступа к аппаратам нет? Что же у них там произошло? Как нам с ними связаться? Нет, конечно, я, со своей ныне идеальной памятью, знал полностью теоретическую и техническую стороны аппаратуры пробоя в параллельный мир. Но, во-первых, без цифровых технологий заниматься здесь этим было пока бессмысленно. Значит, вынь да положь несколько лет для создания достаточно совершенных компьютеров. Без них необходимую точность настройки аппаратов не получить никаким способом. А во-вторых... численные значения параметров пробоя именно в наш мир и, соответственно, обратно, отсюда туда. Я их действительно никогда не знал. Вначале очень не хотелось напрягать Викентьева и наших молодых гениев, довольно ревностно относившихся к секретности проекта и своей значимости в нем. А потом... Потом мне этого просто не требовалось, так как все необходимое было забито в тех программах, которые предоставили мне ребята вместе с портативным аппаратом пробоя. Даже когда у нас здесь будет все необходимое, пробовать связаться отсюда с моим прошлым миром бессмысленно. Я достаточно хорошо разбираюсь в математике, чтобы понимать, что десять в минус четырнадцатой, чтобы найти хоть какой-нибудь параллельный мир вообще, и тем более десять в минус шестнадцатой, чтобы связаться с моей первой Родиной — это не просто низкая вероятность, а абсолютный ноль. Что нам остается? Ждать и надеяться, что Викентьев там разберется со всеми своими заморочками и все-таки выйдет на связь. А также дожидаться появления у нас здесь необходимого уровня технологий и после этого напрягать наших ученых, передав им всю информацию по теории пробоя. Может, что и придумают?

* * *

Н-да. Этого не мог ожидать даже я. Американцы бегут в Канадскую ССР! Бегут поодиночке и семьями. Граница с нашей стороны практически прозрачная. Невозможно нормально построить ее за без малого три месяца. Да особой спешки вроде и не было. Ведь граница не с потенциальным противником, а, строго наоборот, с военным союзником. Нет, конечно, не все подряд, а только некоторые, но бегут. На несколько сотен тысяч за эти месяцы нас уже прибыло.

— Что делать будем? Мои контрразведчики зашиваются. Мы же обязаны проверить всех, — генерал-полковник Синельников недовольно пробарабанил пальцами по столу.

— Не бурчи, — одернул я друга, — все равно эту работу делать надо. Американские власти молчат?

— А куда им деваться? Общественное мнение Штатов на нашей стороне. Да и репортеры их постарались. Расписали, как героические американские солдаты с большим трудом и достаточно тяжелыми боями уже третью неделю Южно-Африканский Союз освобождают от британских оккупантов, а тут очередной полнометражный фильм голливудского сериала «Великая Освободительная Война» вышел, который они из роликов нашего «Совинформбюро» монтируют. Там очень красочно показано, как мы в Сирию и в Ирак входим практически без сопротивления, а израильтяне с боями, но с приличным темпом, освобождают Иорданию и Ливан. Египет у них на очереди.

— Да я в курсе. Но все-таки нашей со Штатами границей надо заняться серьезно. Зверев жалуется, что почти десять процентов ввозимых из основной части Советского Союза в нашу Канаду товаров уходит в САСШ контрабандно. Цены-то по всей державе у нас фиксированные. Наценка только за полярным кругом идет. Но там и зарплаты выше. Нам же сверхприбыли не требуются. В результате приличная часть нашей продукции утекает за кордон по нашим внутренним ценам.

— Знаю я, Вася, все. Выше головы не прыгнешь. Кстати, это еще одна причина, по которой американское правительство молчит в тряпочку и не пытается придушить эмиграцию к нам. В Штатах цены на наши товары чуть ли не на порядок выше. Дай мне еще пару месяцев и гарантирую, что все будет тип-топ.

Взгляд у Егора был такой уморительный просительно-извиняющийся, что я расхохотался. Этот громила — а как его еще можно назвать с его ростом и силой? — сидел передо мной и оправдывался, как нашкодивший школьник за разбитое футбольным мячом окно. А ведь работает не щадя сил ни своих собственных, ни своих подчиненных. Сформировал и открыл четыре новых пограничных училища СГБ. Развернул пропаганду в действующей армии и тащит оттуда молодых офицеров. Переучивает их на специальных курсах и направляет на новые погранзаставы. Отлично наладил взаимодействие с внутренними войсками и активно привлекает их для войсковых операций по защите наших внешних рубежей. А людей все равно не хватает. Мы поставили под ружье уже четыре с половиной миллиона человек. Причем практически не увеличивая Советскую Армию. Резкий рост войск СГБ, так как пограничники входят в их состав. И просто громадное увеличение внутренних войск и милиции. Хотя в новых республиках, как и в Канаде, мы оставляем старое название — полиция. Как Лаврентий Павлович там справляется, я просто не представляю.

Я опять посмотрел на Егора. Он все так же сидел и ждал моего решения.

— Вот что, товарищ генерал-полковник, время я тебе дам. Ну куда же я денусь? И еще. Готовься. К седьмому ноября генерала армии получишь. Не дело, что при таком объеме и уровне работы ты всего с тремя звездами на погонах ходишь. Сразу маршала, извини, дать не могу. Скажут — семейственность в ГКО развожу.

Мы оба теперь посмеялись. Тут ведь и ко мне Паша Рычагов как с ножом к горлу пристал, чтобы я прошел плановую переаттестацию. Меня ведь из ВВС никто не увольнял. На него самого министр Госконтроля Мехлис насел: опять в военной авиации у нас порядка нет. Впрочем, по мнению Льва Захаровича, у нас везде порядок отсутствует. Очень въедливый товарищ.

* * *

— Вася, — моя Галка явно не знала, как начать очень важный для нее разговор, — а можно маме и папе квартиру побольше дать?

Н-да. Ну и как ей объяснить?

— Увы, родная моя, но нельзя. Даже поселить их здесь, хотя у нас полно пустующих комнат, невозможно. Все это, — я обвел рукой вокруг (спальня была площадью метров двадцать, но Галинка прекрасно поняла, что я имею в виду всю Ближнюю дачу), — принадлежит не мне, а государству. И живем мы здесь именно как государственные люди. А родители... Понимаешь, нельзя дать даже малейшего повода людям подумать, что кто-то может быть для меня важнее, чем весь народ. Ведь сразу же разговоры пойдут: «Кузнецовым теперь можно все. У них дочка замужем за самим Василием Сталиным». А все обстоит строго наоборот. На них, как на моих родственниках, только больше ответственности стало. Ничего, они у тебя люди умные. Все понимают.

Я обнял свою милую, ласково погладил по щеке.

— А вот совет дать могу, — я прекрасно помню, какое впечатление на меня произвела малюсенькая квартирка во время того единственного посещения. Она вся была завалена великолепными плюшевыми игрушками, сделанными Софьей Моисеевной. У тещи явно был художественный талант.

— Отец ведь у тебя хороший инженер-технолог по пластмассовым изделиям? — не дожидаясь ответного Галинкиного кивка, я продолжил: — Вот пусть родители увольняются, берут производственный кредит в Сбербанке на общих основаниях и открывают фабрику игрушек. У них все получится. Я уверен. И пользу стране принесут, и сами денег заработают. На кооперативную квартиру с лихвой хватит.

Я и представить себе не мог, что всего через какой-то год куклы Маша и Ваня, которых можно было раздевать и одевать, а девочки сразу стали шить на них свои варианты одежды, затмят славу Барби в том мире. Еще через несколько лет международная корпорация «Кузя» стала брендом номер один на всей планете по производству игрушек и оборудования для обучения детей. Ребенок, у которого не было плюшевого Чебурашки или радиоуправляемой модели гоночной машины «Формулы-один» команды «Зенит» — частого лидера мирового чемпионата — доводил родителей до белого каления, пока не получал желаемого. Вот что значит, люди занялись своим делом! Конечно, я иногда подкидывал им идейки игрушек, которые, как я знал из истории того мира, должны были пользоваться определенным спросом. Как, например, сборные модели самолетов и машин. Или та же детская железная дорога на столе. Хотя придумали ее в прошлом девятнадцатом веке, но настоящий ее расцвет наступил только с появлением корпорации «Кузя». Но все остальное, от разработки модели изделия и технологии изготовления в своем огромном конструкторском бюро до выбора одного из своих многочисленных производств, на котором именно сейчас надо запустить на конвейере эту игрушку, мои тесть и теща делали сами.

— Вась, а я разве государственный человек? — Галка смотрела мне в глаза, а я как всегда тонул в синеве ее зрачков.

— Конечно, родная. И поверь, что это очень важная работа — создавать хорошее настроение руководителю державы, — вот что-что, а с этой задачей моя жена отлично справляется! Чтобы подтвердить всю серьезность своего заявления, я повел руку по ее спине ниже, ниже и...

* * *

Довольный Синельников ворвался ко мне в кабинет уже перед самым окончанием рабочего дня.

— В Берлине переворот! Вся фашистская верхушка во главе с Гитлером расстреляна! Даже Бормана сумели убить. Высшие чины СС частично арестованы, частично уничтожены.

— Жаль. Многих не мешало бы сначала на скамью подсудимых посадить, — выразил сожаление я и спросил: — Кто? Кто возглавил переворот?

— Ялмар Шахт, адмирал Канарис и генерал-полковник Гудериан, — тут же перечислил Егор.

— Так, за Шахтом промышленники и финансисты, за Канарисом спецслужбы, за Гудерианом армия, — начал вслух рассуждать я, — вполне реально могут удержать власть. Они уже пробовали связаться с нами?

— Так точно. Очевидно, домашняя заготовка. Через французских дипломатов с нашим послом в Швейцарии. Предлагают немедленное перемирие и переговоры, — генерал-полковник докладывал и одновременно устраивался в кресле у низкого столика.

Тонкий намек, что не мешало бы выпить и чего-нибудь пожрать. Мой вечно голодный друг. Я как-то сумел немного прижать свои аппетиты. А вот ему, с его под сотню килограммов массой, состоявшей из одних каменных мышц без единой капли жира, это было довольно сложно.

— Отказать. Только безоговорочная капитуляция и немедленный ввод наших войск. Без этого нормально денацификацию не проведешь, — ответил я, нажимая кнопку вызова дежурного секретаря. Старший лейтенант ГБ появился немедленно, посмотрел сначала на меня, затем на Синельникова, понимающе кивнул и, дождавшись моего ответного кивка, исчез за дверью.

— Ну, подумай сам, куда они денутся? — я тоже сел в кресло. — Экономика и промышленность без импортного сырья находятся на грани коллапса. Запасов продовольствия на ближайшую зиму не хватит. Подумают несколько дней и капитулируют. На словах можешь передать через свои каналы, что массовой национализации промышленности не будет. Даже нынешних руководителей переворота на своих местах оставим. Вполне вменяемые люди.

— А репарации? — удивился Егор.

— И чего с них сейчас можно взять? — ответил я и прервался. Старший лейтенант с еще одним секретарем быстренько сервировали низенький столик.

К моим вкусам здесь привыкли достаточно быстро. Предпочитаю хорошую беленькую коньяку с его дубящими свойствами.

На глазах запотевающая литровая бутылка «Столичной», стапятидесятиграммовые хрустальные стаканчики, большое блюдо бутербродов с копченой колбасой, сыром и ветчиной, на которой перемежались ярко-розовые полоски мяса и белые прожилки сала. Большая салатница с маринованными грибами и не меньшая — с маленькими солеными огурчиками. Тарелка с горкой свежего черного хлеба и гвоздь программы — вытянутое блюдо с нежной жирной соленой селедкой, усыпанной белыми кружками лука. Мы одновременно посмотрели на нее, переглянулись и расхохотались. Обоим вспомнился тот вечер, когда Егор через день после нашего нового знакомства в этом мире опять прилетел в мой полк. Нам тогда о многом надо было поговорить. Прихватил, соответственно, коньяк. Ну не пить же командиру полка с генерал-полковником на глазах у подчиненных? Да и слушатели для нашего разговора нам совершенно не требовались. Я тогда, думая совершенно о другом, стащил с полковой кухни трехлитровую банку с селедкой. И мы укатили в ближайший лесок. Когда устроились под березкой, выяснилось, что о нормальной закуске и столовых приборах никто не позаботился. Не будем же мы возвращаться из-за такой мелочи? И вот сидим, общаемся, пьем коньяк из горлышка, руками достаем из банки жирную селедку и закусываем. Селедка к коньяку не подходит? Еще как подходит, если компания нормальная и разговор важный!

Ухайдакали тогда четыре бутылки и не заметили как. Хотя на нас алкоголь не особо действует, а все равно приятно. Сейчас же мы чинно-культурненько приняли отличной холодной беленькой и, совмещая приятное с полезным, продолжили разговор. Не знаю, как Синельников, но я в очередной раз сначала отметил для себя качество нашей водки. Никакой «Абсолют» того мира и близко не стоял. Это значит — нет никаких нарушений технологии и качественное сырье.

— Ну, заберем у них все золотовалютные запасы и лучшую станочную базу, которая еще окончательно не устарела морально, в качестве репараций, а дальше? — спросил я после того, как проглотил нежные, тающие во рту грибочки.

— Мммм? — Егор в два приема уложил в свою пасть большой бутерброд с ветчиной и теперь закидывал туда вилкой маленькие огурчики, придвинув к себе салатницу, чтобы не капать рассолом.

— Нам еще предстоит завязать всю их промышленность на себя, — я разлил еще по порции.

— А конкретнее? — тут же потребовал Егор.

Холодная водка упала куда-то внутрь и там стала разливаться приятным теплом. Селедочка с хрустящими кружочками лука и ароматный ржаной хлеб. Что может быть лучше? Никогда не понимал европейскую кухню. Как вообще можно есть без хлеба?

— За время нашей оккупации и последующего контроля мы обязаны очень жестко интегрировать германскую экономику с Советским Союзом. Причем сделать это так, чтобы такое положение вещей было взаимовыгодным.

— Мммм? — оторваться от бутербродов Синельников не мог. При этом одновременно его вилка мелькала с завидной скоростью от блюда с селедкой ко рту.

— Ну, пусть их промышленность производит что-то очень нам нужное, но без чего мы, в случае прекращения поставок, какое-то время переживем и сами, достаточно быстро сможем наладить производство. А вот для них, в случае разрыва связей, это оказалось бы экономической катастрофой.

— Например? — теперь уже Егор разлил очередную порцию.

— Ну, скажем, те же трубы для газопроводов. Нам пора уже начинать разработку газовых месторождений. Заодно посадим всю Европу на голубую иглу дешевого и удобного топлива. Дорожно-строительная техника. Такой огромный рынок для нее есть только у нас. Да позиций можно набрать вполне достаточно, чтобы загрузить германскую промышленность. В конце концов — комплектующие для нашей военной техники. В случае серьезной войны все равно будет не до наращивания производства. Отныне мы всегда должны быть готовы к боевым действиям заранее.

Еще стопочка холодненькой «Столичной». Хорошо пошла. Н-да. Сами не заметили, как опустошили бутылку. И ведь по большому счету — ни в одном глазу. Я закурил сигарету, а Егор, с некоторым сожалением оглядев пустую посуду на столике, констатировал:

— Ну вот, теперь можно спокойно дожить до ужина.

Вот ведь проглот так проглот! Сам же говорил, что нормальный мужчина должен всегда выходить из-за стола немного голодным...

* * *

Закрылки на сорок пять и ручку чуть от себя. Машина с заметной перегрузкой вспухает (В общем-то такого термина официально не существует, но это нам более близко по ощущениям пилота, когда машину резко тащит вверх с одновременной потерей скорости) вверх, как пробка из бутылки теплого шампанского. Колька Зарубин проносится подо мной, а за ним, пытаясь взять на прицел моего ведомого, Саша Покрышкин со своим напарником Павлом Рычаговым. Не получится у них. Не успеют. Николай идет с приличным скольжением. Причем переменным. Этому я его еще на фронте научил. Хрен прицелишься в него. Зато я теперь спокойненько успеваю опустить капот, обоих преследователей поочередно загнать точно в центр своего прицела и нажать на большую кнопку гашетки на ручке управления. Финита ля комедия! Мои фотопулеметы зафиксировали, что условный противник сбит. Чем ниже скорость, тем лучше маневренность. Это всегда надо учитывать во время боя. Вот теперь можно и на посадку. На сегодня вполне достаточно.

— Ну как? — я расстегиваю замок ремешка и снимаю привычный за десятки лет шлем.

Здесь его точно скопировали с того мира. Даже кронштейн видеокамеры для компьютерной системы захвата целей в наличии.

— Да, Вася, превратить недостаток в достоинство. Такого даже я от тебя не ожидал, — Александр Покрышкин уже снял шлем и с удовольствием вытирает поданным техником

полотенцем мокрую голову.

— А не было у меня другого выхода. Вы же с Пашей, — я киваю на подошедшего Рычагова, — очень правильно расставили остальные пары эскадрильи. Оставалось делать то, что противник никак не ожидает. Скорость решает только тогда, когда враг тебя не видит или есть возможность оторваться от него при явном преимуществе противника. В бою надо думать и еще раз думать. И во много раз больше думать задолго до боя.

— А все-таки, Александр Иванович, вы меня в прицел поймать так и не успели, — довольно изрекает тоже подошедший Колька.

Он перед начальством на земле немного робеет и называет по имени-отчеству. Вот в воздухе для Николая авторитетов нет. Кроме меня, конечно.

— Ведущего своего благодари, — не хочет соглашаться Покрышкин, махнув полотенцем в мою сторону, — мне каких-то десяти секунд не хватило, чтобы из тебя пух и перья посыпались.

— Кто же спорит, — немедленно отвечает капитан, — я ведомый у лучшего летчика в мире.

Вот паразит! Загнал-таки меня в краску. Хвалебные речи жутко надоели. Надо срочно перевести разговор на что-то другое.

— Товарищ генерал-лейтенант, — обращаюсь я к Паше Рычагову, — по-моему, эту группу пилотов можно уже отправлять по своим частям. Вполне готовы. А вот Мангалиева стоит оставить здесь инструктором. Талант у парня несомненный и схватывает все на лету.

Командующий ВВС ситуацию прокачал мгновенно. Не первый день во властных структурах. Собственно говоря, ни он, ни Покрышкин тоже не любят восхвалений. Это не конструктивная критика, которую надо обдумать и найти решение вопроса.

— Полностью с вами согласен, товарищ полковник, — отвечает Паша, тоже переходя на официальный тон. Но на лице его, если приглядеться, можно все-таки заметить улыбку.

Под постоянным давлением командующего наших ВВС пришлось мне все-таки найти время пройти переаттестацию и получить третью — привычную — звезду на каждый погон. Теперь моей Галинке будет несколько больше денег на тряпки. Зарплату я получаю в трех местах: в Президиуме Верховного Совета СССР, в Политбюро и в штабе ВВС. Первые две (надо признать, очень приличные), перечисляю в фонд Сталинских премий. Теперь они называются с обязательным добавлением имени отца. А вот зарплату полковника с надбавками за классность, тоже в общем-то не маленькую, отдаю жене. Мне-то самому деньги совершенно не нужны. Живу на всем готовом.

* * *

Перемирия с немцами официально объявлено не было. Но третьи сутки огонь не открывали ни та, ни другая сторона по всей линии фронта. С нашей стороны были полностью прекращены бомбардировки. Летали только разведчики. В первый день прекращения огня был засечен воинский эшелон,двигающийся на восток. Хватило одного пролета шестерки Ту-2, чтобы немецкое командование опомнилось и прекратило подвоз войск, техники и боеприпасов к молчащему фронту. Через пару часов на одном из мостов через Вкру, разделяющую стороны, появился оберет с белым флажком и передал подошедшему нашему старшему лейтенанту пакет с коротеньким списком грузовых эшелонов с продовольствием для немецкой армии. Солдаты перестали прятаться друг от друга. Более того, даже стали иногда сходить на нейтральной территории. Наши воины, как следует проинструктированные замполитами, что победитель обязан быть великодушным, угощали немцев сигаретами. Не отказывались даже поговорить с ними, если кто знал язык. Но братания ни в коем случае не было. Советские офицеры, также иногда выходившие на нейтралку, вежливо козыряли германским и тоже выкуривали с ними сигаретку-другую. Презирать противника было не за что. Да, конечно, вина на немецком народе, что они допустили к власти над собой бесноватого фюрера и всю его клику, была. Но

за это они еще расплатятся приличным снижением уровня жизни на определенный, совсем не маленький, срок, а попавшие в плен — еще и отработкой в Советском Союзе.

На четвертые сутки верхушка захвативших власть в Германии согласилась на безоговорочную капитуляцию. В четверг, девятнадцатого сентября тысяча девятьсот сорокового года, документ был подписан в Варшаве министром обороны Советского Союза маршалом Тимошенко и генерал-полковником Гудерианом в присутствии полковника Сталина, то бишь меня, и генерал-полковника Синельникова, с одной стороны, и Ялмара Шахта и адмирала Канариса — с другой, под объективами многочисленных фото- и кинокамер. Маршал Берия отказался приехать в Варшаву, мотивируя это большим количеством работы. Внутренние войска СССР немедленно двинулись по территории генерал-губернаторства к границе Германии и двадцать первого числа вошли в Берлин. Но еще в понедельник шестнадцатого сентября многочисленными десантами были захвачены и взяты под охрану все концентрационные лагеря. Кое-где разгорелись ожесточенные бои с частями СС, но без поддержки вермахта сопротивление нацистов было быстро подавлено.

На всей территории сдавшейся страны стали появляться советские военные коменданты. Нет, существующая власть не была отстранена от руководства, но выполняла все требования победившей стороны. Немедленный вывод всех германских войск с оккупированных территорий. Доступ ко всем архивам для советских специалистов. Попытка утаивания или уничтожения документации будет расцениваться как вооруженное сопротивление с соответствующей карательной реакцией Советской армии. Полное разоружение и помещение под арест всех членов СС вплоть до рядового. Судили эсэсовцев тройками военного трибунала.

А тогда, девятнадцатого сентября, я отозвал адмирала в сторону, и мы прошли в отдельную комнату.

— Кто разработал, организовал и провел операцию на Гавайях? — говорить пришлось на английском. Я сел в кресло.

Он напрягся и чисто автоматически положил руку на демонстративно расстегнутую пустую кобуру. Опомился и встал по стойке смирно.

— Эсэс. Службы Гимmlера. Мой абвер здесь не виновен, — короткие рубленые фразы.

— Вы же понимаете, адмирал, что ваши слова будут проверяться? — я достал пачку своих «Лаки страйк» и закурил.

Он немного тоскливо проводил взглядом голубоватую струйку дыма от моей сигареты.

— Так точно, господин председатель, — хотя мы оба были в форме, Канарис не позволил себе назвать меня по званию и тем самым подчеркнуть огромную разницу в воинском ранге. Да и в возрасте, в конце концов.

— Да вы расслабьтесь, адмирал, садитесь и, если хотите, курите, — я указал рукой на другое кресло. Н-да. А ведь почему-то верю. Он просто никогда не осмелился бы приехать сюда, в Варшаву, если бы был хоть отчасти виновен в смерти отца.

Канарис сел и тут же достал свои сигареты.

— Как вы представляете будущее своей страны?

— А она у меня будет?

И где же ты раньше был, когда работал на Гитлера? Впрочем, не было у него другого выхода. Так делал бы, вероятно, любой немец на его месте.

— Будет. И нескольких больших размеров, чем вы ожидаете. Даже протекторат Богемия и часть генерал-губернаторства останутся. — В Судетах отличный станочный парк. Ну а как мы его реквизируем, если это будет свободная, независимая Чехия? Вообще — не вижу смысла в маленьких государствах в центре Европы. А до дружественного СССР Евросоюза еще многие десятки лет.

— Австрия тоже будет в составе независимой Германии.

Адмирал поперхнулся дымом своей сигареты.

— Не сразу, конечно, независимой, — уточнил я. — Но придется очень постараться, чтобы реабилитировать немцев перед другими народами.

Все. Теперь немецкое правительство будет делать все, что может захотеть наше. И не только правительство, но и весь их народ.

Что может быть лучше, чем превратить злейшего врага в преданного друга?

А с Италией и франкистской Испанией теперь французы, наконец-то присоединившиеся к нашему антифашистскому военному союзу со Штатами, быстро разберутся. Пусть тоже понюхают, почем фунт лиха. С другой стороны, де Голль — союзник. А нам уже оружие девать некуда. Один танковый завод и два авиационных остановили и перепрофилируем на мирную продукцию. А танки и самолеты продаем своим друзьям за звонкую монету. Франция, кстати сказать, в этом мире не лишилась своего золотого запаса, как в том, где французское золото навсегда осело в Форт-Ноксе. Думаю, пока еще Третья Республика со своими «лепшими» соседями долго не провозится.

* * *

— Мы должны честно признать, что в результате Великой войны наша держава превратилась в Империю. Именно с большой буквы — Советскую Империю. Вот и давайте, товарищи, исходить из этого факта.

Молчат. Обдумывают. Насколько все же проще с молодым и средним поколениями руководства Союза. Вон Андрей Громыко уже что-то строчит в блокноте своей ручкой с золотым пером. Не признает шариковых и гелевых. «Дипломат обязан быть консервативным!» А вот не буду здесь я с ним спорить! Министру иностранных дел виднее. Выходец из Ленинграда Алексей Кузнецов. Наш главный строитель атомных станций. Правая рука маршала Берии. Арзамас-16 тоже в его ведении, как и весь атомный проект. Курчатов, Роберт Оппенгеймер и Эдвард Теллер обещают относительно чистую пяти-мегаатонную бомбу уже весной. Соответственно, чистую, конечно, — только при воздушном взрыве. Подождем. Нам не к спеху. Другой Кузнецов — Николай. Адмирал. Раскатал губу. Подавай ему пять атомных авианосцев. По числу основных морских регионов, чтобы в каждом была наша АУГ³⁰ с как минимум тактическим ядерным оружием. Перебьется. Сначала нам парочка атомных ледоколов нужна. Северный морской путь, пока не модернизировали Транссиб и БАМ не построили, дешевле. И увеличить там сезон проводки караванов на пару месяцев с помощью ледоколов сейчас нужнее. А вот десяток атомных подводных ракетносцев мы Коле Кузнецову все-таки построим. Хотя бы на первое время. Не сегодня и не завтра, но надо. Оборона державы должна быть сбалансированной. А пока теми авианосцами, что у англичан и итальянцев захватили, пусть обходится. Да заберем у гордых бриттов все, что у них на верфях заложено, когда сдадутся на нашу милость. Там много чего Туманный Альбион строит. Не понимает, что их империя уже накрылась медным тазом. Зачем Англии авианосцы? Зачем им вообще Роял Нэви? Лет на тридцать запретим военные корабли строить, а потом сами не захотят. Ракетную программу им все равно не потянуть. Ну, у нас с этим вопросом все несколько проще. Вариант «Тополя-М» обещают собрать уже будущим летом. А еще через год и «Воеводу» должны начать испытывать. То бишь, по обозначению НАТО того мира, SS-18 или, более точно, «Сатана». На космос сейчас вообще у нас бешеные деньги идут. Уже строятся тысячи заводов и предприятий. Создается целая космическая промышленность. Но — надо! Это — будущее человечества. Зверев — мой министр финансов — рычит, но бюджет кроит, как надо. Интересно, а как он, точнее, его аналог в том мире после жутко разорительной тотальной войны нашел деньги на большой космос? Ведь всего через каких-то полтора десятка лет после Великой Отечественной Гагарин на орбиту Земли взлетел! Здесь я этого парня обязательно найду и по той же дорожке направлю. Достоин! Ну не будет он первым на орбите, не успеет, но на Луне или Марсе — обеспечим! Вот только Королев с Брауном что-то тянут. Прошерстили всю

³⁰ *Авианосная ударная группировка*

информацию оттуда. Но ни «Союз», ни «Аполлон», ни «Спейс-шатл», ни даже «Буран-Энергия» их не устраивают. Хотят что-то свое — дешевле, но лучше. Флаг им в руки. Торопить здесь нельзя. Ведь это будет многоразовый комплекс минимум на полсотни лет, если не больше. Они, эти гении космонавтики, сами торопятся. А вот годков так через пятьдесят, ну, как дорастем, надо будет запустить работу по ЯРД (Ядерный ракетный двигатель). Без них нормально Солнечную систему не освоить. А как потом к звездам лететь? Черт его знает. Но ведь у нас сейчас собрался весь цвет мировой науки! Разберутся с научным наследием начала того двадцать первого века и обязательно что-нибудь придумают. Я уверен!

* * *

И вот что нам с ними теперь делать? Нет, ну надо же до такого додуматься?! Взрослые они, видите ли! Нельзя на минутку одних оставить. Решили «только попробовать». Мол, вкусно или нет? Теперь клянутся, что никогда и ни-ни. Пороть надо, без всяких сомнений!

Синельникову доложили немедленно, как только забеспокоившаяся их долгим отсутствием охрана решила проверить. Генерал-полковник, естественно, тут же отзвонился мне, и мы оба помчались на Ближнюю дачу. Впервые после моего появления в Москве в качестве руководителя государства пришлось включить сирену. «Уазики» охраны отстали от моего «Паккарда» сразу. А что вы думали, я сам в такой ситуации за руль не сяду? Уф-ф, ни в городе, ни на трассе никого не задел. О том, что я двигаюсь на Ближнюю дачу со всей возможной скоростью, туда доложили вовремя, и ворота были распахнуты заранее. Я вломился в собственную спальню. Вот они, красавицы сопливые, рядышком отдыхают! Заботливо укрытые одеялом и уже проблевавшие под надзором врача. Добрались до маленького папиного винного погреба и решили только попробовать. Коллекционные вина, которые регулярно привозили отцу из Грузии и частенько присылали со всего мира в качестве подарков. Всего по полглоточка приняли. Сами не заметили, как контроль потеряли. А там уже... Допробовались, в общем. Егор появился через пять минут после меня. Ему тоже успели доложить, что опасности для жизни и здоровья уже нет. Обычная алкогольная интоксикация. Без серьезных последствий, если случаи отравления повторяться не будут.

— Что делать будем? — задал риторический вопрос генерал-полковник.

— Пороть надо, — без тени сомнения ответил я.

Мой друг посмотрел на Светку, разметающуюся под одеялом и несколько тяжело дышащую. Впрочем, как и моя благоверная.

— Я, наверное, не смогу, — чуть стушевавшись, произнес он.

— Ну, не в прямом же смысле. Морально, — я тоже еще раз посмотрел на наших девочек и, несколько более пристально, на свою Галинку. Нет, поднять на нее руку я тоже никогда не посмею. Даже не то что не посмею — очень сомневаюсь, что у меня когда-либо может возникнуть такое желание, — ладно. Выспятся — побеседуем с ними. Пошли в кабинет. Что у тебя с Грецией?

Синельников только утром прилетел из Афин, где был всего с односуточным официальным визитом. Я был в курсе, что переговоры прошли успешно, но подробностей еще не знал.

— А нормально, — с довольной улыбкой произнес Егор, устраиваясь в кресле, скрипнувшем под большим весом, — заставил Метаксаса и Велухиотиса пожать друг другу руки.

— Даже так? — удивился я.

Иоаннис Метаксас, шестидесятидвухлетний генерал и премьер-министр. Патриот, но явно правый. При этом — сторонник фашизма. И тридцатипятилетний Апис Велухиотис, настоящее имя Атанасиос Кларас, революционер, член ЦК КПГр, главнокомандующий Народно-освободительной армии Греции. Первый из этих двоих отказал всем требованиям

Муссолини о вступлении греков в фашистскую коалицию и в войну против Советского Союза. Патриот в нем существенно превышал фашиста. На каждый ультиматум отвечал «охи» (нет). Интересно, в этом мире тоже будет «День охи»³¹? А потом регулярные греческие части вместе с Народно-освободительной армией разгромили вторгшиеся из Албании итальянские войска и даже частично отвоевали Албанию у итальянцев.

— Когда премьер решился на низложение Георга Второго³², я пообещал им Смирну-Измир³³ и разрешение на присоединение Албании. Метаксас тут же согласился на немедленный плебисцит, — заявил Егор, — Греция теперь навсегда станет республикой и нашим искренним другом. Ну а если еще учесть будущую Великую патриархию...

Н-да. Я знал, что Синельников хорош в таких делах, но настолько? Даже у меня вместе с Андреем Громыко лучше бы не получилось. С другой стороны, чем меньше будет мелких стран в Европе, тем проще будет потом объединять ее. Вот еще режим Салаши, который пытался переплюнуть самого Гитлера в Венгрии, и усташа в Хорватии. А пусть-ка ими вермахт займется под нашим контролем, пока его еще не переименовали в бундесвер.

* * *

Великая патриархия. Предварительное название полунезависимого православного государства со столицей Царьградом. Я вспомнил свою недавнюю встречу с Патриархом Московским и всея Руси Сергием. Избранный осенью тридцать восьмого после встречи с моим отцом высокий представительный старик с довольно жестким взглядом в глазах. Перекрестил меня и протянул руку для поцелуя. Которую я тут же достаточно крепко, но аккуратно, чтобы не причинить боль, пожал. Он что, думает, раз я разрешил очень серьезные послабления церкви, вплоть до собственных радио-и телеканалов, то я верующий? Пришлось вежливо, даже уважительно, но достаточно твердо объяснить свое отношение к религии. Да, несомненно, составляет неотъемлемую часть культуры русского и большинства славянских народов. Да, именно сейчас, во время Великой Освободительной войны мы, руководство державы, согласны пойти навстречу православию, как, впрочем, в определенной степени, и другим религиям, но будем продолжать мягкую политику атеизма.

— Как вы относитесь к тому, чтобы лично обвенчать мою сестру и директора СГБ генерала Синельникова? — перешел я к делу.

Такого вопроса он явно не ожидал. Мне же нужен был сосредоточенный удар по компартии. Сейчас, когда уже везде в державе разрешена деятельность любых, кроме крайне правых, партий, когда в Верховном Совете и даже в Политбюро ЦК КПСС, у меня подавляющее большинство, этот ход должен резко обострить все внутренние противоречия как в самой партии и в руководстве страны, так и во всем многонациональном народе огромного ныне Советского Союза. В конце концов, все основные территориальные приобретения уже сделаны. Остались мелочи. А почивать на лаврах по поводу победы в Великой войне нам рано.

— В каком храме? — наконец-то отреагировал патриарх.

— По вашему выбору в Москве. Желательно только не там, где венчались русские цари. И, по возможности, достаточно скромно.

— Елоховский собор подойдет? — собственно говоря, другого предложения я и не

³¹ День ответа Метаксаса является в Греции национальным праздником

³² Георг II — король Греции, до того уже дважды изгнанный

³³ Смирна (по-турецки — Измир) — большой город на западном побережье Турции, по результатам ПМВ отошедший к Греции. Основное население там было православным. Был отвоеван турками в ходе Второй Греко-турецкой войны в 1922 году. Почти все христианское население было вырезано победителями.

ожидал. Ближайший к канцелярии и резиденции самого Сергея.

— Это тот, в котором Пушкина крестили?

Он очень удивился моим знаниям и с заметным уважением кивнул:

— Да.

— Вполне подойдет.

Действительно для моих целей — хороший вариант. Подъезды к церкви удобные. Архитектурный комплекс и внутреннее убранство, как доложил мне порученец, прогулявшийся туда на прошлой неделе, — красивые.

— А потом, вероятно, вы сами захотите покинуть нашу ныне златоглавую столицу, — решил я удивлять его дальше.

— Почему? — на его лице появилось несколько испуганное и крайне озабоченное выражение.

— Вы разве не захотите лично возглавить восстановление главного православного храма мира, Святой Софии в Царьграде, и очищение его от мусульманской скверны? С учетом того, что сам Царьград должен стать столицей небольшого православного государства, подчиняющегося высшему иерарху православной церкви? — я подошел к карте и обвел контуры будущей Великой патриархии. Европейская территория бывшей Турции с прилично отрезанной северо-западной частью. Общая граница церковников с Грецией мне была совершенно не нужна.

Он подошел к карте и молча смотрел на нее, иногда бросая короткие взгляды на меня.

— Только учтите, власть ваша не будет абсолютной. Войска там будут мои. И вся промышленность — тоже. А вот полиция и частично экономика будут подчиняться вам, — я коротко обрисовал свои мысли об этом государстве внутри Советского Союза. И про то, что другие религии там запрещены не будут. Царьград должен стать не просто столицей православия, а религиозной столицей мира. Отношения и с Меккой, и с Иерусалимом должны быть благожелательными.

— Минареты вокруг Айя-Софии³⁴ мне позволено будет снести? — только и спросил тяжело задышавший Сергей.

— Конечно, Иван Николаевич, — ну не буду же я его владыкой называть?! — И... сядьте. Сядьте и успокойтесь, — я пододвинул стул и помог старику сесть. Вот только не хватало мне, чтобы ему сейчас от радости поплохело, — поймите, что хотя церковь отделена у нас от государства, но православие все-таки будет основной религией в Советском Союзе.

* * *

Британцы на Кипре сдались без боя. Какие могут быть военные действия, если наша фронтовая авиация с аэродромов в Турецкой ССР, Ливане, ставшем членом Израильской Федерации, и военно-морской базы Советского Союза на Синайском полуострове с легкостью контролирует все Средиземное море?

Н-да. Та база на Суэце... Менахем Бегин прилетел в Москву в конце сентября. Прилетел, облеченный всеми полномочиями Временного правительства Израиля, для заключения долгосрочного договора о дружбе, военном, экономическом и культурном сотрудничестве с СССР. Я с некоторым удивлением увидел, как он с искренней радостью обнимается с Синельниковым на аэродроме. Переговоры были довольно легкими и проходили в по-настоящему дружественной атмосфере. Обеим сторонам обоюдовыгодно было плотное сотрудничество. Быстро договорились о безвизовом режиме, двойном подданстве многих наших граждан и приличных кредитах с нашей стороны под невысокий процент. А когда зашел разговор о военно-морской базе...

³⁴ Айя-София — один из трех эпитетов, обращенных к Богу. Эти три эпитета определяются так Айя-София (Святая Мудрость), Айя-Ирена (Святое Благодушие) и Айя Динамис (Святая Сила) И в то же время — одно из названий храма Святой Софии в Стамбуле

— Нет. Не аренда. Никаких двадцать пять, пятьдесят или даже девяносто девять лет. Вы, ваше государство, а никак не правительство, продаете нам эту территорию на веки вечные. За... Как будет называться ваша валюта?

— Шекели, — с готовностью ответил Бегин.

— Шекель, шекель, шекель, — я повторил это слово несколько раз, как бы пробуя его на вкус, как будто никогда не слышал его раньше, в той жизни, — Годится. Так вот, вы продадите нам эту территорию под военно-морскую базу ровно за один этот ваш шекель.

Бегин посмотрел на меня, улыбнулся и сказал:

— Если учесть, что эта территория освобождена с помощью советского оружия, то это будет даже дорого.

Потом относительно долго решали вопрос с освобожденными в Германии евреями. Их было больше пяти миллионов, свезенных гитлеровцами в свои концлагеря со всей оккупированной тогда Европы. Накормить, одеть, обуть и оказать медицинскую помощь оказалось не так уж и сложно. В конце концов, среди них самих было довольно много квалифицированных медицинских работников. Медикаментами мы смогли обеспечить всех. Но вот... Подавляющее большинство не желало возвращаться в родные места. А ехать в Израиль захотели далеко не все. Освободителями для них были советские солдаты. Больше двух миллионов выразили желание, соединившись со своими семьями, раскиданными войной, выехать в Советский Союз на постоянное место жительства. Препятствовать им? Зачем? У нас столько неосвоенных территорий и острейшая нужда в квалифицированных специалистах. Бегин же категорически стоял на позиции выезда всех евреев в Израиль. Все-таки сумели договориться, что Еврейское агентство (Сохнут) может проводить агитацию везде в Германии, но свобода выбора ограничиваться не будет. Даже в Советском Союзе пусть открывают отделения своего Сохнута. Надо быть честными со своими друзьями. В конце концов, как ни агитируй, но своя голова у советских евреев есть. Уж я-то могу судить об этом достаточно объективно...

* * *

Всего одна песня того мира... Никто даже думать не думал о таком эффекте. Всего-то несколько исполнений по телевидению и радио. Соответственно, от всесоюзного вещания до круглосуточного «Маяка». «Казачья» Розенбаума...

Под зарю вечернюю солнце к речке клонит,
Все, что было — не было, знали наперед.
Только пуля казака во степи догонит,
Только пуля казака с коня собьет.
Только пуля казака во степи догонит,
Только пуля казака с коня собьет.

Из сосны, березы ли саван мой соструган,
Не к добру закатная эта тишина.
Только шашка казаку во степи подруга,
Только шашка казаку в степи жена.

На Ивана холод ждем, в святки лето снится,
Зной «махнем» не глядя мы на пургу-метель.
Только бурка казаку во степи станица,
Только бурка казаку в степи постель.

Отложи косу свою, бабка, на немного,
Допоем, чего уж там, было б далеко.

Только песня казаку во степи подмога,
Только с песней казаку помирать легко.

Бернес исполнил ее как свою. Как-то так получилось, что на патриотические настроения в державе она упала, как катализатор. Как будто только ее и ждали. Казаки вдруг вспомнили, что именно их предки защищали рубежи России. Конкурс в погранучилища возрос до небес. Вся казачья молодежь ринулась поступать туда. Синельников только ухмылялся и загадочно строил рожицы, когда его спрашивали, не работа ли это его пятого управления. Однажды вечером за рюмкой чая все-таки раскололся:

— Ну, провели исследование. Развернули пропагандистскую кампанию. Вовремя, в самый нужный момент песню запустили. Зато через пять лет у меня все пограничные заставы и даже таможенные пункты в министерстве Зверева будут гарантированно обеспечены младшим офицерским составом.

Н-да, вот что значит творческий подход к решению проблемы!

Как Егор Синельников справился с непосильной задачей обеспечения надежности наших границ, я не проверял. Не потребовалось, так как Зверев, мой министр финансов, на прозрачность рубежей державы для контрабандистов жаловаться перестал.

* * *

Опять не успевают. И что мне с ними делать? Н-да, бестселлер середины двадцатого века... Нет, конечно, за всю историю книгопечатания суммарный тираж Библии может быть был и больше. Но вот чтобы за один год свыше восьмидесяти миллионов экземпляров? Такого вроде бы еще не бывало. Американские издатели предложили свои услуги, но мы пока отказались. Уровень нашей полиграфии уже сегодня на голову выше и экономически выгоднее, чем за океаном. Хотя учебник, совмещенный со словарем, нам нужен именно сейчас. Я ведь еще месяц назад провел через Верховный Совет решение о ведении всего делопроизводства в державе только на русском языке. Да и обязательное изучение иностранных языков в средней и высшей школе, кроме специальных, по всей территории Советского Союза отменил. Нет, конечно, разведчик, дипломат и историк иностранные языки знать обязаны. А инженеру зачем? Большинство научных и технических ведущих издания мира уже сегодня выходят именно на русском языке. Да, научить хотя бы разговорному языку всех наших новых подданных не очень просто. Но куда же они денутся, если все вывески на государственных учреждениях и магазинах только на русском? Включая ценники на прилавках? Учителя у нас уже сейчас — одна из самых массовых гражданских специальностей. То ли еще будет. Кто-то скажет, что это насильственная русификация. Может быть. Принесет отрицательные плоды? Очень сомневаюсь. При таких-то арабских цифрах на ценниках?...

Глава 7

Суббота. Электрички и автобусы были забиты уже с вечера. Автобусы, эти громадные деревянные ящики с железным каркасом на колесах, с картонной отделкой внутри и двигателями от «Камаза», которые выпускали сразу несколько автобусных заводов страны, чем-то напоминали «Альтерны» того мира, с которых, скорее всего, и были скопированы. Дизель для грузовика запустили в производство еще в начале тридцать девятого, а вот конвейер самого «Камаза» так и не построили. Экономисты посчитали, что такой огромный завод стране тогда было не потянуть. А вот моторы были нужны для бэтээров и БМП. Для больших автобусов довольно простой и технологичной конструкции они тоже отлично подошли. Большие, но плоские стекла позволяли увидеть всех, собравшихся поработать на своей земле. Решение о выделении всем желающим городским жителям загородных участков от десяти соток отец принял в том же тридцать восьмом. Соответственно — после бесед со

мной, тогда еще полковником ФСБ. Это был очередной, хотя и небольшой, шаг к обеспечению продовольственной безопасности державы. Мне принесли проекты заводов и автомобилей, которые предполагается выпускать на них. Н-да. У конструкторов явно был доступ к техническим архивам УСИ. Основной легковой машиной нашего Союза будет малолитражка типа ВАЗ-2114 того мира. Дешевый и технологичный несущий кузов с неплохой аэродинамикой, жесткий и прочный. Поперечное расположение двигателя объемом один и шесть десятых литра с приводом на передние колеса. Передняя подвеска «Макферсон» и реечное управление с электроусилителем. В конструкции явно были заложены резервы для существенной модернизации в будущем. От инжекторного двигателя с гидрокompенсаторами клапанов и подушек безопасности до полного электропакета и АБС. Здесь такая машина наверняка произведет революцию. С учетом постройки первых пяти заводов по всей территории нашей обширной державы. Один было решено расположить на Волге, как и в том мире. В Ижевске уже началось строительство завода гражданских внедорожников. Почти «Нива», но с вывешенной раздаткой. Такие машины нам остро необходимы, так как хотя автотрассы уже строятся, но пока их явно недостаточно. И в ближайшие годы мы эту проблему вряд ли решим.

Теперь самое важное — не повторить ошибок автомобильной промышленности Советского Союза и Российской Федерации того мира. Надо признать, что конструкции самих автомашин там были достаточно удачными для своего времени. А вот качество сборки и комплектующих... Ничего, с нашим Министерством государственного контроля под руководством Мехлиса с нарушением технологий не разгуляешься. А там, глядишь, и привыкнут делать все по-человечески. На военных производствах ведь сумели же как-то обходиться без брака? Значит, могут? А если не захотят — заставим!

Средний класс представил ГАЗ вместе с планом постройки трех заводов — под Киевом, в Канаде и недалеко от Владивостока. Какая-то жуткая полноприводная помесь «Тойоты», «мерса» и «Ауди» того мира. На первый взгляд — красивая. Обещают, что при массовом производстве будет не очень дорогой. Резервы модернизации тоже немаленькие заложены. Черт с ними. Дал добро. Не пешком же советским людям в середине двадцатого века ходить? Да еще и названием порадовали — «Волга».

Но больше всех удивил ЗиС. Это был... «Майбах». Но не современный мне-Ваське, еще делающийся очень малыми сериями в Германии. А цельнотянутый оттуда, из двадцать первого века Правда, двигатель карбюраторный, и электроники маловато пока. Но вот во всем остальном — хороша. Что ж, с удовольствием поменяю свой «Паккард», когда запустят производство «Победы». Да, именно такое название этому самому комфортабельному и мощному лимузину предложили специалисты ЗиСа по маркетингу. Увы, но некоторые англицизмы проникли к нам прямо из архивов УСИ. Слова «маркетинг», «файл», «инжектор» и подобные прочно обосновались в русском языке. Как с этим бороться и надо ли, я пока не понял.

* * *

— Какой вообще ты хочешь сделать структуру власти в стране?

«Н-да. Вопрос, конечно, интересный!» — я посмотрел на Берию, достал сигареты, закурил и стал излагать свои не то что не формализованные еще идеи, а даже до конца не осмысленные. Некогда было.

— На нижнем уровне, несомненно, должна быть демократия или, как она у нас более правильно называется — Советы. А вот наверху... Направлять развитие общества должна олигархия³⁵. Причем олигархия, руководствующаяся не своими личными интересами, а

³⁵ Не надо путать современную трактовку этого слова с серединой XX века. По БСЭ (Большая Советская энциклопедия) Олигархия (греч *oligarchia* — власть немногих, от *oligos* — немногий и *arche* — власть) — форма правления, при которой государственная власть принадлежит небольшой группе людей. А вот что это за люди — уже совершенно другой вопрос

логикой развития всей цивилизации на нашей маленькой планете.

— Маленькой? — удивился маршал.

— Конечно. Если для Жюль Верна в прошлом веке «Вокруг света за 80 дней» была фантастика, то для нас уже через несколько лет полтора часа станут реальностью, — я усмехнулся. В том мире Гагарин облетел Землю именно за девяносто минут. — Впрочем, дело не в размерах. Все в мире относительно. Наша маленькая планета...

— Подожди, — перебил меня Берия, — ты считаешь, что мы олигархи?

— Нет, конечно, — я усмехнулся, — есть такой очень редкий термин — меритократия³⁶. Одно из его значений — власть достойных. Здесь и сейчас мы с вами, Лаврентий Павлович, — эти самые меритократы. И нашей целью должно стать не только, и даже не столько, благо Советского Союза, а лучшая жизнь для всего человечества. Ведь невозможно строить планы для одной державы, не обращая внимания на окружающие страны. Именно поэтому я сейчас направляю нашу внешнюю политику с определенными, пусть и не очень существенными, потерями для экономики СССР.

Берия не стал спрашивать, с какими. Ясно же, что можно было обождать поверженных противников до последней нитки.

— Впрочем, я несколько отвлекся. Итак, наверху мы и наш «ближний круг», — я впервые произнес этот термин здесь, но пояснять маршалу не потребовалось. — Сегодня и на будущее наша основная задача — отовсюду вытаскивать самых лучших, умных и самоотверженных, людей. Заставить их учиться, учиться и еще раз учиться, — мы оба усмехнулись, отлично зная, откуда эта цитата, — а затем выдвигать в высшие эшелоны власти. В принципе, что-то такое уже делал мой отец. Может быть не вполне осознанно и целенаправленно, но делал. Да, надо признать, что еще хватает тех, кто работает только ради личного успеха. Но у нас вполне достаточно времени заметить и убрать таких.

— Ну, карательный аппарат у нас готов выполнять все, что прикажем, — с некоторым удовольствием констатировал Берия.

— Добро должно быть с кулаками, — согласился я с ним, — вот этими кулаками у нас являются люди Синельникова, в буквальном смысле выпалывающие всякую погань из человеческого общества. Причем не только и даже не столько у нас в державе, как, в первую очередь, за рубежом. Хотя я, вообще-то, в отношении наших граждан предпочитаю все-таки методы убеждения, — на что маршал согласно кивнул. — Итак, на нижнем этаже, вплоть до уровня республиканских министерств — Советы. А вот начиная с руководителей республик и всего союзного руководства — только наши люди. Если точнее — наши с вами, Лаврентий Павлович, ставленники, действующие точно в нужных нам направлениях.

Так, все основное сказано. Остальное он должен додумать сам. К чему привело неправильное руководство страной Лаврентий Павлович прекрасно знает из того злополучного документа. А с другой стороны, злополучного ли? Ведь теперь Берии известно, во что компартия превратилась там за жалкие сорок лет. Что такого здесь допускать нельзя. И что кардинальные перемены остро необходимы. Не знаем, как решить этот клубок проблем? Рубить безжалостно вместе с самой партией!

* * *

³⁶ Меритократия (буквально «власть достойных», от лат *meritus* — достойный и греч *χρατος* — власть, правление) — принцип управления, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального и экономического происхождения. Используется преимущественно в двух значениях. Первое значение термина соответствует системе, противоположной аристократии и демократии, в которой руководители назначаются из числа специально опекаемых талантов. Второе, более распространенное, значение предполагает создание начальных условий для объективно одаренных и трудолюбивых людей, чтобы они в будущем имели шанс занять высокое общественное положение в условиях свободной конкуренции

Уставшая Галинка все никак не могла отдышаться, положив головку мне на грудь. Я гладил рукой по спутанной гриве ее шелковистых волос и думал о том, какой же я счастливый. Судьба изрядно побросала меня в том мире, так и не дав настоящей полной радости в жизни, но напоследок, когда казалось, что все уже почти кончено, улыбнулась. Улыбнулась и закинула сюда, в этот мир, в эпоху перемен. Я немедленно вспомнил старое китайское проклятие³⁷.

А вот все обстоит строго наоборот! Я рад, что живу здесь и сейчас, что не только могу влиять на эти перемены, но и направлять их. Интересно. Все больше и больше становлюсь тем умудренным жизнью полковником ФСБ, каким был там, а не Красным Васькой³⁸. Хотя, похоже, удалось взять все лучшее от нас обоих. Плюс здесь я встретил свою ненаглядную. Сейчас отдышится и, как всегда, начнет задавать вопросы. Каждый вечер жена просит рассказать что-то еще о том мире. О себе я уже все рассказал. Все-таки насколько женщины сильно отличаются от мужчин. Нам бы после такой вспышки страсти вырубиться, а они... Они другие. Медленно отходят и еще долго находятся глубоко в этом настроении.

— Васенька, любимый, а ты возьмешь меня с собой во Францию?

Н-да, кто о чем... А с другой стороны, почему бы и нет? Не очень-то здесь принято приезжать с женами, пока. Но когда-то ведь надо начинать? Тем более что визит неофициальный. Де Голль пригласил меня довольно неожиданно. Видимо, очень хочет поговорить о будущем. У нас очень хорошие экономические и культурные связи с Францией. Но его наверняка интересует несколько другое. Не мог же де Голль забыть разговор с Синельниковым перед войной?

— Возьму, родная.

Галинка довольно потерлась носиком о мою грудь.

— Но только если не будешь налегать на шампанское, — решил все-таки немного подколоть жену.

— Васька! — обиженное сопение и чувствительный толчок коленкой. — Ну сколько можно?! На нас со Светкой вчера на приеме во французском посольстве твой Маргелов так посмотрел!.. А у нас лимонад в бокалах был...

Мой Вася Маргелов? Тридцатилетний командующий ВДВ? Н-да. Последнее время аппарат, да и все руководство страны стало делиться на две категории. Одни меня боятся и правильно делают. Зато другие, которых значительно больше... Я верю им, а они — мне. Надо сделать все, чтобы оправдать их веру, впрочем, как и всего моего народа. В аппарате вообще обстановка сложилась отличная. Все знают, что среди своих со мной можно на «ты» и пошутить. Их проблемы — это мои проблемы. Впрочем, как у любого нормального начальника. С другой стороны, мои — это тоже их забота. Даже если, как в данном случае, проблема только кажущаяся. Галинка со Светкой все прекрасно осознали.

Правда, нашли выход и в такой скользкой ситуации. Теперь их можно заставить выпить только в присутствии мужа. Сколько и чего жена пьет — это, видите ли, его забота. Сестренка даже на собственной свадьбе всего один бокал шампанского выпила. Егор в этом отношении парень строгий. А моей жене одного урока оказалось достаточно. Сама не хочет. Ну не буду же я настаивать?

Венчание Синельниковых было достаточно коротким. Предупрежденный патриарх сумел уложиться всего в двадцать пять минут. А вот сама свадьба... Нет, она даже по меркам середины двадцатого века была достаточно скромной. Но посидели за городом, в Зубалово, хорошо. Был почти весь ближний круг. Весело было. Особенно когда невесту украли. Это надо было видеть лицо ошалевшего директора СГБ, когда с него выкуп потребовали. Тоже мне, начальник самой крутой секретной службы мира, на собственной свадьбе за молодой

³⁷ *Чтобы жить вам в эпоху перемен*

³⁸ *Именно так И. В. Сталин называл своего младшего сына в детстве*

женой не уследил...

* * *

Границу с Федеративной Республикой Германией мы провели чуть западнее линии Колобжег- Познань-Вроцлав. Очень я не хотел включать Польшу в состав Советского Союза, но пришлось. Оставлять поляков независимыми, пусть даже в ближайшие десятки лет это будет только называться так, было нельзя. Слишком гонористый народ. Пусть уж лучше под недремлющим оком СГБ живут. А главное — интеграция и ассимиляция. У любой нации есть не только отрицательные стороны, но и положительные. Вот и будем использовать польский гонор на благо всей нашей огромной страны. И вообще, я прекрасно понимаю, что необходимо с одной стороны создать все условия, чтобы сохранить национальную культуру, а с другой — сделать все, чтобы сплотить всех в единый народ державы. Очень противоречивые задачи. И если придется выбирать, то я, скорее всего, выберу именно второе.

Впрочем, на первом этапе в Польше все прошло довольно гладко. Относительно низкие цены в магазинах при очень широком ассортименте, бесплатное качественное медицинское обслуживание и огромный спрос на рабочие руки легко задавят любое недовольство. Даже необходимость в изучении русского языка в Польской ССР не стала большой проблемой, ведь до Первой мировой войны эта территория находилась в составе царской Российской империи. Ну и, соответственно, качественная пропаганда. Не намного сложнее было в Кенигсбергской области Балтийской ССР, куда вошли еще Литва, Эстония и Латвия. Прибалтийских немцев из бывшей Восточной Пруссии решили не выселять. Зачем? Чем больше народа будет жить в нашей многонациональной державе, тем лучше. А с другой стороны... Ошибки правительства того СССР я повторять не буду. Создавать лучшие условия для некоторых республик или стран-союзников? Дураку же ведь было ясно, что ТАМ уровень жизни в Прибалтике или той же Грузии был реально в несколько раз выше, чем в РСФСР. Перебьются!

В то же время был принят неафишируемый курс на перенос всех лучших высших учебных заведений в РСФСР. Москва и Ленинград уже сейчас являлись крупнейшими мировыми научными и учебными центрами. Одновременно строились и открывались новые вузы по всей России. В них приглашались работать преподаватели и профессора из всех недавно присоединившихся союзных республик. Довольно тонкая политика надбавок к зарплате учебному персоналу в РСФСР делала выбор достаточно легким. Да и финансирование самих институтов из союзного бюджета в метрополии было выше. Вся страна училась. Но для получения лучшего образования необходимо было ехать в Россию. Впрочем, цены на транспорте у нас не очень высокие, а для студентов и абитуриентов — приличные скидки. Распределение же выпускников обещало стать очень хорошим инструментом для перемешивания народов и народностей державы так, как нам требовалось. Практически во всех вузах пришлось открывать платные отделения для иностранцев. Уровень образования уже сейчас был у нас выше, чем за границей. Поэтому к нам едут и едут учиться. А сколько из иностранных студентов после окончания института захочет остаться?

* * *

— Ни шесть, ни даже одного часового завода мы строить не будем, — заявил я.

— Василий Иосифович, но у нашего населения в связи с ростом доходов появились вполне определенные потребности. Одно из них — наручные часы, — Косыгин, как всегда, стоял на своем, — Должны же люди заработанные деньги тратить?

— Алексей Николаевич, да поймите, пройдет три, максимум пять лет, и наручные часы выйдут у нас из моды. Поверьте, товарищи, я знаю, о чем говорю, — окинув взглядом всех

присутствующих, я понял, что поддерживает меня только один Синельников, — с другой стороны, текущие потребности нашего народа мы обязаны удовлетворять. Закупайте большие партии и размещайте новые заказы за границей. Хотя в той же Швейцарии. Заодно меньше шуметь там будут.

Пояснять, о каком шуме идет речь, необходимости не было. Когда Советское правительство потребовало от швейцарских банкиров перлюстрации всех счетов на предмет вкладов как нацистской партии Германии, так и вообще любых фашистов, то они подергались, но все-таки допустили аудиторов Зверева. Улов составил довольно приличную сумму. Все пошло в счет репараций.

— Столько десятилетий в моде, а тут за несколько лет выйдут? — ну вот же упрямый у меня Председатель Совета министров!

Я не поленился, встал и принес на большой стол для совещаний калькулятор со своего письменного. Первая продукция Зеленоградского завода вычислительной техники. Еще большой, тяжелый, под килограмм, с питанием от сети и газоразрядными индикаторами. Но зато уже со встроенными часами.

— Вот на таком принципе скоро появятся у нас наручные цифровые часы. Но и они не очень долго продержатся в моде, — достав сигареты, я закурил и бросил пачку на стол, — а вот таких размеров и меньше будут носимые телефоны, — указав на пачку «Лаки страйк», я усмехнулся, глубоко затянулся и продолжил: — А вот в них будут и часы с будильником, и радиоприемник с проигрывателем, и калькулятор, и фото-, и видеокамера. Причем они будут практически у всех жителей, начиная от школьников и вплоть до стариков. Так стоит ли нам сейчас тратить на часовые заводы?

В кабинете повисла тишина.

— У всех телефоны, — не выдержал первым Мехлис, — как же мы всех-то контролировать будем?

Н-да. Кто о чем, а вшивый о бане... Мы переглянулись с Синельниковым.

— Лев Захарович, а зачем нам всех контролировать? — спросил Егор.

— Что значит зачем? А если у кого-то появятся нехорошие, непатриотические мысли? И он захочет поделиться ими с другими нашими гражданами? — Вот ведь брюзга! Ему все и вся контролировать надо. Перебьется.

— А вот это — забота нашей пропаганды, — ответил я за директора СГБ, — пропаганды и всех нас. Чтобы у наших граждан было о чем более интересном думать. Иначе зачем мы планируем в послевоенной Конституции декларировать свободу слова? Мы, товарищи, находимся на переднем крае борьбы. Борьбы за умы и души людей! И наша первейшая обязанность — убеждать, а не заставлять. Мы должны давать людям все больше прав. Прав и обязанностей. Приучать их мыслить самостоятельно, совершать выбор обдуманно.

— Да, Василий, хорошо ты сказал, — после небольшой паузы произнес Берия.

Он впервые назвал меня при всех по имени и на «ты». Есть такой тип людей, чей взгляд подобен рентгену, так кажется тому, на кого он направлен. Я же смотрел ему в глаза совершенно спокойно. Свои мысли мне от него скрывать уже не требовалось. Но маршал все-таки удивил меня продолжением:

— Если бы не вид и не голос, я был бы уверен, что это говорит Иосиф Виссарионович.

Это что, у меня уже манера речи, как у отца? Сталин жил, Сталин жив, Сталин будет жить? Н-да. Поживем — увидим. А вот Мехлис... Одно удовольствие было смотреть на остекленело-опупевший взгляд моего министра Госконтроля. Нет, челюсть у него осталась на месте, но тем не менее мне доставило неописуемое удовольствие выражение его лица. А все-таки — насколько оказался полезен! И еще наверняка будет. Стоп! Я что, уже Мехлиса считаю своим? Лаврентий Павлович тогда сказал: «Будет со временем тебе его преданность». Смотри-ка, и четырех месяцев не прошло, а Лев Захарыч, похоже, действительно за меня глотку кому угодно готов порвать. Это что, работа эмпатии и

подсознательное, как Егор говорил, применение НЛП³⁹? Черт его, то бишь меня, знает...

* * *

Политика и военные действия Японии в первой половине двадцатого века, что в том мире, что здесь у нас, всегда были совершенно невообразимой смесью сверхосторожности и авантюризма. Этот их островной менталитет... Ну, поднабрались за последние годы от нас новых технологий, ну, захапали некоторые территории на континенте и островах, пока их бывшие хозяева кто еще воюет, а кто раны зализывает. Малайзия и Индонезия дали японцам достаточно нефти. Но нападать на Штаты, когда те экономические санкции Стране восходящего солнца объявили? Н-да, какая-то корреляция между мирами, несомненно, есть. Мощнейшая АУГ⁴⁰ ударила по Перл-Харбору. Вот только не учли японские генералы и адмиралы наличия у американцев новейших радиолокаторов и современных самолетов. На подходах к военно-морской базе и над ней была форменная бойня. Палубной авиации у японцев было много, но вот ее тактико-технические характеристики... Торпедоносцы каким-то чудом смогли потопить один американский эсминец, но из первой волны самолетов на свои авианосцы вернулись считанные единицы. Второй атакующей волны уже не было. Японские корабли смогли уйти в условиях не очень хорошей погоды конца октября в Тихом океане. Но отреагировали американцы довольно резвенько. Война на море развернулась нешуточная. Мы, как союзники, тоже не стали сдерживать своих моряков. Хасан и Халхин-Гол никак не были забыты. Да и Цусима не в прошлом веке была. Отвели наши подводники душу. Самонаводящиеся по шуму винтов торпеды находили свои цели теперь не только около Британии. Война между Советским Союзом и Японией была объявлена, но боевые действия велись пока только на море. Квантунская армия на континенте сидела в своих МПД и не высывалась. Боялась нашей авиации.

* * *

— Что значит, завтракать не будешь? Даже кофе не попьешь?

— Тошнит меня что-то, Васенька. Что мы вчера на приеме ели?

Лицо у моей жены действительно было несколько бледным. Отравилась немного? Не должна. Да, конечно, у нее не такой луженый желудок, как у меня, который гвозди может переваривать, но все же... Повара в МИДе имеют высокую квалификацию и прошли тщательную проверку в СГБ. Некачественных продуктов у нас теоретически быть не может. А не туплю ли я?

— Галка, родная, а у тебя, случаем, задержки нет?

Задумалась, пошмыгала носиком, потупилась и виновато сообщила:

— Есть. Почти три недели уже.

А вот сам не понимаю, что со мной! Подхватил жену на руки и кручусь с ней по комнате. Не очень вовремя, но как же здорово! Галинке ведь учиться и учиться. Ничего, успеет еще. Куда она у меня денется...

* * *

— Нет, все, вплоть до последнего стандарта, должно быть советским, — ишь, чего выдумали, на греческом Кипре оставить правый руль.

— Вася, но это же не наша страна.

³⁹ *Нейро-лингвистическое программирование*

⁴⁰ *Авианосная ударная группировка*

— Ну и что? А зачем у тебя, Егор, агенты влияния? Пусть в газетах тиснут пару статей со сравнением имеющихся там автомобилей и наших, готовящихся к выпуску моделей. И не забудут упомянуть при этом, что машин с правым рулем мы выпускать не будем. И в Америку надо поставлять все оборудование только с метрической резьбой. Они вообще должны забыть, что такое дюйм, — мы договорились со Штатами о продаже им лицензий на производство цветных кинескопов. Даже три технологические линии обещали туда поставить. Правда, не за наличку, а за приличную долю в предприятиях. Курс на насаждение наших стандартов по всему миру был взят достаточно жесткий. От норм прочности до ширины железнодорожной колеи.

— И чего ты лыбишься? Доложили уже? — Галинка сегодня была у врача, и наши подозрения успешно подтвердились. О чем она, очень довольная, тут же и сообщила мне по телефону.

— Конечно. Так что я тебя поздравляю, — во, облапил-то!

— Отпусти! Раздавишь же. Как был медведем, так и остался, — выдираюсь из его лап, но сам цвету как не знаю что.

— Извини. Но я ведь теперь вроде как дядей буду! — Нет, все-таки, если доходит до чего-то личного, то точно на его лице все прочитать, как на бумаге, можно. Видно, что по-настоящему рад за меня.

— Ладно, вечером поговорим и об этом. Приедете со Светкой? — Сестренка у меня молодец, учится в школе на отлично, и тоже, как моя жена, хочет программистом стать. Синельников ей понарасказывал про компьютеры и сети — загорелась. Желает быть сетевым дизайнером. Ох, не скоро еще те времена придут. Как раз институт закончить успеет. А может, все-таки раньше получится? Ведь у нас вся необходимая информация уже есть. И тупиковые пути нами заранее отбрасываются.

— Куда же мы денемся? — отвечает Егор и наконец-то усаживается в кресло.

— Что по Англии? — задаю я животрепещущий вопрос.

— Более-менее. Наше радиовещание на остров на всех диапазонах им заглушить полностью не удастся. Красным Крестом письма о том, как хорошо живет британским морякам и летчикам в нашем плену, доставляются вовремя. Народ правительством Уинстона Черчилля прилично недоволен. Да и средний класс без «файф о клок»⁴¹ жить не хочет, — наверное, это произошло впервые за несколько столетий, когда в Англии появился ощутимый недостаток чая. Блокада есть блокада. С профсоюзами работаем. Я считаю, что до падения правительства остались считанные дни.

— Твоими бы устами... Надоела эта война. Вроде бы недолго длится, но жутко надоела. А ведь нам еще японцев бить надо будет. А сколько уже человеческих жизней потеряно!

— Ну, по численности — вроде бы не так уж и много. Все-таки вступили мы в эту чертову войну неплохо подготовленные. Но ведь матерям, потерявшим сыновей, этого не скажешь. Да и в моей семье... Старший сводный брат Яков, старший названный брат Томик⁴², тоже погибший в первые дни войны, да и сам отец...

* * *

Все-таки разломал я и эту, усиленную, мою ласточку. Вот злость я научился сдерживать легко, а радость — не получается. Галинка умудрилась позвонить перед самым

⁴¹ Традиционная английская классическая церемония светского послеполуденного чаепития

⁴² В июле 1921 года при испытаниях аэромотора погуб товарищ Артем (Федор Сергеев), оставив малолетнего сына — тоже Артема. Иосиф Виссарионович усыновил мальчика. В семье Сталина его звали Томиком

тренировочным полетом и сообщила, что у нас будет девочка. Не знаю, как медики сумели выяснить при таком сроке, но факт есть факт. Осеннее небо у нас обычно закрыто тучами, но над слоем облачности на высоте пять тысяч метров ярко светило солнце, словно радуясь со мной моему счастью. Я и закрутился. Колька, почему-то всегда чувствующий мое настроение, отлетел в сторону и только язвительно комментировал мои выкрутасы по радио, не забывая периодически одергивать от слишком, по его мнению, крутых эволюций.

Правильный вираж с креном семьдесят пять градусов на приличной скорости. Перегрузка вжимает в кресло сотнями килограммов, но надо держать машину ровно, чтобы завершив круг, она встряхнулась, как жеребец, попав в свою собственную спутную струю⁴³. А затем крутая нисходящая бочка, когда скорость растет и сейчас вмажешь в кажущееся каменным облако. Но ныряешь в нее, в эту молочную белизну, и круто переламаешь траекторию вверх, вырываясь к солнцу. А под тобой огромная белая равнина облачности с выдающимися вверх клубящимися горными пиками. И зигзагом между ними не снижая скорости. Н-да, не рассчитал чуток. Все-таки знакопеременные перегрузки в тринадцать «же» даже для усиленного «Яка» многовато. Нет, силовой набор фюзеляжа из титановых сплавов не порвался, но его немного повело. Геометрия и аэродинамика самолета серьезно нарушены. Когда я понял, что машина практически неуправляема, спасти ее было уже поздно. Пришлось покинуть многострадальную ласточку. Ничего, записи «черных ящиков», давным-давно установленных на моей машине, принесут свою пользу нашей авиационной науке.

Опускаться на парашюте внутри облачности оказалось довольно неприятно. А когда показалась земля, высота была всего четыреста метров и отворачивать от маленького озера было уже поздно. Все-таки круглый спасательный парашют — это не похожее на прямоугольник крыло, на котором можно лететь почти горизонтально. Вот угораздило же меня угодить в это озеро. Исккупаться в первых числах ноября, пробив сапогами тонкую корочку льда — что может быть веселее? Особенно если учесть, что мгновенно промокший меховой комбинезон ощутимо тянет ко дну, а липкие в воде стропы почему-то пытаются спутаться. Выбрался на берег среди льдинок минут через пять и устроил себе пробежку до виднеющегося недалеко поселка, возле которого чадили остатки моего «Яка». Стакан беленькой «для сугреву», как выразился директор местного совхоза в заячьей ушанке набекрень, явно не помешал. Связь здесь была хорошая, ведь электрификацию и телефонизацию Московской области мы успели завершить еще до войны. Машины за мной, оказывается, уже вышли, а вертолет по такой погоде я выпускать запретил. Но больше всего мне пришлось пожалеть о неудачном полете часом спустя, когда озверевший Колька вымещал всю свою злость и недовольство на моих спине и заднице березовым веником в парилке пилотской бани в Кубинке...

* * *

Кабинет Черчилля подал в отставку четвертого, а уже утром пятого ноября новый премьер Великобритании Клемент Ричард Эттли, отказавшийся летом войти в профашистское правительство, вылетел в Москву на переговоры. В тот же вечер он согласился на все наши в общем-то достаточно мягкие условия. А затем заявил, что возглавляемое им лейбористское правительство берет курс на переход к мирной экономике и к социализму⁴⁴. Как выяснилось годы спустя, полностью социализм они не построили. Но в тот период правления лейбористов были национализированы Английский банк, угольная

⁴³ Спутный след или спутная струя — область завихрений воздуха, образующаяся сзади самолета. Попасть в собственный спутный след можно только при отличном выполнении «правильного виража».

⁴⁴ В нашей истории Эттли тоже такое заявлял от имени партии 27 мая 1947 года.

промышленность, производство железа и стали, средства связи, производство газа и электричества. Пятого августа сорок первого года вступила в силу единая система социального страхования, оформленная законами о национальном страховании, о безопасности на производстве, об оказании государственного вспомоществования, которые заменили прежнее законодательство о бедных. Был принят закон о национальном здравоохранении, по сути дела вводивший бесплатное медицинское обслуживание и передававший больницы, за редкими исключениями, в государственную собственность⁴⁵.

* * *

— Вася, ну почему, если что-то сделали плохо, то виноват персонально ты? — Галина только что вымыла голову и теперь сидит перед зеркалом на маленьком пуфике, сушит феном свою роскошную гриву, периодически выключая эту шумную машинку, чтобы задать мне вопрос и выслушать ответ.

— А кто же еще? Поздно предупредил. Плохо проконтролировал, — катастрофа разразилась десятого ноября. Землетрясение с эпицентром в Румынской ССР причинило огромные разрушения. Толчки силой до двух-трех баллов докатились даже до Москвы⁴⁶. Черт с ними, с разрушенными зданиями, но ведь были у нас и человеческие жертвы.

— Как это — поздно? За месяц говорил, я же прекрасно помню. Из Карпат в горах всех вывезли. Там ведь погибших нет. А то, что Георгиу-Деж всех цыган не вывез из Бая-Маре, разве это твоя вина? — спросила и опять включила этот гудящий фен.

Ответ ее не интересует. Когда это Галинка стала считать меня непогрешимым? После того, как рассказал ей все? Да нет, чуть ли не на следующий день после свадьбы. А ведь я столько ошибок делаю! И, что хуже всего, — ошибаюсь в людях. Вон, Мехлиса чуть не убрал, Георгиу-Дежа, наоборот, сразу нельзя было пускать руководить республикой. В Жданове прилично ошибся. Идеолог партии... Надо его снимать и подальше гнать. Пытается давить инициативу частных предпринимателей на корню. Не нравятся ему, видите ли, наши перемены. А с часовыми заводами как я лопухнулся? Хорошо, Лаврентий Павлович меня тогда на следующий день поправил. Ведь это в первую очередь подготовка кадров для высокоточного массового производства. Плюс мы же должны имидж наших структур поднимать. Ну как же в Советской армии без «Командирских» часов? В Аэрофлоте без «Полета»? Да и «Чайка» в Угличе никак лишней не будет. Н-да, многому мне еще надо научиться. Век живи — век учись. Похоже, мне предстоит буквально действовать по этой поговорке. Почти семь десятков лет там и сколько еще предстоит здесь?

Наконец-то фен выключен, и его вилка выдернута из розетки.

— Васенька, а то, что в войне победили, это чья заслуга? — смотрит своими невинными красивыми пронзительно-синими глазками, а в интонации явная хитринка.

— Станный вопрос. Конечно, основная заслуга — народа.

— А кто народом руководил? Кто сделал все необходимое? — Интересно, когда это она успела верхние пуговицы на халатике расстегнуть?

— Ну, так это еще отец все подготовил, — отвечаю, не отрывая взгляда от ее груди. Уж больно заманчивый вид открывается, — я-то здесь мало что успел сделать.

— А там? Только вот мне не говори, что ты к нашей общей победе никакого отношения не имеешь.

— Там? Может быть. А здесь мною еще очень мало сделано. Ну разве что Британию не разрешил бомбить. Осуществляю, так сказать, вместе с товарищами общее руководство. Все

⁴⁵ Все перечисленное действительно было сделано в реальной истории в период правления лейбористов во второй половине сороковых годов XX века.

⁴⁶ Реальное землетрясение в 1940 году

равно побеждает народ, вся держава, а никак не руководитель. Но, с другой стороны... Как еще можно возглавлять наш огромный Советский Союз, если не отождествлять себя со своим народом?

Н-да. А под халатиком-то у нас ничего нет! Хорошо видны налитые груди с яркими вишенками сосков. Галка ведь специально, стоя передо мной, наклоняется, якобы ей так удобнее укладывая свои волосы. Нет, сначала — желания женщины, разговоры потом. В первую очередь я расстегну все пуговицы и пройдуся губами сверху донизу. Животик у нас еще почти плоский. Халатик долой! Я немного полбуюсь своей милой, ее точеной фигуркой, а уже потом...

* * *

Проводить военный парад седьмого ноября я запретил. Только мирная демонстрация трудящихся. Стою теперь на трибуне Мавзолея и помахиваю рукой, изображая бурную радость. Вот закончится Вторая мировая война или, как ее здесь у нас называют, Великая Освободительная, тогда и будем праздновать. Вообще — не вижу смысла отмечать день революции, которая привела к кровавой Гражданской. Сколько жизней потеряла держава — это же с ума сойти можно! Впрочем, резко порядки менять нельзя. Все нужно делать постепенно и вовремя. Интересно, в том мире для меня главным праздником в году был день Победы. Ну, на Новый год с друзьями посидеть было неплохо. С семьей там, увы, не сложилось. День рождения? В детстве это, конечно, был главный праздник. Но с годами... Нет, там в последнее время я этот день не очень-то и любил, скорее, наоборот. Становился все ближе и ближе закат жизни — время, когда ты уже ничего не сможешь сделать ни для своей Родины, ни для немногих, увы, своих близких. Если вообще не станешь для них обузой. Там я до этого, слава богу (вот привязалась Васькина присказка! Ну неверующий я!) не дожил. А здесь? Здесь ко мне вернулась молодость. И день рождения я жду. Не столько свой, сколько Галинкин. Ведь делать подарки — это так приятно! У сестренки тоже день варенья — так я его называл в далеком детстве того мира — в феврале. У Егора в апреле, у Лаврентия Павловича в марте. У меня тоже. Мартовский кот, как иногда шутит жена. А отцу в декабре исполнилось бы шестьдесят один. Как мало он прожил... Вот кого надо прославлять, а то несут мои огромные портреты со всем иконостасом. А ведь страну создал отец, никак не я. О! Идея. Сделать день рождения папы государственным праздником — днем Державы. Плюсов полно! От меня внимание хоть немного отвлечь, пусть отца восхваляют, он заслужил. От седьмого ноября оттащить военный парад — акценты в мозгах сразу переключатся. Надо будет с Берией обсудить, ему виднее. Все-таки опыта публичного политика у меня маловато. Ух, какой красивый портрет Егора несут. Уже с четырьмя звездами вдоль погона. Когда узнали? Я же решение только вчера подписал. Вот у кого наград полно, и все честно заслуженные, не то что у меня. Сбивать самолеты противника — это работа летчика-истребителя. А вот разрабатывать, руководить и даже лично принимать участие в боевых операциях — это во много раз сложнее. Да и как организатор Синельников молодец. Развернулся он здорово. Притом — отличный профессионал в своем деле. Вот кто у нас публичный политик! Речи толкать научился, как Цицерон. А уж народ его любит... Не будь он женат на Светке, у его подъезда толпились бы девчонки со всего Советского Союза. Высокий (не то что я, мелкий. Причем, что в той, что в этой жизни), сильный, красивый. Ну, немного не лидер, как и маршал Берия. Но они оба исполнители, можно сказать, гениальные. Я за ними — как за каменной стеной. Каганович еще очень хорош. И как руководитель, и как публичный политик. Отнекивался вчера, речь праздничную произносить перед телекамерой сегодня не хотел. Ни фига, заставил я его. Надо вообще, к чертям, мне поменьше на экранах мелькать. А то будет культ личности. На хрен не надо...

* * *

— А если условно-досрочное освобождение? Без права выезда из державы до окончания срока, — я окинул взглядом всех, кто был на сегодняшнем совещании. Меня большинство явно не поняло. Пришлось пояснять: — Не для всех пленных, а только для тех, кого пропустят следственные органы СГБ и кто при этом, соответственно, даст подписку. Просто, с моей точки зрения, труд пленных неэффективен. У них относительно низкая производительность труда. А сколько среди них квалифицированных специалистов? Сколько хороших инженеров, станочников, строителей, водителей автомашин, поваров и, наконец, пивоваров? Я сам не большой любитель пива, но не один раз слышал, что его качество у нас, в Советском Союзе, явно не дотягивает до мировых стандартов.

— Рано тебе еще, Вася, на пиво налегать, но здесь ты, несомненно, прав, — усмехнулся Берия.

— Здесь есть еще один аспект, — решил добавить я, — подумайте сами, сколько из них пожелает остаться у нас навсегда после семи лет относительно свободной жизни? Ведь запрещать приезд семей к условно-досрочно освобожденным мы не будем. А за эти годы многие наверняка успеют построить себе нормальные дома, обжиться, обустроить хозяйство. А вот решать, кто останется, а кто — нет, будем уже мы.

В кабинете ненадолго повисла тишина. Предлагаемые мною перспективы возражений не вызвали.

— Хороших строителей у нас действительно не хватает. Тут я с вами, Василий Иосифович, полностью согласен, — еще бы Маленкову не соглашаться! Я на него взвалил все капитальное строительство в стране. Заводы, фабрики и основную заботу — жилье. Мы в средствах массовой информации особо не распространяемся, но курс на отдельную квартиру каждой семье в городе и на свой дом всем сельским жителям взяли жесткий. Нет, конечно, за пять лет вряд ли все население обеспечим, но вот за семь-десять — должны. В любом случае, я с Георгия Максимилиановича не слезу, пока не построим жилье каждому советскому человеку.

— А вы, товарищ Маленков, больше задействуйте наших новых подданных из Турецкой ССР. Нам в любом случае надо перемешивать как можно больше народы страны, — я стараюсь чаще применять среди руководства термин «подданные», а не «граждане», так как в новой Конституции собираюсь очень резко разграничить эти две категории нашего населения.

— Торопимся, товарищи, торопимся. Я в Турции еще не все основные магистрали на нашу колею успел перешить. Через пролив у Царьграда железнодорожных паромов у нас катастрофически мало. Только заказы на всех черноморских верфях разместили. А железной дороге через Грузинскую ССР не хватает пропускной способности. За считанные месяцы ее не увеличить. Туннели в Осетии держат, — это Каганович — наш дорожный царь и бог.

— Значит, придется больше задействовать морские пассажирские перевозки через Черное море. Судов у нас хватает, а экипажи набирайте среди пленных англичан, — заткнул я рот попытавшемуся что-то сказать моему премьеру Алексею Косыгину, — освобождайте под подписку, ставьте наших капитанов и работайте. В конце концов, это теперь наше внутреннее море, бежать им некуда. Да и вряд ли захотят.

Косыгин почесал свою умную голову и молча кивнул, соглашаясь.

— А вы, Лазарь Моисеевич, — повернулся я к Кагановичу, — все-таки поспешите с перешивкой. Как в Европе закончите, надо будет перекидывать оборудование и людей в Канаду и на Аляску. Там работы вообще непочатый край.

— Не беспокойтесь, Василий Иосифович. Я разместил заказы на новые перешивочные состав-комплексы для наших американских республик в Соединенных Штатах. А людей для них готовлю уже сейчас на работающей технике здесь. Для имеющихся комплексов у нас объем работы в Европе еще минимум на пару лет. Надо ведь помочь немецким товарищам. Да и правительство де Голля уже прислало запрос на подобные заказы на территории Франции. По расчетам экономистов, для них это обойдется почти вдвое дешевле, чем самим перешивать, при том, что и мы неплохо заработаем.

Вот ведь жук усатый! «Наш пострел везде поспел!» Самому, что ли, усы завести? Галинке, интересно, понравится? Какие у отца усы были красивые... А уж у дяди Семы, как я в детстве называл Буденного, вообще сказка. Нельзя. Устав ВВС запрещает. Иначе как кислородная маска к лицу плотно прилегать будет?

* * *

— Что будем делать с японцами?

— Как что? Бить будем, — с воодушевлением сказал Синельников.

Н-да. Даже Егор меня не понимает.

— Понимаешь, Япония... Там ведь все по-другому. Совершенно другая психология. Уже сейчас совершенно понятно, что войну они проиграли. Мы полностью отрезали их от континента и островов. У них нет сырья, нет нефти, не хватает продовольствия, но они даже не думают сдаваться. Японцы будут биться до последнего солдата. Сейчас, пока мы работаем только авиацией, которая имеет очень большое качественное преимущество, и подводными лодками, война идет более-менее по европейским правилам. Но стоит нам вступить в противоборство с их сухопутными силами, начать наступление... Нет, мы, конечно, победим, тут сомнений никаких нет, но потери с нашей стороны будут на порядок больше, чем во всей уже прошедшей войне на континенте. В общем, кровью умоемся. А оно нам надо?

— Тотальные бомбардировки, как американцы с англичанами в том мире в Дрездене сделали?

Геноцид? Мало того что я никогда не отдам такой приказ, так ведь наши собственные воины и командиры нас не поймут. Мы слишком долго вбивали в них человеческие ценности. Воюем против фашизма, а не против дружественного нам немецкого народа. Против колониализма и буржуазного империализма, а не против британцев. Ну и так далее. Нет, это не вариант. Думать надо. Требуется что-то такое, что не пойдет против их самурайской гордости.

* * *

Моя Галка стала секс-символом Америки? Аф-фигеть! Эта их гребаная пуританская мораль! У нас в России еще совсем недавно мылись в общих банях. В деревнях это и сейчас в пределах нормы. Ну любят здесь люди быть чистыми! Поэтому обнаженное тело до сих пор не является чем-то таким уж совсем запретным. Это ведь нормально, когда кормящая мать дает грудь ребенку прямо на скамейке общественного парка. Да и смотрят больше не на нее, а на дите, умиляясь его розовощекому виду. Да и мода, контрабандно протасенная сюда Катенькой Викентьевой и Ольгой Шлоссер, прижилась практически мгновенно. Короткие юбочки или брючки в обтяжку. Голый пупок и полуголая грудь. Даже на пригородных пляжах под Москвой частенько можно увидеть и девчонок, и женщин в возрасте, загорающих топлес, то бишь с голой грудью. А у них там, за океаном, такое не принято. Когда какая-то журналистская сволочь засняла мою Галинку во вполне пристойном купальнике-бикини, купающуюся в теплых волнах Средиземного моря под Каннами во время бархатного сезона, где де Голль предоставил нам государственную виллу на время неофициального визита, эта киноплёнка вызвала жуткий ажиотаж почему-то именно в Штатах. Снимали с помощью очень мощного телеобъектива, и плёнка была довольно мелкозернистая, поэтому перепутать мою красавицу ни с кем было нельзя. А «всплыла» эта киноплёнка почему-то только сейчас.

Специалисты Егора не смогли найти оригинала, но качественную копию мы просмотрели очень тщательно. Никакого реального компромата на мою жену не нашли. Я попытался посмотреть на эти кадры как бы со стороны. Очень красивая и, действительно, довольно сексуально выглядящая молодая женщина. Черт с ними, с американцами! Да и со

всем миром, куда эта пленка попадет. Пускай любуются на мою благоверную. Не голая же она здесь, в конце концов. Но в нашей стране закон о неприкосновенности частной жизни придется принять. Это ведь любую нашу подданную можно так сфотографировать или снять на кинокамеру. А если ей будет неприятно? Через несколько лет в продаже появится малогабаритная цифровая фото- и видеотехника. Информационная сеть будет работать. А ведь контролировать передачу по сети информации и изображений в том числе — очень непросто. Обязательно примем необходимый закон! Более того, попробуем нажать на все правительства через ООН. Это ведь этика. Пусть принимают подобные законы у себя.

Я еще раз посмотрел на застывшее на экране изображение своей жены. Пленка была остановлена в тот момент, когда Галинка выходила из воды. Неподвижные капли воды соблазнительно обрисовывали эффектную полную грудь. Совсем еще незаметный тогда животик сейчас был ощутимо больше. Но все равно оставался очень соблазнительным. А нам ведь еще можно! Срок беременности еще не такой большой. Что значит — можно? Нужно! Выключил киноаппарат, попрощался с хохочущим Егором — вот ведь гад, все он понял — и поехал домой, попросив водителя поднажать. Галина ждет меня. В этом я уверен на все сто! Не стоит ее разочаровывать...

* * *

— Разведка и еще раз разведка. Немедленное уничтожение штабов точечными авиаударами. Уничтожать линии связи. Не скупиться и начать массовое применение ракет авиационного базирования для нанесения ударов по радиопередатчикам, — мы достаточно быстро развернули производство ракет со специальной головкой самонаведения на источник радиосигнала. Тонкая, всего двести двадцать миллиметров, но довольно длинная — под три метра — сигара, выпущенная на высоте не менее трех тысяч метров, летела на сверхзвуковой скорости и уверенно поражала даже относительно слабые японские передатчики на дальности до двадцати километров. Задача была поставлена однозначно — лишить Квантунскую армию управления. Пока не такая уж и маленькая Советская армия — почти миллион человек личного состава — перемещалась на восток, значительно более мобильная ее часть — ВВС, уже начала свою работу. Пограничные части войск СГБ стояли... нет, не намертво. Твердо — это будет более правильное определение. Наши потери при редких попытках Квантунской армии атаковать были минимальны. Противник немедленно подавлялся сосредоточенными ударами авиации и ствольной и реактивной артиллерией. Мы вовремя успели насытить Дальний Восток и, в первую очередь, Монгольскую ССР необходимой военной техникой.

* * *

Нет, если талантливым людям дано от рождения, а им еще предоставить возможность хорошо развернуться... Да уж, насколько я разбираюсь в перспективах космонавтики, но Королев, Браун и Лозино-Лозинский сумели удивить даже меня. Два варианта. Первый... Нет, это был не «Спейс-шатл». Значительно меньше. Совсем маленький «Лапоть»⁴⁷ с большим одноразовым баком и два «Тополя» в качестве твердотопливных ускорителей. Унификация значительно снижает цену. А если учесть перспективу частых запусков, то это имеет приличное значение. Два пилота, маленький шлюз — можно было отрабатывать выход в открытый космос — и от четырехсот килограммов до тонны полезного груза, в зависимости от необходимой высоты орбиты. По внешнему виду многоразовый кораблик немного напоминал «Спираль» того мира. Самый натуральный орбитальный самолет с управляемой посадкой на обычные аэродромы. Причем устраивала даже полоса класса «Б».

⁴⁷ Называют так из-за характерной формы многоразового спускаемого аппарата

То есть от двух тысяч шестисот метров по длине, при ширине не менее сорока пяти. А у нас взлетно-посадочных полос класса «А» вполне хватает. Готовность системы к запуску — один час. Если сюда добавить, что после разработки и создания сверхзвуковых бомбардировщиков эту штуку можно было использовать с воздушного старта... Фантастика! Сейчас, пока у нас нет еще кварцевой пенокерамики, даже модели испытывать было нельзя, но ведь заводы уже строятся.

А вот второй вариант... В принципе это была МАКС⁴⁸, то есть одна из последних разработок того Советского Союза, но какая! Как здорово переосмысленная! Сверхзвуковой носитель со взлетной массой под тысячу тонн. Уже на высоте двадцать пять тысяч метров с него стартует на орбиту что-то типа «Бурана», встроенного сзади в длиннющий круглый бак с горючим и окислителем. Только на низком участке орбиты бак лопался под действием специальных зарядов и разлетался сегментами в стороны. Причем самих орбитальных аппаратов было предусмотрено три типа. Первый — с большой кабиной экипажа на восемь человек, орбитальным отсеком и стыковочным узлом — до четырех тонн полезной нагрузки мог поднимать на орбиту. Второй тип — смешанный универсальный. Три человека экипаж, стыковочный узел, огромный негерметичный отсек с раскрываемыми створками и до семнадцати тонн полезного груза. А вот третий был беспилотным. Точнее, там вообще был совершенно другой корабль. На Землю возвращалась по баллистической траектории только самая ценная часть — двигатели с системой управления. Зато масса выводимой на орбиту нагрузки — до сорока трех тонн! Два таких пуска, и можно лететь на Луну. Пяток — и можно задумываться о Марсе. Ну как минимум об автоматических системах его исследования. Стыковку аппаратов на орбите Земли мы наверняка освоим достаточно быстро. Причем и этот тяжелый корабль на первом этапе планировалось использовать с вертикальным стартом, так как разработка и создание сверхзвукового носителя — это достаточно длительный процесс. Вот только в качестве первой ступени этого громадного корабля при наземном пуске будут использоваться две «Сатаны» с жидкотопливными двигателями.

И к обоим вариантам были приложены экономические расчеты. Если первый уже был дешевле любого пилотируемого варианта того мира, то второй при максимальной нагрузке был с этой точки зрения вообще сказочным. Сколько уйдет времени на параллельную разработку, изготовление, испытание и доводку обоих вариантов, я не знал. Вся теория, весь багаж знаний двадцать первого века по космонавтике у нас здесь был. Вплоть до чертежей лучших ракетных двигателей оттуда и всех необходимых технологий.

Не было у меня слов, чтобы что-то ответить на вопросительные взгляды ученых-конструкторов. Я просто взял и красным фломастером прямо на обложке папки крупно написал: «Звереву: Немедленное финансирование без ограничений! В. И. Сталин».

Глава 8

Мы не успели подтянуть на Дальний Восток все необходимые для наступления войска Советской армии, как с японской стороны поступило предложение о переговорах на высшем уровне. Причем не на уровне премьеров или министров иностранных дел, а именно руководителей государств. Кажется, японцы поняли бесперспективность войны.

— Ты уверен, что они не решатся на захват или уничтожение? — Лаврентий Павлович явно нервничал.

— Никогда! Никогда они не пойдут на такое. — Вот как мне ему объяснить? В конце концов, наша агентура точно подтвердила, что Микадо сам вышел в море на этом корабле. Было у Синельникова достаточно китайцев и корейцев, работавших на СГБ не за деньги, а за

⁴⁸ Многоцветная авиационно-космическая система. Разработка под руководством Глеба Евгеньевича Лозино-Лозинского (25.12.1909 — 28.11.2001).

идею. Да и информация Рихарда Зорге, нашего основного резидента в Токио, соответствовала остальным разведанным из Японии. То есть стандартная перекрестная проверка подтвердила отсутствие дезинформации.

Авианосец императорского флота «Сёкаку» (Парящий журавль). Самый большой в мире авианесущий корабль специальной постройки на текущий момент, только этим летом вступивший в строй. Водоизмещение — почти тридцать тысяч тонн. Четыре паровых турбины суммарной мощностью сто пятьдесят три тысячи лошадиных сил могли достаточно быстро разогнать его до тридцати четырех узлов. Но сейчас корабль неподвижно стоял почти по центру Японского моря в гордом одиночестве. Только высоко в небе кружили два советских разведчика, когда на дистанции пяти кабельтовых с разных сторон неожиданно всплыли сразу три подводных крейсера типа «Мурманчанка». Так здесь называют корабли, построенные по проекту-636 того мира. Всплыли, постояли десять минут и опять ушли под воду, немедленно исчезнув для японских моряков полностью. Слишком тихий у них был ход, чтобы акустическая аппаратура противника могла засечь эти подводные лодки даже на перископной глубине. Еще через пятнадцать минут показались шесть спарок — учебно-боевых двухместных истребителей Як-3. Первая пара с ходу уступом зашла на посадку, так как широкая палуба авианосца вполне позволяла советским истребителям садиться попарно. С громким ревом реверсируемой силовой установки⁴⁹ они затормозили, не докатившись около сорока метров до конца стальной взлетно-посадочной полосы, затем уже подрулили к самой ее оконечности и развернулись. Через несколько минут уже вся маленькая группа «Яков» стояла с заглушёнными моторами на палубе авианосца. Четверо пилотов в теплых меховых комбинезонах направились к островной надстройке, мягко ступая унтами по металлу. У двоих в руках были большие баулы.

Переодевшись в маленькой каюте, мы в сопровождении выделенного японского офицера проследовали в небольшую кают-компанию, или как у них еще называется это помещение. Н-да, а ведь по японским понятиям то, что я прибыл на их территорию, означает мое подчиненное, то бишь вассальное, положение. А вот фиг вам! Это еще вопрос, кому принадлежит этот авианосец. Вокруг — мои подлодки, а в небе вне пределов прямой видимости самолеты с крылатыми противокорабельными ракетами. Утопить эту посудину — дело нескольких минут. Впрочем, их Микадо прекрасно понимает положение. Иначе не согласился бы на встречу тет-а-тет⁵⁰ на борту авианосца.

Сто двадцать четвертый император Японии Сёва, что означает «Просвещенный мир». Мы были несколько похожи фигурами. Оба невысокие и стройные. Только я был в парадной форме, а он в традиционном императорском сумаховом кимоно. Лицо абсолютно непроницаемое. Специалисты ПГУ СГБ⁵¹ строго-настрого предупредили, что просто давить на Микадо нельзя ни в коем случае. Надо бить на логику и взаимное уважение. Этот их чертов самурайский кодекс. «Восток — дело тонкое», — вспомнилась мне знаменитая фраза Сухова из «Белого солнца пустыни». И чего здесь тонкого? Империя Восходящего солнца полностью отрезана от материка. Надвигается голод, ведь без продуктов с континента прокормить свое население острова не способны. Военный флот, за редким исключением, уничтожен. Войска на материке, оторванные от островных заводов, производящих боеприпасы, долго не продержатся. На континенте все военные производства мы разбомбили. Основные запасы миллионной Квантунской армии тоже уничтожены советской авиацией. Часть штабов наши летчики разнесли в пыль. Перспективы дальнейшей войны — только на самоуничтожение. Да и японцы не являются дураками, чтобы не понимать этого,

⁴⁹ *Ревёрс на винтомоторных самолетах осуществляется поворотом лопастей винта на зафлюгерный угол*

⁵⁰ *Один на один*

⁵¹ *Первое главное управление Службы Государственной Безопасности — внешняя разведка*

раз сами предложили переговоры.

Мы будем говорить по-английски, как следствие, я решил обращаться к императору по званию, присвоенному британцами еще в тридцатом году. Соответственно, его величество вынужден будет называть меня полковником. А это значительно ниже его ранга. Попробую так изъяснить уважение к царствующей особе. Мне-то самому звание — до лампочки.

— Здравствуйте, господин фельдмаршал.

— Здравствуйте, господин полковник.

На его лице не проскользнуло даже намек на хоть какое-то дружелюбие. Оно оставалось все таким же холодным и бесстрастным. Он вежливо указал на кресло и, дождавшись, когда я сяду, сел сам.

— Чай, кофе, сок, крепкие напитки?

— Всегда хотел попробовать ваше знаменитое саке, но у нас сейчас временные затруднения с доставкой. Вот о них-то я и хотел с вами поговорить.

Он наконец-то еле заметно улыбнулся. Нет, заметить это мог только я с моими обостренными чувствами. Ага, значит, ничто человеческое ему не чуждо. В конце концов, Микадо немало поездил по миру, будучи принцем, и, вероятно, сам прекрасно понимает ситуацию.

— Холодное или подогреть?

О! Я всегда считал, что саке пьют только горячим.

— А что вы порекомендуете для первого раза, господин фельдмаршал?

Император не ответил, но распорядился, и нам тут же принесли и разлили в маленькие чашечки без ручек заказанное. Это оказался слабенький — градусов пятнадцать — прозрачный сладковатый напиток. Холодный — вполне даже ничего. И почему у нас саке называют рисовой водкой? Скорее — рисовый ликер. Пока происходила дегустация, Сёва молчал, но после того, как я промокнул губы салфеткой, спросил:

— Итак, ваши предложения?

— Практически безоговорочная капитуляция, но без последующего изменения внутривластного устройства Японии. Временный запрет на полноценные вооруженные силы и военный флот. Минимум пять лет — контроль внутренней политики. Уничтожение «Отряда семьсот тридцать один» и ему подобных без суда и следствия.

При моих последних словах его глаза еще больше сузились. Вероятно, это была последняя надежда отомстить американцам. Впрочем, остальные мои рассуждения о сложившейся ситуации он воспринял почти благосклонно. Я свалил всю вину на японскую военщину и показал, что другого выхода нет. Это ведь не лично его вина, а милитаристского правительства, развязавшего войну. И теперь необходимо сделать все, чтобы спасти как можно больше народа, так как перспектив эта война не имеет. Да, конечно, теперь придется Стране восходящего солнца рассчитываться за ошибки кабинета министров, в том числе территориями. А ведь это значительно меньшие потери, чем миллионы человеческих жизней и затем все те же уступки земель. Но наверняка в значительно больших размерах.

— И каковы будут территориальные потери? — спросил император, когда я сделал паузу.

Я обрисовал все точно так же, как в том мире сделал отец, то есть все Курилы и Сахалин, добавив полную принадлежность Охотского моря Советскому Союзу, за исключением двенадцатимильной зоны у северо-восточного побережья острова Хоккайдо. И, конечно, Японии полностью придется уйти с материка. Это не обсуждается.

— Альтернатива? — он был очень краток.

Ох уж эта мне восточная сдержанность!.. Я, можно сказать, соловьем разливаюсь, а он еще выпендривается.

— Прекращение существования единого государства как такового. Каждый остров — своя республика. Причем на многие десятилетия, если не навсегда, без права существования военного флота, — я не стал вслух говорить о вероятном заключении его самого в тюрьму на долгие годы.

Удержать Микадо от суицида в этом случае будет невозможно. Правительство правительством, но определенная доля вины самого императора в сложившейся ситуации есть. Но кому от этого станет лучше? Ведь должен же он думать о своем народе, а не только о своей личной чести.

— И, что будет, вероятно, неизбежным в данном случае, полный контроль японской промышленности с нашей стороны. То есть вашей стране уже никогда не стать полноценным торговым партнером на международных рынках.

Последнее предложение ему явно не понравилось. Я еще долго распространялся на эту тему, делая упор на возможное возрождение Японии как великой державы. Но не военной, а научно-технической. Процветание будет опираться на мир. Советский Союз в этом случае обязуется поставлять Японии продовольствие и сырье в обмен на промышленные товары. Не знаю, на какой струнке мне удалось сыграть, но решение он принял. Император понял, что желания у нас обоих, в общем-то, одинаковые. Не мериться силой духа и оружия, а закончить войну с меньшими потерями для обеих держав.

И почему специалисты-политологи утверждали, что у Микадо мало реальной власти? Во всяком случае, головы в Стране восходящего солнца полетели. И не только в переносном смысле, а в прямом тоже. Так как в ритуальной церемонии сэппуку после вспарывания живота близкий друг самоубийцы отрубал ему мечом голову.

Фумимаро Коноэ, премьер-министр Японии, подписал капитуляцию через двое суток после прокатившейся по стране волны самоубийств. И сам озвучил ее перед теле- и кинокамерами. После чего совершил ритуальное харакири, взрезав себе живот кинжалом, но уже без свидетелей.

Островная империя сдалась практически сразу. Нет, Квантунская армия на континенте еще недельку пыталась сопротивляться, но массированные бомбардировки с применением ОДАБ и напалма (в первую очередь — по расположениям складов и штабов) быстро заставили японских генералов одуматься и поверить в приказы верховного командования Японии.

Неужели война закончилась? Победа!!!

* * *

Парад победы... Черт, даже не знаю, как выразить свои чувства. Я назначил его на субботу, двадцать первое. Вот так взял и связал с днем рождения отца. Маленькая война. Маленькая по времени боевых действий, но никак не по итогам. Это, наверное, даже хорошо, что никто не знает в этом мире, какая она могла тут быть. Там суммарные потери оцениваются около семидесяти миллионов человек, из которых две трети — мирные жители. Здесь — меньше полутора миллионов. Причем большинство — именно солдаты. У нас, в Советском Союзе, практически одни только воины. Девяносто три тысячи жизней молодых парней. Они погибли за правое дело. Погибли, но мы их никогда не забудем. Назовем их именами улицы и города, корабли и маленькие планеты, которые наши астрономы еще откроют. Я прикажу создать специальную комиссию, которая будет следить за названиями всего нового, пока каждый погибший воин не будет увековечен.

Мы же... Даже если мы ничего больше не сделаем, можно считать проект «Зверь» на сто, нет, на тысячу процентов успешным. Двадцать шесть миллионов жизней советских людей⁵² — это много. Это очень много. А сейчас... Заперлись в кабинете Синельникова на Лубянке и пили. За окном расцветали пышные султаны фейерверков праздничного салюта. Тысяча артиллерийских орудий⁵³ ПВО стреляли специальными снарядами в небо Москвы.

⁵² Именно в это число оцениваются потери Советского Союза во Второй мировой войне

⁵³ 9 мая 1946 года, вечером в Москве был дан Салют Победы, самый масштабный в истории СССР: из тысячи орудий было дано тридцать залпов.

Разноцветные отсветы играли на наших лицах, бутылках и граненых стаканах. А мы с Егором пили. Он, наверное, взял пример с Викентьева. Огромный холодильник стоял за шторкой в углу кабинета. Мы пили холодную водку стаканами и не могли опьянеть. Пили, вспоминали, как все это было, и снова пили. За гениев Димку и Кольку, за Юрку Викентьева, который мгновенно сообразил, что из дикого эксперимента молодых ученых может получиться, и возглавил проект, за Ольгу Шлоссер, которая продолжила дело отца и как при этом здорово справилась. За Катеньку Зосницкую-Викентьеву, умницу, столько сделавшую для нас всех. За сотни инженеров, работавших в «Звере». И тысячи, которые работали на проект, не зная этого. Это они модернизировали послевоенную технику того мира методами двадцать первого века. Модернизировали так, что она стала лучше, надежней и проще в изготовлении. Дешевле, в конце концов. Даже за руководство ФСБ и Российской Федерации выпили. Ведь, пусть они для себя усердствовали, но организовали проект и дали нам возможность нормально работать. Ну, за себя тоже немного приняли. Все-таки мы немало поработали. Для Егора это было больше трех лет непрерывной работы не за страх, а за совесть. Да и я более-менее постарался. За наших девчонок выпили. Ну куда же мы без них?! Когда в дверь стучались, мы немного, но достаточно громко ругались, и с той стороны сразу же успокаивались. Впрочем, за наших ребят здесь мы тоже выпили. И даже спели. А уж за Лаврентия Павловича приняли прилично! Кажется, мы впервые в этом мире сумели надратся. Совсем ненадолго. Главное — это качественно закусывать...

* * *

— В принципе, все, что ты собрался делать, я уже понял, — Берия, как всегда, был строг, деловит и собран. — Не скажу, что со всем согласен, но, вероятно, тебе видней. Сейчас меня интересует только одно: как конкретно ты собираешься поступить с членами партии?

Какой партии — он пояснять не стал.

— А никак, — я достал сигареты и закурил, — все будет зависеть от позиции каждого отдельного коммуниста. Точнее, не от позиции, а от действий. Если не будут мешать нам строить светлое будущее, — усмешка, надеюсь, достаточно точно объясняла мое отношение к этому термину, — пусть думают, о чем хотят. А вот если будут мешать на словах или, хуже того, саботировать, тогда это уже ваша забота, Лаврентий Павлович, — лучшего министра внутренних дел мне не найти, это точно, — и Синельникова. В общем-то, разобраться, кто с нами, а кто не очень, будет достаточно просто. Кто примет Присягу Гражданина — тот наш.

— Что за присягу?

— Надо будет подобрать такой текст, чтобы годился и для армии, и для мирной жизни. Не принявший присягу — не гражданин, а только подданный Страны Советов. Следовательно, не имеет избирательных прав и права на ношение оружия. Не может работать в государственных организациях на самой маленькой руководящей должности. Мы просто закрепим права и обязанности граждан. Что-то типа кодекса строителя коммунизма.

— Подожди, — Берия был явно удивлен, здесь этот кодекс еще даже не придумали, но текст его был маршалу известен из того документа, — ты хочешь, с одной стороны, запретить компартию, а с другой — возложить нравственную ответственность за лучшее будущее на весь народ?

— Ну, во-первых, не только КПСС, а потом... Лаврентий Павлович, ну не сможем мы вдвоем, ладно, втроем — Синельников ведь с нами — построить это лучшее будущее. Работать должны над этим все. Принимать важные решения — тоже все. Следовательно, и отвечать за содеянное будем вместе. Каждый на своем уровне. Соответственно образованию, таланту и своей работе.

— А вот сам аппарат КПСС, — после некоторой паузы продолжил я, — старую

гвардию придется убрать на всех уровнях. Причем основную чистку сделаем именно на уровне низовых партийных организаций и в среднем звене. Нет, — остановил я порывавшегося что-то сказать Берию, — нет, не физически убирать, а вычистить их из аппарата. Достойные пойдут в государственные органы власти. Те, кто не очень... Ну, без работы не останется никто. У нас достаточно приличный недостаток грамотных специалистов на всех уровнях народного хозяйства.

Маршал задумался. Я курил и уже понимал, что все получилось. Что Берия все понял и смирился с грядущим роспуском партии. Лучшее от нее мы и так возьмем, а плохое уйдет вместе с ней.

— По сути, ты собрался весь народ в одну партию загнать?

— Ни в коем случае! Более того, мы должны не только заявить в Конституции, но и подтвердить делом, что закон будет защищать все население Советского Союза одинаково, вне зависимости от того, гражданин он или только подданный. А вот ответственность за нарушение закона будет разная. Для гражданина — более серьезная. Нам ведь еще предстоит тяжелейшая борьба с коррупцией. А в предлагаемом устройстве власти взяточниками могут быть только граждане. Ну и... В конце концов все будут начинать именно с подданства, ведь присягу сможет давать только совершеннолетний.

Берия задумался, а затем неожиданно улыбнулся:

— Давать присягу? Не принимать?

— Именно! — я ответил своему старшему другу такой же открытой улыбкой.

* * *

Броня крепка, и танки наши быстры,
И наши люди мужеством полны.
В строю стоят советские танкисты -
Своей великой Родины сыны.

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин,
И первый маршал в бой нас поведет.

Т-55, свежеокрашенные, но с выщербинами на броне, шли и шли стройными рядами по Красной площади. Стабилизаторы пушек были включены, и стволы были направлены строго вперед, несмотря на покачивания грозных машин. Не знаю, кто режиссировал Парад Победы, но было задумано все очень здорово. Ничуть не хуже, чем на Первое мая здесь же с жутко устаревшей техникой. Отличные танки к параду специально не готовили. На торжественное прохождение пришли только участвовавшие в боевых действиях машины. Нет, знамена поверженных врагов к подножию Мавзолея, на трибуне которого я стоял, никто не бросал. Не было у нас больше врагов. Поочередно шла техника и стройные ряды воинов в парадной форме. Я держал ладонь у виска, отдавая честь героям Великой Освободительной войны, а они... Они отдавали честь не мне, а отцу. Каждое подразделение останавливалось строго напротив могилы Иосифа Виссарионовича Сталина и замирало ровно на шестьдесят секунд, склонив свое знамя к мраморной плите. Только после этой минуты памяти и почтения войска двигались дальше.

Дивизион реактивной артиллерии БМ-21 «Град». «Уралы» тоже были несколько обшарпанные. Некоторые с вмятинами на кабинах. Но вот воины в них были brave. Все автомобили как один замерли и опустили поднятые до того пакеты направляющих. Через минуту все в том же ровном строю машины двинулись к выходу с площади. А на смену им появилась колонна пограничников в фуражках с зелеными околышами. Это они на некоторых участках фронта сдержали первый, самый тяжелый удар противника. Затем...

Пара тяжелых ударных вертолетов Ми-4 с подвешенными на пилонах контейнерами смертоносных НУРСов, расшвыривая несущими винтами потоки воздуха вместе с редким снегом во все стороны, сели в центре Красной площади. Из них выскочили несколько десантников, пригибаясь под ураганным ветром, отбежали на пару десятков метров и, развернув красное полотнище, четко печатая шаг, подошли к могильной плите. Знамя ВДВ к могиле моего отца склонил Герой Советского Союза генерал-лейтенант Василий Маргелов. Он лично высаживался со своими доблестными воинами в Иране. Под его непосредственным руководством брали Оттаву и Тегеран. Вертолеты взлетели, а по площади ровными рядами маршировала в лихо заломленных кубанках с красным верхом, положив руки на АК-104, элита Советской армии — воздушно-десантные войска. Строй остановился, дождался, когда во главе встанут знаменосцы, и двинулся дальше. А на площадь уже въезжали, гремя гусеницами, знаменитые «Шилки». Боевые машины ПВО, застыв строго напротив могильной плиты, синхронно опустили свои счетверенные двадцатитрехмиллиметровые скорострельные пушки. Ровно через минуту лязг гусениц возобновился.

По Красной площади шли, сменяя друг друга, сводные полки фронтов и боевая техника. Мобильные радиолокаторы на Кразах и самоходные артиллерийские системы. От относительно легких плавающих 2С1 «Гвоздик» со ста двадцатидвухмиллиметровыми стволами до мощных 2С3 «Акаций» и дальнобойных 2С5 «Гиацинтов-С». Вслед за БМП и БТР мотострелков проплыли тяжелые пусковые установки с «Термитами» береговых противокорабельных ракетных комплексов 4К51 «Рубеж». Прошли моряки в своих черных бушлатах и летчики в синих шинелях. А затем... Низко, казалось, сейчас заденут рубиновые звезды на башнях Кремля, промчались своими горбатыми силуэтами штурмовики Ил-10. Гул самолетных винтов прокатился по главной площади страны и исчез. Также неожиданно эти бронированные машины поля боя наносили свои стремительные удары по противнику и улетали, не имея собственных потерь. Истребителей противника в небе они не боялись, защищенные своими пушками впереди и крупнокалиберными пулеметами сзади. Впрочем, без прикрытия «Яков» на фронте они не работали. А лучшего истребителя, чем Як-3, на сегодня в мире не было. Сейчас эти маленькие, но грозные пушечные самолеты пролетели над Москвой тремя колоннами. Все жители нашей столицы наверняка смотрели в этот момент в холодное декабрьское небо и любовались на пролет лучших асов планеты. В воздухе были только Герои Советского Союза. Впереди центральной колонны летела пара Рычагов — Покрышкин. Конечно, самих пилотов не было видно, но Левитан объявил своим знаменитым на весь мир голосом, кто возглавляет истребительный строй. Многочисленные кино- и телекамеры снимали все это грандиозное действо.

Я стоял, задрав голову, на трибуне Мавзолея между маршалом Берией и генералом армии Синельниковым. Егор возвышался надо мной, как пожарная каланча. В груди было очень горячее чувство. Мы победили! Годы работы не прошли даром. Вся страна, каждый советский человек вложили свой труд, а многие — саму жизнь в эту победу! За истребителями в московском небе пролетели двухмоторные Ту-10. Универсальная боевая машина. Высотный разведчик и пикирующий бомбардировщик, машина радиоэлектронной борьбы, глушащая любой вражеский диапазон. А выше в небе уже проплывали огромные четырехмоторные Ту-4. Стратегический бомбардировщик и носитель ядерного оружия. Впрочем, об этом говорить пока еще рано.

Этот день, двадцать первое декабря, теперь станет главным праздником Страны Советов. День Победы и день рождения великого человека.

Прямо напротив Мавзолея на здании ЦУМа висел огромный портрет отца. Мы очень долго решали эту проблему. Решали на ГКО и в спорах дома. Даже Светлану Синельникову привлекли. Сестренка тоже имеет право голоса в этом вопросе. Все-таки мы нашли правильное решение. На этом самом большом в мире портрете Иосиф Виссарионович Сталин улыбался. Улыбался мне и всему нашему народу...

— Простота, изящество, и упаси боже — обвешиваться цацками. Поняла, как нужно влиять на Светку?

Галина, соглашаясь, кивнула головой. Она у меня умница. Понимает прекрасно, что ей я такого говорить никогда не буду. Но вот «на ус» обязательно наматает. Впрочем, вкус у моей жены и так есть. Не зря говорят, что человек редко бывает талантлив в чем-то одном. Платья на официальные приемы Галинка выбирает длинные. Цвета своей одежды — очень мягкие. Всегда спрашивает, если мы идем куда-то вместе, в чем я буду, чтобы гармонировало. И как-то умудряется выглядеть на первый взгляд скромно и в то же время по-королевски. Вот откуда это в простой советской девчонке? Откуда свое, частенько очень интересное мнение на многое, происходящее сейчас в стране и на всей планете? Похоже, по большей части то, что писалось в том мире в конце двадцатого и начале двадцать первого века о времени Второй мировой войны, мягко говоря, не соответствует действительности. Менталитет у народа совершенно другой. Очень резкое разграничение настроений. То ли наша пропаганда так хорошо работает, то ли существенный рост уровня жизни влияет, но патриотизм населения чувствуется приличный. Вот только славили бы меня поменьше, было бы совсем хорошо.

— Вася... — Галинка явно хотела спросить что-то такое, на что раньше не решалась, — Васенька, а крестик под одеждой можно носить?

Вот те раз! Хоть стой, хоть падай! Комсомолка ведь! Или это на нее так повлияло мое решение венчать Светку с Егором? Тогда в Елоховском соборе у моей жены в маленьком декольте золотой крестик, накануне присланный Патриархом, смотрелся очень естественно.

— Галина Викторовна, вам не стыдно? Хотя, с другой стороны, это место, — я нагло положил ладонь между грудей своей благоверной, — вы можете украшать как угодно.

— Васька, перестань, — Галинка вцепилась в мою руку, но не отрывала ее от себя, а наоборот, прижимала, — успеем еще, — она спокойно, нет, со вполне заметным удовольствием наблюдала, как я тщательно исследую ее грудь, но потом все-таки отвела мою ладонь в сторону и спросила:

— Вась, ну я серьезно. Так можно крестик открыто носить?

А я и не догадывался раньше, что моя жена — верующая. Впрочем, это совершенно не мешает ее любить. В принципе, десять божьих заповедей — это, с моей точки зрения, просто сконцентрированные этические нормы. Какая разница, как их довели до человека? Лишь бы придерживался.

— Конечно, можно, родная. Только чтобы это не выглядело очень демонстративно. В церковь ты тоже будешь ходить?

— Зачем? — удивилась Галина. — Общаться с ним можно в душе. А грехи отпустить... У меня для этого муж есть, — она загадочно улыбнулась. — Да и не так уж много я грешу. Вот разве что плотский грех...

В подтверждение последнего Галинка прижалась ко мне губами. Мы целуемся и не хотим отрываться друг от друга. Вроде уже полгода женат, а каждый раз — как впервые. Вот, за что мне это счастье?...

* * *

Даже спрашивать никого не будем. Так и назовем — Маньчжурская ССР со столицей в Харбине. Будет такая же республика, как и Монголия. В конце концов, сам Харбин построили русские. Это исторически наша территория, Желтороссия (Очень рекомендую посмотреть этот термин в интернете). Ляодунский полуостров? А разве Порт-Артур и Дальний не русские города?

— Американцы хотят Окинаву, — сообщил Громыко, — собираются построить там большую военную базу.

— Пусть строят, — ответил я, отмечая про себя все-таки явно существующую

определенную корреляцию обоих миров, там Штаты тоже имеют базу на этом острове, — только вот надо проследить, чтобы все материалы везли из Америки, а не грабили японцев. Зря мы, что ли, всюду ставили свои комендатуры?

— Будем защищать недавних врагов от своих союзников? — спросил молчавший до того маршал Берия. В последнее время он полностью передал мне руководство страной, закопавшись в свои дела по революционным техническим проектам. Хотя номинально оставался председателем ГКО. Даже в МВД руководил первый заместитель министра генерал армии Меркулов. УСИ давно подчинялось напрямую мне.

— Обязательно, Лаврентий Павлович. Явная война кончилась, началась другая. Не менее сложная. Это просто здорово, что в ней не будет такого количества человеческих жертв. Но тем не менее, — это война. Причем в мирное время никогда не прекращающаяся. Экономическая. Мы примерно знаем, как пойдет развитие технологического прогресса на планете и просто обязаны использовать эти знания в финансовом противостоянии. Наш основной враг — частные финансовые группы во всем мире. Дело в том, что дойдя до определенного уровня, они начинают влиять не только на внутреннюю политику своих стран, но и на внешнюю. Исходя из этого, наш главный противник — финансисты нашего основного союзника, Штатов. Дальше. Используя геологические карты Земли, полученные из УСИ, мы должны уже сейчас начать скупать территории во всех странах планеты, где есть месторождения полезных ископаемых.

— Обижаете, Василий Иосифович, — вклинился в паузу Зверев, — вы же сами продиктовали поправку к Конституции, по которой любой советский человек имеет право на имущество за рубежом. Вы даже не представляете, сколько уже у нас землевладельцев в Австралии, Южной Америке и Африке.

— Н-да? — вот это для меня новость. Распоряжение я такое действительно давал. Более того, сам провел конституционную поправку в Верховном Совете, но то, что земли за границей активно скупаются, мне было неизвестно. — И кто же у нас нынче превратился в мультимиллионеров?

— Никто, — усмехнулся министр финансов, — одновременно с приобретением коммерчески выгодной земли за рубежом наши граждане подписывают документ на передачу своей покупки УСИ. Ведь это Управление Стратегических Исследований предоставило деньги и указало, какие территории конкретно надо покупать. То есть наши граждане, выбранные по предоставленным СГБ спискам, де-факто являются управляющими имуществом УСИ. Делаем именно так, как вы, Василий Иосифович, советовали.

— В шестом управлении⁵⁴ уже давно создан спецотдел по проведению финансовых диверсий на Западе, — включился в разговор Синельников, — работаем строго по рекомендациям Андрея Андреевича, — очень вежливый и в то же время дружественный кивок Егора Громыко.

Молодцы у меня ребята. Всего-то один раз сказал, а все уже делается. А вот мне надо больше внимания уделять работе УСИ. Хотя, с другой стороны, надо признать, что экономику я совсем упустил, зарывшись во внутреннюю и внешнюю политику. Просто у нас сейчас, несмотря на многочисленные стройки, такой огромный профицит бюджета, что в самом розовом сне не приснится. А главное — прекрасный внешнеторговый баланс. Мы избавляемся от излишков нашего оружия и покупаем станки для заводов и мебель для населения. Никак не успевают наши частники заполнить эту рыночную нишу. Продаем высокооктановый бензин и строим новые нефтекомбинаты. Продали лицензии и технологические линии на цветное ламповое телевидение. Теперь Америка и Франция пытаются насытить наш рынок телевизионными приемниками. Но, боюсь, быстро не получится. Ведь они по условиям лицензионного договора обязаны поставлять всего только пятьдесят процентов продукции в Советский Союз по нашим невысоким внутренним ценам.

⁵⁴ Шестое управление СГБ — экономическая разведка и промышленная безопасность

Вся надежда на Федеративную Республику Германию. Зверев на прошлой неделе подписал с ними договор на чуть более жестких условиях. Да Андрей Громыко через пару дней в Токио вылетает с такими же предложениями японцам. Военные производства там все уже остановлены, а работать людям надо. Иначе как Япония будет оплачивать наши поставки продовольствия и сырья? Еще Алексей Косыгин меня вчера удивил. Оказывается, у нас резко возрос спрос на качественные ткани и готовые мужские костюмы. С нижним бельем справляемся. По производству женского, оказывается, в мировые лидеры вышли. А все — частные предприятия. Ныне Советский Союз — законодатель мод. Н-да, я и представить себе не мог, что те несколько журналов, переданных сюда Катенькой Викентьевой и Ольгой Шлоссер, произведут такую революцию в этой области. А вот с верхней мужской одеждой у нас проблемы. Британцев загрузить, что ли? Вроде бы они мастера по твиду?

* * *

— Внимание, товарищи, — Берия был предельно собран. Разговор на объединенном заседании Верховного Совета СССР и Политбюро ЦК КПСС по поводу окончания Великой Освободительной войны предстоял серьезный. — Вчера мне на стол положили подготовленный приказ о прекращении работы Государственного Комитета Оборона, председателем которого я являюсь. Так вот, я его не подписал.

В зале возник шум. Маршал поднял руку, призывая к тишине. Он не оглядывал присутствующих, проверяя, кто выказывает недовольство его решением. Зачем? Потом мы спокойно посмотрим записи с новейших видеомagneтофонов. Скрытые камеры ребята Синельникова установили в зале заседаний Верховного Совета еще неделю назад. Хотя уже на глаз видно, что недовольных меньшинство.

— Тихо, товарищи, тихо, — продолжил Берия после того, как громкость динамиков была несколько увеличена, — извольте сначала выслушать причины моего решения, прежде чем начнется обсуждение.

Лаврентий Павлович выждал еще пару минут, пока последние шумевшие убедились, что маршал не будет говорить, пока его перебивают.

— Война закончилась. Закончилась убедительной победой нашего народа. И немалую роль в этом сыграло руководство страны именно в виде ГКО. Комитет показал свою гибкость, быструю реакцию на все действия противников и отличное управление всей деятельностью народного хозяйства Советского Союза. Кто-нибудь будет отрицать правильность моей оценки работы ГКО? — Маршал замолчал на минуту, но никто не осмелился возразить ему. — Вот поэтому-то я и не подписал приказ о прекращении деятельности комитета. Просто преступно в условиях резко меняющейся обстановки, как внутренней, так и международной, отказываться от такого мощного инструмента управления державой. Я предлагаю преобразовать ГКО в постоянно действующий верховный орган руководства Союзом Советских Социалистических Республик. И закрепить такое положение в Конституции нашей державы. Я думаю, ни для кого из вас, товарищи, не является секретом, что высокое качество руководства Государственного Комитета Оборона объясняется в первую очередь тем, кто стоял на посту председателя. Первым был Иосиф Виссарионович Сталин. Сейчас я прошу вас всех почтить его память.

В зале был слышен только шум отодвигаемых стульев.

— Садитесь, товарищи, — продолжил Берия через минуту тишины. Подождет, пока все сядут. Подождет, пока Жданов нальет себе из графина полный стакан воды и выпьет.

— А вот то, что поняли, вероятно, не все. После Иосифа Виссарионовича комитет и всю нашу страну возглавлял не я, а Василий Иосифович Сталин. Все решения ГКО, начиная с конца июля этого года, я подчеркиваю — все, подготавливал и проводил товарищ Сталин. Я только подписывал необходимые документы. В связи с этим я сегодня подписал совершенно другой приказ — о сложении с себя полномочий председателя Государственного Комитета Оборона. Обсуждать мое решение не считаю необходимым.

Предлагаю назначить новым председателем ГКО Василия Иосифовича. Другой кандидатуры на этот пост нет и быть не может. Вы все прекрасно помните достаточно острые прения по вопросу введения товарища Сталина в комитет летом. Как показало время, это было очень правильное решение. Начинать заново дебаты сейчас будет явной ошибкой. Поэтому будем сразу голосовать.

Н-да. Лаврентий Павлович в своем репертуаре. Он такой же максималист, как и я. Собственно говоря, сейчас, когда большинство нам обеспечено всеми предыдущими месяцами работы, так и надо действовать. Зачем терять время на пустопорожние разговоры?

* * *

Положение с нижним женским бельем я решил проверить в тот же вечер, как стал официальным председателем ГКО. Точнее, поздним вечером, так как после того заседания было еще много работы. Берия торопился вылететь в Рыбинск на строительство Волжской АЭС. Она войдет в строй несколько позже других, но зато будет самой мощной из первых двенадцати станций. Одновременно уже готовились проекты новых двух десятков атомных электростанций. В ближайшие три года мы должны полностью решить вопрос с производством энергии. Вот с ее доставкой... Высоковольтные линии электропередач — наша самая тяжелая головная боль. Даже большая, чем дороги. Трассы нам надо в первую очередь модернизировать, а линии приходится строить с нуля. Заказы на профили для опор частично размещаем за рубежом. Меди и алюминия для производства специальных высоковольтных проводов у нас у самих теперь достаточно. Катастрофически не хватает рабочих рук. Решение с условно-досрочным освобождением пленных оказалось вполне удачным. Но профессиональных строителей, дорожников и, главное, инженерного состава все равно недостаточно. Резко увеличилась иммиграция в Советский Союз населения с высшим образованием. Высокооплачиваемой работы хватает всем. Пришлось даже закон об иммиграции принимать. Подданство СССР теперь надо заслужить хорошей работой в течение пяти лет. Большинство освобожденных пленных тут же стали работать еще лучше. Вероятно, хотят остаться у нас навсегда. Ведь работа во время отбывания срока засчитывается для получения подданства. Да и освоить в необходимых пределах русский язык за это время не так уж и сложно. С жильем для населения вопрос решаем, но не так быстро, как хотелось бы. В первую очередь отдельные квартиры дают многодетным семьям. А вот что мы будем делать через девять месяцев, не представляю. Ведь сразу после окончания войны в Советской армии начались массовые отпуска. Демографический взрыв неминуем. У нас перед войной и даже во время нее был очень неплохой рост рождаемости. Сейчас же будет совсем хорошо, хотя налог на бездетность⁵⁵ мы вводить не собираемся. А молодой семье с ребенком вынь да положь отдельную квартиру. Маленков, ответственный за строительство жилья, кажется, нашел способ частично выкрутиться. Организовал крупную сеть небольших заводов по изготовлению деревянных сборочных комплектов для быстрой постройки одно- и двухэтажных коттеджей. Неплохой вариант для пригорода. Специальные пропитывающие составы Георгий Максимилианович заказал в ФРГ. У них там химическая промышленность частично простаивает. Наши химвиробина заняты под завязку проектами, которыми руководит Лаврентий Павлович. А пропитка необходима, чтобы дерево не горело и не гнило. Там же, в Германии, Маленков заказал всю необходимую фурнитуру для коттеджей. Окна, двери, замки и петли. Медные и стальные трубы с пластиковым покрытием по советским технологиям. Сборку деревянных домов в основном производят бригады строителей из Турецкой ССР. На заранее подготовленный фундамент с

⁵⁵ Налог на бездетность существовал в СССР как «Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан». С ноября 1941 года на основании Указов Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. бездетные мужчины от 20 до 50 лет и бездетные замужние женщины от 20 до 45 лет должны были отчислять 6 % зарплаты государству

заранее подтянутыми коммуникациями коттедж ставится со всеми необходимыми доделками за одну смену. Качество работы контролирует ведомство Мехлиса. Надо отметить, что министерство Госконтроля не только следит за строительством, но и помогает решать все возникающие проблемы. Лев Захарович организовал обеспечение рабочих теплой одеждой. Зима в этом году выдалась довольно холодная. Полушубки из Монгольской ССР идут нарасхват. А женское нижнее белье...

— Галинка, слушай, а что ты в такой мороз носишь снизу? — спросил я после ужина. Моя благоверная предпочитала брюкам длинные юбки. При этом частенько с разрезом. Нет, я, конечно, собственник, но все-таки понимаю, что такие ноги прятать в брюки — большой грех.

— Васька, — жена немного зарделась, — с чего вдруг это тебя заинтересовало? Побystрее сегодня раздеть меня хочешь?

— Ну, это само собой разумеется, — я пересел на диван к своей благоверной, отобрал учебник и ласково провел рукой по большому уже животу, — но не только. Мне тут Леша Косыгин недавно заявил, что наша страна — законодатель мод. А по женскому белью мы вообще впереди планеты всей, — я аккуратно потянул длинную юбку вверх. За что немедленно получил звонкий шлепок по руке.

— Перестань! Или хотя бы дверь на защелку закрой. Вдруг войдет кто-нибудь.

Без стука зайти в жилые комнаты на Ближней даче? На такое могла решиться только моя сестренка. А она сейчас в городе у себя дома. Хотя бывает у нас довольно часто. Но не буду же я спорить с женщиной из-за такой ерунды? Закрыв дверь, возвращаюсь на диван и сначала обнимаю и целую свою ну очень крепко любимую жену. Затем Галина обстоятельно объясняет, что мой Председатель Совета министров абсолютно прав в этом вопросе. В ее глазах появляется заметный блеск, и мне кажется, что они становятся какими-то по-кошачьи озорными. Лекция происходит с демонстрацией многочисленных кружев. Юбку с жены я все-таки стянул. Она, оказываясь, расстегивается сбоку пластмассовой молнией. Нет. Для меня это все слишком сложно! И как прекрасная половина человечества все это носит? Все эти чулочки-подвязочки? Или как там они еще называются? С другой стороны, выяснилось, что шелк очень легко соскальзывает с бархатистой кожи. Это все-таки очень приятно — снимать с любимой женщины нечто узенькое и ажурное! Сверху тоже возникли некоторые проблемы. Всякие замочки-крючки. Но я с честью справился и, завернув свою любимую женушку в махровый банный халат, понес в ванную. Она у меня — как в том анекдоте про чукчу, женатого на французенке — грязнуля. Галинке по пять раз на дню душ подавай. А вот уже в ванной комнате, стоя под струями теплой воды, мы...

* * *

— Что будем делать? — Синельников был зол. Да я и сам был возмущен действиями американцев ничуть не меньше.

— Потребовать компенсацию? — Громыко был утрюм. Довольных в моем кабинете сейчас не было.

— Толку. Жизни наших парней этим не вернешь. В конце концов, они были на государственной службе. Разве у нас в законодательстве ничего не предусмотрено, чтобы их семьи обеспечить?

— С этим как раз все в порядке, Василий Иосифович, — откликнулся Косыгин, — вот как сделать, чтобы такое никогда не повторилось?

— Самый правильный вопрос, Алексей Николаевич, — кивнул я своему премьеру.

Да уж. Как в той старой песне. Или здесь она новая?

В Кейптаунском порту с пробоиной в борту
«Жаннетта» оправляла такелаж.
Но прежде чем уйти в далекие пути,

На берег был отпущен экипаж

Идут, сутулятся, вливаясь в улицы,
И клеши новые ласкает бриз.
Они идут туда, где можно без труда
Достать себе и женщин и вина,

Где пиво пенится, где пить не ленятся.
Где юбки новые трещат по швам!

Банальная драка. Выпили моряки немного вечером после трудного рейса в одном из портовых кабаков Нью-Йорка. Имели законное право после нескольких недель в штормовом океане. Вот только кабак оказался — для черных. Это же Америка...

Я немедленно вспомнил свой разговор с Рузвельтом после похорон отца. После того, как я обрисовал президенту Штатов вариант развития человечества по достаточно неприглядной схеме моего прошлого мира, он надолго задумался и только потом продолжил разговор:

— Я понимаю, что вы никогда не откроете всех технологических секретов, доставшихся вашей стране. Вероятно, окажись я на вашем месте, я поступил бы точно так же. Но объясните мне, каким вы, мистер Сталин, видите развитие нашего мира?

Н-да, он хочет всего и сразу. Нет, информацию мы будем выдавать строго дозированно и точно в необходимое время.

— Сейчас, мистер президент, говорить об этом рано. Сначала надо победить фашизм и разрушить колониальную систему. Будущее... Рано об этом говорить. Вашей стране еще предстоит решить собственные внутренние проблемы. В том мире это обошлось в очень большую кровь.

Блефовать так блефовать! До героя Челентано в известной комедии мне далеко, но чем черт не шутит, пока Бог спит?

— О чем вы? — на лице Рузвельта было непонимание. Он уже смирился, что Америка будет второй державой мира, никак не первой. Но внутренние проблемы Штатов?

— Расовая сегрегация. Бунты, погромы, ку-клуксклан, рвущийся к власти. Понимаете, мистер президент, стремительное развитие средств связи и массовой информации перевернет представление человечества о самом себе. Этот процесс уже начался, и его не остановить. Единственно, что могу посоветовать, это решить вопрос хотя бы де-юре. Де-факто это все равно растянется на многие годы. Устоявшееся общественное мнение и менталитет каждого отдельного человека быстро не переломить. Во всяком случае, крови будет несколько меньше.

Непонимание на его лице сменилось удивлением. Он совершенно не считал вопрос цветных проблемой. Но вот противопоставить моим предсказаниям Рузвельту было нечего.

Всего через месяц в Североамериканских Соединенных Штатах был принят «Закон о гражданских правах». И вот теперь наши же моряки нарвались на первые результаты противодействия этому закону. Они-то зашли в первый попавшийся кабак. Выпили ребята прилично, но норму свою знали. К ним пристали местные грузчики, соответственно — черные, тоже не очень трезвые. Оскорбили. Наши парни, конечно, ответили. Ну, там пошло и поехало. Масштаб беспорядков резко возрос. Драка выплеснулась на улицу. Какого-то негра порезали. Полиция нагрянула достаточно быстро. Всех загребли в полицейский участок. Обвинили в убийстве чернокожего наших моряков. Так как была уже поздняя ночь, то всех в разной степени опьянения раскидали по камерам. Хотя это и было нарушением всех положенных процедур при задержании иностранных моряков. Четверых наших той же ночью задушили в общей камере. Как потом достаточно быстро выяснилось, прирезали негра его же соперники по местной банде. Они же и попытались спихнуть вину на советских. Американские следователи, надо признать, работали достаточно быстро. наших невинных

моряков выпустили с извинениями. Толку от этих извинений — жизни погибших было уже не вернуть. А ведь это наверняка провокация! Там хватает тех, кому очень не нравится стремительный взлет Советского Союза. И, пусть даже пока в основном только внешняя, дружба наших народов. Во всяком случае, я другого вывода из докладов МИДа и СГБ, положенных сегодня утром мне на стол, сделать не мог. Как предотвратить подобные ситуации в будущем? В принципе, неплохой вариант существует. В Штатах ведь прецедентное право?⁵⁶ Ну, так заполучите, сволочи! Надо только правильно все организовать.

— Вот что, товарищи. Немедленно подать на полицейских в нью-йоркский суд. Ни в коем случае не требовать какого-либо наказания. Необходимо только признание незаконным задержания советских граждан. Далее, Егор, — я повернулся к генералу Государственной Безопасности, — так как это наверняка спланированная акция недружественных нам американских кругов, то поступим так. Сначала организуй парочку тонких провокаций с опять-таки незаконным задержанием наших подданных американскими полицейскими. В этих делах ты у нас мастер. И так сделай, чтобы эта их чертова американская Фемида ни к чему подкопаться не смогла. Соответственно, с необходимыми нам судебными решениями. Сразу после этого — раздуть эти скандалы в американских СМИ. Теперь вы, Константин Петрович, — я обратился к тридцатитрехлетнему министру юстиции СССР Горшенину, которого на этот пост поставил еще мой отец в тридцать седьмом году, — надо подготовить и провести через наш Верховный Суд решение о неподсудности подданных Советского Союза судам других государств. Даже в случае совершения ими противоправных действий на чужой территории. Совершили преступление за рубежом нашей страны — сами осудим. Наш суд не только самый гуманный, но и самый жесткий по отношению к преступникам.

В общем-то, мои слова о гуманности и жесткости более-менее соответствовали действительности. Еще в тридцать восьмом были существенно ужесточены наказания за любые преступления. Они стали значительно серьезней, чем в других странах. Рецидивистов в основном просто отстреляли. Но, с другой стороны, были предприняты определенные и вполне качественные меры для недопущения наказания невиновных. Презумпция невиновности перестала в Советском Союзе быть пустым звуком. Прилично поднялась ответственность как за преднамеренную дачу ложных показаний, так и следственных органов за некачественную работу. Не знаю, то ли все эти действия, то ли резкий рост уровня жизни, то ли хорошая пропаганда здорового образа жизни, а, скорее всего, все в комплексе, но преступность у нас резко пошла на спад.

— Более того, Константин Петрович, не только о неподсудности, а, как только пройдут суды в Америке с необходимыми нам решениями, о невозможности задержания наших подданных в других странах. Практически у всех будет дипломатическая неприкосновенность. Надо там будет — пусть вызывают наших специалистов из советских органов.

— Шум везде за рубежом поднимется, — отреагировал Громыко.

— Плевать. Ты, Андрей Андреич, подготовься и заткни им рот низким уровнем преступности в Советском Союзе. Сами не умеют — пусть учатся у нас.

— И последнее, — я опять обратился к Егору, — разобраться. Я понимаю, что там все должно быть достаточно хорошо прикрыто. Но не верю в профессионализм исполнителей. Слишком грязно все сработано. Шито белыми нитками. Да и нет еще у американцев необходимого уровня. Устранить заказчиков и исполнителей. Причем заказчиков — громко, с шумом. Пуля, нож, яд — до лампочки! Всех до одного и желательно одновременно. Пусть поднимают там любой шум в средствах массовой информации. Нам это только на руку.

⁵⁶ Прецедентное или общее право (англ. *common law*) — единая система прецедентов, общая для всей Великобритании, одна из составных частей англо-саксонской правовой системы. Сложилось в XIII–XIV веках на основе местных обычаев и практики королевских судов. Главным источником права в системе общего права признается судебный прецедент.

Главное — чтобы поняли, что за советских людей всегда придется отвечать собственной шкурой. Доказательств, что это сделали мы, у них ведь не будет?

— Сделаем, Василий Иосифович! Комар носа не подточит, — на лице генерала Государственной Безопасности Синельникова впервые за сегодняшний день появилась улыбка. Но какая! Такого хищного выражения я у него никогда еще не видел.

В кабинете наступила тишина. Некоторые из присутствующих не поднимали глаз. Неужели не понимают, что без жесткости тут не обойтись?

— А не слишком ли круто? — спросил молчавший до того маршал Берия.

— Нет, Лаврентий Павлович, в самый раз. Этим мы заставим задуматься каждого, кто только попробует решить силой любой вопрос с нашими подданными.

Нет, сколько бы ни писали в том мире, что руки Берии по локоть в крови, он достаточно мягкий человек...

Скандал в американской прессе через три недели разразился нешуточный. Еще бы, после расстрела итальянскими мафиози группы дельцов с Уолл-Стрит, кто-то прислал письмо в «Нью-Йорк Тайме» с недвусмысленными намеками на реальные причины акции. Впрочем, как разразился, так и затих. Никаких доказательств не было, а заинтересованных в хороших отношениях с Советским Союзом в американском истеблишменте оказалось вполне достаточно. Более того, общественное мнение Штатов оказалось на стороне СССР. Ведь корабль, с которого были советские моряки, привез большую партию советских лекарств. И плюс к лекарствам оборудование для производства хладона. Качественные холодильники и кондиционеры за океаном должны были скоро ощутимо подешеветь.

* * *

Устроившись в кабине, я тщательно осмотрелся и застегнул ремни. Вроде точно такая же усиленная машина, как и предыдущий мой «Як».

Проверка, запуск, ожидание,
Добро, рулежка, полоса,
Разбег, отрыв — без опоздания
Нас принимают небеса.

Уходит вниз земля без шума,
И купол неба чист и свеж,
А за спиной в объеме трюма
Полсотни тонн чужих надежд.

Бликует солнце на капоте
Закрылки, шасси, эшелон...
Взлет произвел, готов к работе,
И видимость — на миллион

Земля укрылась под костюмом
Из белых облачных одежд...
Летят со мной в объеме трюма
Полсотни тонн чужих надежд

Нет трюма на моем «Яке». Взлетная масса самолета всего в пределах двух с половиной тонн. Но в остальном... Очень точно эти стихи, прочитанные однажды на одном литературном форуме того мира, отображают мои ощущения здесь и сейчас. Хорошо-то как! Да, на высоте шесть тысяч метров, несмотря на яркое солнце, довольно прохладно. За бортом — минус шестьдесят восемь. Но в теплом меховом комбинезоне — нормально.

Несколько энергичных фигур высшего пилотажа, плавно переходящих одна в другую. Николай, мой привычный ведомый, как привязанный держится чуть сзади и слева. Молодец! Мы понимаем друг друга почти без слов. Слетанность у нас отличная. Иногда можно даже импровизировать, и он не оторвется. Быть ведомым в паре, вообще, сложнее, чем ведущим. А уж в бою... Но мы летим в мирном небе, и как же это здорово! Вот только...

Пожар на борту самолета. Самое страшное, что может быть в воздухе. Мгновенно пропала радиосвязь. И это на совершенно новой машине! Бросить ее? Жалко ласточку. Огонь в самом хвосте. Кислотный аккумулятор потек, не выдержав перегрузок? Взгляд на приборы, индицирующие электрику. Точно! Напряжение падает, а ток, отбираемый от генератора, растет. Что-то там, в хвосте, коротнуло от пролившегося электролита. Но ведь я же знаю эту машину как свои пять пальцев. Силовой кабель проходит справа в фюзеляже. Быстро — на счету каждая секунда — беру курс на аэродром, тщательно триммирую⁵⁷ машину. Теперь можно бросить управление и заняться внутренней обшивкой. Черт, никакого инструмента под рукой. Да и тесновато здесь. Сдергиваю перчатки и пальцами пробиваю и рву жесткий, насквозь промерзший картон внутренней обшивки кабины. Вот они, кабель и проходной клеммник. Резкий рывок, и медь выдирается из заделки наконечника. Так, ток генератора мгновенно упал, а напряжение восстановилось. Тут же появляется пропавшая связь.

— «Липучка», — вызываю диспетчера Кубинки, — я — «Зверь ноль один». Я — «Зверь ноль один». На борту пожар. Похоже на короткое замыкание вследствие протечки аккумулятора.

— «Зверь ноль один», «Зверь ноль один», — тут же отзывается руководитель полетов, — приказываю немедленно покинуть самолет! Приказываю немедленно покинуть самолет!

Но я не слушаю. Пытаюсь скольжениями сбить пламя. Не помогает. Сливать бензин нельзя — мгновенно вспыхнет, и машина превратится в факел. Вопрос: что произойдет раньше — я сяду или перегорят тяги управления? Оставить беременную Галку вдовой? Никогда! Тут думать нечего! Срываю фонарь назад и покидаю самолет, как мне было приказано. Динамический удар при раскрытии купола парашюта ощутимо встряхивает. Н-да, перчатки сейчас не помешали бы. Голыми руками с содранной кожей не очень-то приятно подтягивать стропы. Хуже, что кровь не останавливается. Колька кружится вокруг меня как сумасшедший. Да все со мной в порядке. Ну руки немного ободрал. Это мелочи. Помахал ему и указал в сторону аэродрома. Нет, не оставит меня. Так и будет крутиться вокруг, пока спасатели не появятся. А мой оттриммированный «Як» так и летит, полого снижаясь и оставляя за собой еле заметную полоску дыма. Если бы чадил, это говорило бы об отсутствии открытого огня. А так... Ну что ж, будем знать еще одно слабое место этого истребителя. Неделю на разработку нового усиленного аккумулятора. Столько же или чуть больше — на запуск в производство, и в частях заменят негодный элемент. А пока надо запретить полеты на «Яках». Вылет только по боевой тревоге. Мягко приземляюсь в большой сугроб. Гашу купол и отстегиваю подвесную систему парашюта. Отрезаю ножом из маленького комплекта выживания несколько шелковых полос и забинтовываю ободранные пальцы правой руки. Мерзнут. А это плохо. Можно отморозить. Н-да, если до этого ножа можно было бы быстро добраться в кабине самолета, то и кожу не содрал бы. Так, проваливаясь в снег, я далеко все равно не уйду. Значит, будем тут куковать, пока спасатели не появятся. Можно пока шоколад из НЗ слопать.

А в голове крутится давний пожар на самолетной стоянке в том мире. На брошенную непогашенную сигарету пролили авиационный керосин. Чудовищное нарушение всех мыслимых и немыслимых правил противопожарной безопасности. А я только что пристегнулся в кабине Су-27, и электромоторы уже опустили фонарь. Двигатели в объёме

⁵⁷ Триммер — маленькая рулевая аэродинамическая плоскость, расположенная на всех основных рулях самолета. Служит для снятия нагрузок с органов управления при прямолинейном полете. Правильнее — для балансировки самолета. Обычно триммеры управляются электродистанционно

пламенем самолета я запустить никак не успеваю, чтобы вырваться из этого моря огня. А жар уже чувствуется! На какую-то долю секунды показалось, что все, жизнь кончилась. Сейчас сгорю. Эх, не лететь мне больше в голубом небе... Но взял себя в руки, стал думать. Я же сижу в катапультируемом кресле К-36ДМ! Оно спасает при любых условиях. Хотя на сверхзвуковой скорости, хоть на стоящей на земле машине. Зафиксировался, вжал голову в плечи и рванул красный рычаг. Довольно чувствительный удар выкидывает меня из самолета прямо через проломленное оголовником кресла остекление фонаря кабины. Для откидывания фонаря, замки которого уже отстрелены пироболтами, набегающим потоком воздуха требуется хоть какая-то скорость. Очень хороший такой удар, как кувалдой по верхней части нижних конечностей! Весьма специфические ощущения! За какую-то секунду ракетный двигатель выносит меня в кресле на высоту, достаточную для применения спасательного парашюта. Раскрытие купола происходит автоматически, впрочем, как и отсоединение ремней от кресла. А ведь такое катапультное кресло сейчас воссоздается в одном из наших конструкторских бюро здесь. «Сухарь» так и не смогли спасти. Несколько тонн авиационного керосина — не шуточки. С тех пор я всегда тщательно гашу окурки, хотя вина тогда была не моя. Около самолета вообще нельзя курить! Хотя сейчас сигарета мне явно не помешала бы, пока жду спасателей.

О, вот и они. Легки на помине. Наверное, подняли вертолет сразу, как только Николай сообщил о моем прыжке. Ух, как от несущего винта дует!

— Да сам я дойду, зачем носилки?

— Положено так, Василий Иосифович, — отвечает врач и все-таки укладывает меня в салоне «Ми четвертого».

До медицинской части на аэродроме я дошел своими ногами, несмотря на очень нелицеприятные высказывания медика. Раны на руках обработали достаточно быстро. Интереснее другое. Мой самолет воткнулся в снег по касательной, не долетев несколько километров до аэродрома. Без поддува набегающим потоком воздуха пожар погас сам. Доклад аварийной комиссии, положенный мне на стол на следующий день, полностью подтвердил мои предположения по поводу аккумулятора и констатировал перегоревшие тяги управления. Посадить машину я бы не смог. Но вот в тот день дома... Знатный скандал и слезы от жены я получал весь вечер. И чего реветь? Вот он я. Практически целый. Руки — это мелочи. Заживет как на собаке. Вот есть хочу зверски. Это надо было видеть, с каким удовольствием Галина отрезала и подкладывала мне в тарелку куски утки, запеченной с яблоками. Самому перебинтованной рукой работать ножом было не очень удобно. Но вот бокал с божественным «Ахтамаром» вполне в состоянии удержать. Н-да, это что, я один почти всю эту водоплавающую птицу умял? Хорошо, но мало. Впрочем, у нас сегодня еще пирог с малиной к чаю есть...

Глава 9

— Преступления против человечества срока давности не имеют! — заявил представитель ЮАР в ООН, имея в виду геноцид буров британцами в начале века.

Между африканцами и индусами разгорелся нешуточный спор о местонахождении суда, в котором подлежит рассматривать дело военного преступника Уинстона Леонардо Черчилля. Свои претензии на бывшего премьера Великобритании предъявили также Куба, где Черчилль в молодости подавлял восстание Хосе Марти, независимая ныне Ирландия, Судан, Сомали и Кения. Везде он успел отметиться. В конце концов, пришлось вмешаться Совету Безопасности, и дело решили рассматривать в Австралии. Там Черчилль тоже успел прилично напакостить, хотя лично никогда не пребывал в новом штате Соединенных Штатов Америки, как с нового года стал официально называться наш первый союзник. Длился суд недолго — три недели. И хотя часть фактов британским адвокатам удалось опротестовать, основные преступления бывшего английского премьера поставили на его карьере жирный крест в виде намыленной веревки. Виселица в Канберре простояла всего двое суток, так как

из-за жары вонь от нее была довольно приличная. Это у нас в январе холодно, а в Южном полушарии — разгар лета.

Невилл Чемберлен под суд не попал, так как успел удрать на тот свет самостоятельно, скончавшись еще в ноябре прошлого, тысяча девятьсот сорокового года.

А вот Эдуард Даладье, как это ни странно, был оправдан. Инкриминируемое ему участие Третьей Республики в развязывании мировой войны оказалось недоказанным. Всего лишь политические просчеты... Впрочем, в политике он больше никогда подвизаться уже не сможет ни на каком уровне.

Андрей Громыко кратко, но с определенной долей юмора проанализировал итоги прошедшего года и перешел к текущим внешнеполитическим вопросам.

— Корейское правительство обратилось с официальной просьбой о вхождении в состав СССР.

— Еще одни нахлебники на нашу голову, — отреагировал Жданов.

— Почему нахлебники? — удивился министр иностранных дел. — Очень работающий народ. Ну а то, что их поочередно грабили все кому не лень... То Китай, то японская оккупация. Сейчас они действительно очень бедны, но если Корею немного помочь, то она, как мне кажется, достаточно быстро станет процветающей республикой Советского Союза.

— Правильно говоришь, Андрей Андреевич, — решил поддержать я своего министра, — Причем за вхождение Кореи в наш состав есть два немаловажных фактора. Сухопутная граница у нее теперь только с СССР. Также надо учитывать, что в нашем населении уже есть не менее полутора миллионов корейцев. Следовательно, принимаем. Александр Николаевич, подготовьте, пожалуйста, документы. — Поскребышев уже традиционно во время совещаний ГКО сидит за моим письменным столом.

Возражать никто не стал. Все давно знали, что меня можно переубедить только при наличии серьезных аргументов.

— Что будем делать с Восточно-Туркестанской республикой? — спросил Синельников. — Мне надоело терять там преданных людей.

По Западному Китаю прокатилось очередное восстание. Они опять провозгласили себя независимой республикой. Синьцзян в период начиная с тысяча девятьсот двадцать первого года и по сию пору занимал своеобразное место в советско-китайских отношениях. Это была своего рода буферная зона между двумя государствами. Такая ситуация обуславливалась несколькими причинами. Географически Урумчи, столица провинции, была значительно ближе к советской железной дороге, чем к китайской. Во-вторых, Синьцзян имел сложный национальный состав населения, шестьдесят процентов которого составляли уйгуры, тюрки по языку и мусульмане по вероисповеданию. Собственно китайцев там было чуть больше десятой части населения. До совсем недавнего времени там было убежище для белогвардейцев и повстанческих отрядов разного политического характера, которые использовали эту территорию для нападения на приграничные районы СССР. Китайские власти не в состоянии были их контролировать. В условиях затяжной гражданской войны в Китае политическая нестабильность охватила и Синьцзян. НКВД (СГБ) и РККА (СА) неоднократно проводили там специальные операции, чтобы не допустить создания на территории Синьцзяна враждебного СССР буферного государства и обезопасить границу от нападений белогвардейских и басмаческих отрядов.

— Тоже придется принимать в состав Советского Союза. Как мне кажется, после ввода туда достаточного контингента внутренних войск, любые беспорядки в Уйгурской ССР немедленно закончатся. Как вы считаете, Лаврентий Павлович?

— Сделаем, Василий Иосифович, — улыбнулся маршал, — не сомневайся.

* * *

Светкин день рождения традиционно отметили маленькой вечеринкой в Зубалово. И когда эта пигалица успела вырасти? Вроде бы только вчера была несмышленной девчонкой, а

теперь — замужняя дама. Причем замужем за генералом армии. А ведь это звание соответствует маршалу рода войск. В данном случае — маршалу Государственной Безопасности. Впрочем, внешне сестренка тоже уже выглядела вполне взрослой. И одеваться стала достаточно скромно, но со вкусом. Влияние моей жены? Наши девчонки сдружились так, что водой не разольешь. Одна учится в школе, другая в институте. Светка с удовольствием гоняет с Егором на лыжах, а Галинка... Галине уже нельзя. В смысле большие физические нагрузки. Животик у нас большой. Девонька уже вовсю толкается и спать мамке не дает. Иногда. Теперь в институт я Галинку с одним охранником уже не отпускаю. Только на машине. Очень часто живем в кремлевской квартире. Ближе потому что. И учимся не столько математике, как программированию. Пока осваиваем общие принципы. Серийных процессоров в кремнии у нас еще нет, а языки программирования уже создаются. Институт, которым руководят Келдыш и Винер, выдает и выдает очень серьезные работы.

Наши с Егором дома постепенно становятся постоянным местом встреч с интересными людьми. Вот и сегодня в Зубалово съехалось прилично народу. Мстислав Келдыш и Марк Бернес, Альберт Эйнштейн и Галина Уланова. Взрывоопасная смесь физиков и лириков. Споры разгораются иногда вплоть до повышения голоса. Все присутствующие отлично знают, что здесь можно не только говорить о чем угодно, но и прямо критиковать действия правительства. Вот и сейчас Уланова ругается с Синельниковым по поводу экономики.

— Да поймите же, Егор, нет никакого смысла наращивать экономический потенциал, не повышая культурный уровень населения. Таким образом мы получим народ мещан, а не преданных идее коммунистов.

Н-да, и это говорит, в общем-то, довольно аполитичная звезда русского балета? Очень большой зверь в лесу сдох или?... Или у нас получилось заставить думать о будущем страны культурную элиту державы? А ведь это хорошо, черт побери, это просто здорово!

— Галина Сергеевна, — подхожу ближе. Еще не хватает, чтобы она заметила, что я прекрасно разобрал ее слова с десятка метров при достаточно громко звучащей музыке, — а ведь вы не правы. Мы не только думаем над этим вопросом, но и пытаемся сделать все возможное.

— Например, Василий Иосифович?

Ух, какой злой взгляд. Как ее Алексей Толстой назвал? «Обыкновенная богиня»? Надо признать строгое соответствие. Описать ее танец невозможно. Любые превосходные эпитеты будут слабым отражением гениальности лучшей балерины мира.

— Средства массовой информации. В первую очередь — телевидение. Попробуйте отрицать, что сегодня это самый простой способ донести искусство до широких масс населения. И хотя у нас сейчас только у четверти семей есть телеприемники, во время демонстрации балета с вашим участием снижается и так мизерное количество преступлений.

Не зарделась, даже легкого намека на смущение нет.

— Вынуждена признать вашу правоту, Василий Иосифович.

— Ну, раз признаете в одном вопросе, то, может быть, пойдете навстречу и в другом?

— Нет и еще раз нет! — В том мире ей приказали переехать в Москву из любимого Ленинграда. Здесь я такого никому не позволю. Насиловать гениальную балерину? Дурость! А вот добиться еще более частых гастролей Ленинградского государственного театра оперы и балета в столице — в моих силах. Я шутливо поднимаю руки, показывая, что сдаюсь:

— Насильно мил не будешь, — декларирую избитую истину.

Тут появляется моя прекрасная половина, гордо неся впереди живот. Хватает Уланову под руку и тащит в другую комнату.

— Галина, пойдём. Светка уговорила Марка спеть под гитару.

О, жена уже перешла с балериной на «ты»! А я вот не могу. Она — гений балета, а я — простой чиновник, пусть и довольно высокого ранга.

Рыбинск. Вроде бы не очень крупный город, всего-то двести пятьдесят тысяч жителей. За последние четыре года он увеличился почти на треть. Хотя с Москвой или Ленинградом все равно не сравнить. Но вот будущее у него будет большое. В этом мире не стали повторять ошибок того, и в тридцать восьмом году планы строительства Рыбинского гидроузла пересмотрели. ГЭС построили в четырнадцать километрах выше Ярославля со значительно меньшими площадями затопления. Удалось сохранить красивый древний город Миологу и не только. Восемьдесят тысяч гектаров лучших в Поволжье пойменных заливных лугов, травы которых по своему качеству не уступают альпийским, более семидесяти тысяч гектаров веками возделываемой пашни, более тридцати тысяч гектаров высокопродуктивных пастбищ, более двухсот пятидесяти тысяч гектаров грибных и ягодных лесов. Мощность гидроэлектростанции упала почти на сорок процентов. Нас это нисколько не смутило. Волжская АЭС уже начала давать первые сотни мегаватт. Она должна стать одной из самых мощных в державе. А сам Рыбинск стал столицей авиамоторостроения. Два завода здесь уже были, но строится еще один, значительно больше первых двух, вместе взятых. В планах объединить все три и сделать крупнейшее в мире научно-производственное моторостроительное объединение. Оно будет производить реактивные, турбовинтовые, турбовентиляторные и даже ракетные жидкостные двигатели. Первые образцы уже стояли на стендах опытного производства. Здесь у нас собрались Архип Люлька и Владимир Климов, Николай Кузнецов и Аркадий Швецов. Даже Сергей Степанович Баландин⁵⁸ работает сейчас в Рыбинске. Всего четыре года назад они осваивали производство модернизированных в двадцать первом веке авиационных моторов внутреннего сгорания. А теперь все наши ведущие специалисты занимаются турбинами.

* * *

Это только кажется, что повторить технические решения того мира здесь и сейчас, имея подробные чертежи, все спецификации и описания технологий, просто. Нет, это сложно, очень сложно. Хватает тонкостей и нюансов, которые по каналу связи не получишь и которые надо нарабатывать заново.

Несколько маленьких окошечек с толстенными броневыми стеклоблоками. Звукоизоляция отличная, но нормально разговаривать все равно невозможно. Потому что там, за окошками, в каких-то двух десятках метров ревет оно — изделие. Оно кажется небольшим по сравнению с действительно огромной машиной гидротормоза. В ней, в этой машине, вся механическая энергия, вырабатываемая изделием, превращается в тепло и уносится в реку. Впрочем, Волга этого дополнительного подогрева практически не замечает. НК-12. Самый мощный турбовинтовой двигатель обоих миров. Пятнадцать тысяч лошадиных сил. Вот только там, в моем прошлом мире, его ресурс был пять тысяч часов, а у нас пока — вдвое меньше. Ничего, справятся наши специалисты. Николай Кузнецов не знает, что там это изделие было создано под его руководством. Здесь предприятие, которое Николай Дмитриевич возглавляет, получило подробные чертежи и технологии всего только год назад. Вон оно ревет на испытательном стенде — чудо инженерной мысли. Доведут, и понесет этот двигатель в небо дальние тяжелые бомбардировщики, чтобы никто и никогда даже подумать не мог напасть на нашу державу. А на очереди его наземный собрат — он будет качать газ, прогоняя его по магистральным трубопроводам, чтобы согреть нашу огромную империю и многочисленных соседей.

Я еще раз посмотрел в окошко и вышел из помещения. Несколько тамбуров и

⁵⁸ Сергей Степанович Баландин (4.7.1907-12.9.1992) Известный советский конструктор авиационных двигателей бесшатунной схемы. Некоторые убеждены, что в настоящее время еще одним препятствием продвижению бесшатунных двигателей на рынок является явное или скрытое сопротивление производителей двигателей традиционной кривошипно-шатунной схемы и деталей к ним

коридоров, и можно оказаться на свежем воздухе. Здесь, снаружи испытательного корпуса, гул слышен, но уже не так громко. Закуриваю сигарету и с наслаждением делаю первую затяжку. Внутри корпуса курение запрещено.

— Товарищ Сталин, — на лице у Кузнецова, который вышел за мной, виноватое выражение, — доведем мы его, поверьте.

— А я нисколько не сомневаюсь, Николай Дмитриевич, — с еле заметной улыбкой отвечаю я, — ну, сами подумайте, куда же вы денетесь?

И в самом деле, чего сомневаться? Смогли там, справятся и здесь. В любом случае приказ на запуск двигателя в производство я уже отдал. Пусть и с меньшим, чем желательно, ресурсом. Туполев с Петляковым уже начали разработку стратегического ракетносца на базе Ту-95 того мира. Долго спорили, на основе чего делать сверхтяжелый дальний бомбардировщик. Предлагалось даже взять за образец Б-52. Но посчитали, и выяснилось, что по параметру «цена-качество» сравнимых с «тушкой» машин нет. Но вот решили не тупо копировать, а создать новый самолет с использованием всего багажа знаний начала двадцать первого века. Необходимости в чем-то типа Ту-160 у нас пока нет и, надеюсь, вообще не возникнет.

* * *

Н-да, что называется, удружили! Мне же, по местным меркам, всего двадцать лет исполнилось. Только четыре человека здесь, включая меня самого, точно знают, что мне на самом деле под семьдесят. Ну, еще один, Лаврентий Павлович, твердо уверен, что я уже далеко не мальчишка. Но подарок на день рождения мне сделали поистине царский. А Синельников, паразит этакий, еще и теоретическую базу подвел. Мол, на Ближней даче меня, как руководителя Советского Союза, в нынешних условиях стало слишком сложно охранять. Недостаточно Ближняя дача соответствует современным требованиям безопасности. Нашли, в общем, повод. Работы начали, оказывается, еще в августе прошлого года. Результат получился, надо признать, очень неплохой.

Комплекс резиденции Председателя Государственного Комитета Управления СССР, как по новой Конституции называется моя должность, построили, в общем-то, недалеко — под Крылатским. Четырехэтажное главное здание с залами для совещаний и приемов. Все необходимые службы находились в нем же. Двухэтажный особнячок, предназначенный для проживания большой семьи, находился к юго-западу в двадцати метрах и соединялся с главным зданием крытой галереей. Порадовал небольшой бассейн со сдвижной крышей. Летом — загорай не хочу. Зимой, впрочем, тоже, так как часть сдвижной крыши была сделана из кварцевого стекла. По территории было раскидано несколько гостевых домиков. И кого я здесь принимать буду?

А подарков-то надарили! Ну зачем мне четыре кавалерийских шашки и еще какой-то палаш в золоченых ножнах?! В гостиной на стенку повесить? Чтобы дочка, когда родится и подрастет, полезла смотреть и порезалась? А ведь мы с женой на одном ребенке не остановимся. Надо ведь положительный пример собственному народу подавать. Нет, холодное оружие, развешанное на стенах, мне не требуется. Уж лучше пусть пара копий маринистов будет. «Девятый вал» наблюдать приятнее. Какой-то царек из центральной Африки вообще додумался десятилетнюю девочку для услаждений прислать. Мы с Галиной чуть животы не надорвали от смеха! Я-то ладно, а как жене на шести месяцах быть? Галинка ласково погладила это маленькое чернокожее чудо по головке и отправила в детский дом. Я думаю, девочка там долго не задержится. При нынешних льготах семьям ребятишек из детских домов разбирают очень быстро. Государственная линия на улучшение демографии у нас серьезная. От первоочередного обеспечения качественным жильем до приличной материальной помощи родителям. Вот и мы с женой, как пошутил Лаврентий Павлович, попали под эту программу. Получили, можно сказать, новую квартиру перед рождением ребенка.

— Но это же несправедливо! — попробовал я возмутиться. — Нас пока только двое.

— А работать иногда по шестнадцать-восемнадцать часов в сутки — справедливо? — парировал маршал. — А ты, Галина Викторовна, куда смотришь? Мне твой муж нужен здоровым и работоспособным на долгие годы. А сейчас Василий пытается работать на износ.

Интересно, я называю жену Берии на «вы», но по имени, а он мою — по имени-отчеству, но на «ты».

— Лаврентий Павлович, вы даже не представляете, как я с ним борюсь. Стоит только отойти на минутку, как сразу зарывается в свои документы. Или вообще упрется глазами в потолок и размышляет о чем-то.

— Во! Ну не телевизор же мне смотреть? Скучно, — попытался оправдаться я.

— Э-э! — тут же влез Синельников. — Ты, Вася, в сторону-то не уходи. Мыслишь-то о чем?

Вот ведь троглодит! Слишком хорошо меня Егор знает, чтобы сразу не уловить в словах моей жены самую суть. Я оглядел малую гостиную своего нового дома. Очень уютно. Большой круглый стол из мореного дуба. Ниже столового, но выше журнального столика. Два громадных угловых дивана. Мы сидим впятером. Галинка рядом со мной, чета Синельниковых напротив и Лаврентий Павлович посередине. Берия тоже почувствовал растущее напряжение. Откупорил бутылку с высоким узким горлышком довольно редкого сухого грузинского вина и разлил по хрустальным бокалам. По полной мужчинам и на самом доньшке женщинам. Псоу. Есть у нас такая речушка на границе Краснодарского края и Абхазской автономной Советской Социалистической Республики. Раньше оттуда привозили вино с одноименным названием отцу, теперь присылают мне. Молча чокнулись и выпили. Все с ожиданием смотрели на меня. Не торопили. Колоться? Ну что мне скрывать от самых близких людей? Я встал, подошел к высокому маленькому столику под открытой большой форточкой. У нас здесь уже освоили стеклопакеты. В моем доме были установлены самые нынче модные — деревянные. Отопление было отличным, и теплый воздух ощутимо вытягивался в мартовский вечер за окном. Я достал сигарету из лежащей на столике пачки «Лаки стрейк», размял и закурил. Посмотрел еще раз на своих.

— Да вот есть одна проблема, которую пока никак не могу решить.

Светка поерзала на диване и забралась к Егору на колени. Как я заметил, когда возникали какие-то сложные вопросы, она всегда устраивалась на коленях у мужа, если не было чужих людей в доме.

— Здесь у нас, в Советском Союзе, все самое главное принципиально решено. Это, если хотите, тот самый светлый путь, о котором мечтал отец. Да, предстоит сделать еще очень многое. Впереди годы и годы работы. Но реальных внешних врагов у нас нет. Внутренние? Разберемся. Все в наших руках.

Синельников и Берия синхронно кивнули.

— Справимся мы здесь, куда денемся... А вот там... Там ведь тоже живут люди. Такой же народ, как и у нас. Да, потребуются годы, может, даже десятилетия, чтобы наладить связь. Получится у наших ученых, в этом я не сомневаюсь. Мы сосредоточили лучшие умы всей планеты. И продолжают прибывать все новые и новые.

Егор с Лаврентием Павловичем опять кивнули. У нас действительно сразу после окончания Великой Освободительной войны резко увеличилась иммиграция научных кадров со всего мира. Никакая другая страна планеты не в состоянии предоставить своим ученым почти неограниченное финансирование, отличные условия для работы и вполне комфортное проживание. А если сюда добавить некоторый багаж знаний из двадцать первого века... Зря мы, что ли, взяли курс на то, чтобы стать ведущей научной державой мира? И ведь уже стали! Как мне кажется, в этом двадцатом веке никто и приблизиться к нам не сможет по уровню образования и науки.

— Здесь... Здесь, сейчас я это уже хорошо понимаю, все было достаточно просто. Помочь немного знаниями, подсказать, куда надо двигаться дальше. Предупредить об ошибках, в том мире совершенных. Общий-то курс изначально был правильным. Помнишь,

Женя, как мы планировали наши действия там? — Я посмотрел на Егора, назвав его прошлым именем. Посмотрел и повернулся к Берии.

Его глаза были широко открыты. Лаврентий Павлович понял, что мы не собираемся теперь уже ничего от него скрывать. С другой стороны, как я понял, технические вопросы связи между мирами его не очень интересовали. Этот человек отлично знал, что не все тайны улучшают настроение. Заодно маршал немедленно понял, что наши жены уже все знают.

— Н-да, — отозвался Синельников, — а ведь действительно все оказалось значительно проще. Мы сами тогда совершенно не учитывали реального потенциала нашей собственной державы. Да и вы, Павел Ефимович, тоже немного ошиблись в прогнозах тогда.

Егор неосознанно гладил по голове маленькую по сравнению с ним Светлану. Сестренка прильнула к мужу и, как всегда, млела в его руках.

— Теперь понимаешь, у какого полковника я тогда учился? — генерал армии опять ласково погладил жену. Светка часто-часто закивала.

Галина молча переводила взгляд своих синих глаз с меня на Егора. Она давно уже знала, как звали меня в том мире.

— Там все так плохо? — спросил Берия. — Хуже, чем по состоянию на тысяча девятьсот девяносто девятый?

Мы переглянулись с Егором. Лаврентий Павлович оперировал информацией все из того же секретного документа, ошибочно переданного сюда почти год назад.

— В чем-то хуже, в чем-то лучше, — ответил я маршалу, — но общее направление — отвратительно. При Советском Союзе были созданы огромные заделы в науке и технике. Настолько огромные, что по образцам вооружений Российская Федерация до сих пор умудряется как-то удерживаться на мировом уровне. Например, в том мире только две державы имеют истребители пятого поколения. Штаты и Россия. Но серийный выпуск... Двадцать машин в год — курам на смех. Экономика реально работает только на продаже полезных ископаемых. Ну разве что еще некоторый экспорт оружия. Процветает так называемый «бандитский капитализм». Сорвать деньги где можно, а потом хоть трава не расти. Война кланов на всех уровнях власти. Подчеркиваю, на всех, включая самый высший. Одни жируют, другим жрать нечего. Одни покупают самые дорогие в мире океанские яхты, другие... на помойках обитают. Медицина... Серьезные операции — только за деньги. Уровень коррупции — фантастический. Культура... Литература еще как-то держится, а кино... Сериалы про благородных бандитов бьют все рейтинги. Одна «Бригада» чего стоит. Опошляется все, что только можно. По Аркадию Гайдару комедию сняли: «Тимур и его команда». Так там отец главного героя не красный командир, а вор в законе. Чуть ли не десять процентов населения или в лагерях, или уже побывали там. Реальная пенсия уменьшается, а пенсионный фонд себе дворцы строит.

Я говорил, курил, выдыхая дым в открытую форточку, а взгляды четырех пар глаз не отрывались от меня.

— В общем, даже когда у нас будет связь с тем миром... Я пока не представляю, как помочь им. А оказать помощь мы обязаны. Двадцать шесть миллионов сохранных жизней наших подданных стоят того.

В гостиной повисла тишина. Я загасил сигарету в пепельнице и сел на свое место рядом с женой.

— Какая, говоришь, разница в скорости времени между мирами? — неожиданно спросил Берия

— Три целых и восемьдесят шесть сотых раза.

— За наши четыре года там проходит чуть больше одного, — как бы размышляя, произнес маршал, — а сколько людей мы туда сможем послать?

Это его «мы». Берия принял задание. Принял как необходимое. Теперь тоже будет голову ломать. Мы с Егором переглянулись.

— Не больше тринадцати человек, — ответил я, — сюда можно было только двоих, а туда — почти полтора десятка.

Теперь уже переглянулись наши жены. Светка поерзала на коленях у Синельникова, а Галинка взяла мою руку и прижалась щекой к ладони.

— Один на миллиард, — сказала она.

— Что за один на миллиард? — не понял маршал.

— Вероятность того, что мы смогли бы повстречаться со своими мужьями⁵⁹, — ответила ему Светлана.

— Неправильный подсчет, — решил немного разрядить обстановку Егор, — тем более что это мужская логика. А по женской — пятьдесят на пятьдесят.

— Почему? — капризно спросила сестренка, задрав голову вверх, чтобы посмотреть в лицо мужу.

— А это так же, как в том бородатом анекдоте — увидеть на улице живого динозавра. Или встречу, или нет.

Девчонки, наконец, заулыбались.

Лаврентий Павлович опять разлил вино. Мы пригубили не чокаясь.

— Кто из вас убедил Кобу, что человеческий ресурс важнее всех других? — спросил маршал.

Черт, давно я не слышал партийной клички отца!

— Больше я, но идея и разработка была полковника, — без промедления ответил Синельников, кивнув в мою сторону.

— Это было так заметно? — поинтересовался я.

— Для кого как, — не очень определенно высказался Берия, но затем добавил: — Я обратил внимание сразу. Заставить Иосифа Виссарионовича достаточно круто изменить курс — это очень серьезно.

Мы опять немного помолчали.

— Вот что, парни. Раз уж начали говорить, то теперь рассказывайте все. С самого начала. Информации для анализа ситуации совершенно недостаточно. Я так понимаю, что ваши жены, — маршал сначала улыбнулся моей Галинке, затем Светлане, — уже все основное знают?

— А не быстро это будет, Лаврентий Павлович, — отозвался Синельников, — очень не быстро. Одного вечера явно не хватит. Стоит ли сегодня? Все-таки у Васи, можно сказать, юбилей. С другой стороны, приступить к реальной работе по этой теме мы все равно сможем только через годы.

Берия кивнул, соглашаясь, опять наполнил бокалы и встал.

— Вы, друзья, сидите, а я выпью за вас стоя. Вы это заслужили. Я не буду сейчас произносить длинного грузинского тоста. Просто скажу: спасибо.

Мы соприкоснулись бокалами, и по гостинной поплыл тихий, но звонкий звук горного хрусталя...

* * *

Одиннадцать тысяч метров высоты. Практически уже стратосфера. Небо совершенно не земное. Черное-черное с мириадами колючих звезд. Здесь, на этой заоблачной высоте, все совершенно по-другому. Космос ближе. Кажется, только руку протяни и возьми. Он рядом, реальнее, осязаемее, чем далёкая, невидимая ночью под сплошным ковром облаков — существует ли она на самом деле? — земля.

Я никогда раньше, даже в том моем первом мире, не летал на тяжелых машинах ночью. Взлетный вес в полсотни тонн — это очень много. Во всяком случае, для тысяча девятьсот сорок первого года. А именно столько или даже чуть больше весил наш стратегический бомбардировщик Ту-4 на старте. Я сижу в левом кресле — при обучении курсант всегда

⁵⁹ В 1941 году на Земле было около двух миллиардов населения

сидит слева, — а мой командир, очень высокий майор Марк Галлай, немного сгорбившись, восседает в правом. При росте около двух метров металлический переплет фонаря кабины приходится прямо напротив его глаз. Поэтому командир вынужден чуть пригнуться, чтобы нормально смотреть вперед. Три года назад он испытывал эту машину здесь, не зная, что в том мире тоже был одним из ведущих летчиков-испытателей Ту-4. Когда я выразил желание освоить тяжелый ракетоносец, Марк тут же согласился стать моим инструктором, совместив обучение с одной из программ испытаний новейшей здесь авиационной электроники. И сейчас мы возвращаемся из длительного полета домой.

Звёзд непривычно много: гораздо больше, чем можно увидеть снизу сквозь толщу оставшейся сейчас под нами атмосферы. Очень хочется дотянуться до них.

— Полетишь туда? — спрашиваю я командира. Мы почти сразу перешли на «ты».

— Обязательно, Вася! — улыбается майор. Он сейчас чем-то удивительно напоминает кота, объевшегося сметаной. — Меня Сергей Павлович уже пригласил испытывать «Восход». Как раз закончу эту программу и лечу в Комсомольский.

Нет, все-таки определенная и притом весьма значительная корреляция между мирами, несомненно, существует. Иначе, почему здесь встречаются люди, там сведенные тяжелейшей войной? Как здесь Марк Галлай познакомился с Королевым? Ведь в том мире мой командир был первым инструктором космонавтов. А вот маленький городок Комсомольский в Ставропольской области центром космической промышленности не был. Сейчас там уже строится громаднейший комплекс. А взлетно-посадочная полоса — вообще сказка. Восемь километров длины для взлета тяжелого, под тысячу тонн, сверхзвукового носителя, с которого будет стартовать космический самолет «Союз» и уходить на орбиту Земли. Вот кстати, еще один пример корреляции. Названия космическим кораблям ведь не я же придумывал. «Восход» будет нашим первым многоразовым орбитальным самолетом. Получается, уже приближается время испытывать его пусть не в космосе, а пока только в атмосфере? Надо будет поинтересоваться у Сергея Павловича, кого еще из летчиков-испытателей он включил в программу. А вот Байконура у нас здесь не будет. На редкость неудачная территория. Основной наш космодром будет располагаться почти на побережье Каспийского моря, в полусотне километров южнее Лагони. Очень удобное место. Город-космопорт Звездный! Звучит? При необходимости можно даже аварийное приводнение в Каспий использовать. Железная дорога рядом. А на реке Куме уже АЭС строится.

Далеко впереди внизу — мутная, матовая чернота толстой сплошной облачности. И там появляется какое-то фантастическое марсианское свечение. Громадное, в десятки километров, красновато-багровое пятно подсвеченной снизу облачности. Пожар таких огромных размеров? Ни в коем случае! Это... Москва. Ночной свет столицы пробивается через облака далее на такую высоту.

— РУД всех четырех двигателей на тридцать, — через СПУ команду я бортинженеру, — штурману запросить пеленги.

Отдаю большой полукруглый штурвал немного от себя. Марк поощряюще кивает. Начинаем снижение. Члены нашего многочисленного экипажа отлично знают, что и когда им надо делать, но я, как стажирющийся на командира корабля, обязан вовремя отдавать все положенные приказы.

* * *

Берия ходил именинником. Хотя день рождения маршала отмечали за неделю до моего, но сегодня был его день! Бомбу взорвали второго апреля над безлюдными районами северного побережья Гренландии, выкупленной у Датского королевства в ноябре прошлого года. Шесть с половиной тысяч метров над береговыми скалами земли Пири. Мощность относительно чистого взрыва составила пять и две десятых мегатонны в тротиловом эквиваленте. КПД устройства превысило девяносто семь процентов. Я даже не стал выяснять конструкцию. «Слойка» это была или схема Теллера-Улама. Хотя наверняка второй вариант.

Мне ведь доложили именно о чистом взрыве. Работает? На конвейер поставили? Ну и ладно. Весь этот ажиотаж вокруг испытаний этой жуткой бомбы мне несколько не понравился. Придется долго и упорно объяснять, что это — оружие сдерживания. Применять его нельзя ни в каких случаях! Наша основная задача теперь состоит в предупреждении любых войн на нашей маленькой планете. Хватит уже, навоевались! Двух мировых войн им мало!

А вот то, что в пятницу четвертого апреля летчик-испытатель первого класса майор Алексей Гринчик поднял в небо наш первый реактивный истребитель, меня очень порадовало! В принципе, это был МиГ-35, но, увы, практически без твердотельной электроники. Электроника, в ее прямом смысле двадцать первого века того мира, делала у нас пока только первые шаги. Так что правильнее было назвать истребитель аналогом МиГ-29. Жду не дожусь, когда закончится хотя бы первый этап испытаний реактивной машины. До того Лаврентий Павлович костыми ляжет, но в полет меня на этом истребителе точно не пустит.

* * *

Первая послевоенная сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций собралась в июне тысяча девятьсот сорок первого года, в Крыму. Там, по эскизам Лаврентия Павловича, за год выстроили огромный комплекс зданий штаб-квартиры ООН. Построили еще не до конца. Как утверждают строители, там работы еще на несколько лет. Но проводить заседания Совета безопасности и даже сессии Генеральной Ассамблеи уже можно было с приличным комфортом. Что и подтвердил мне несколько позже генерал армии Синельников, представлявший Советский Союз на сессии. Почему не я лично, хотя туда съехались в первую очередь высшие руководители большинства стран мира? Ну, во-первых, меня совершенно не тянет быть публичным политиком. Да и Егор с этой задачей справляется значительно лучше меня. А во-вторых, у меня была уважительная причина!

Наталия, Натали, Наташенька, Ната. Я перебираю разные звучания имени своей дочери и балдею! Этот маленький человечек появился на свет в понедельник девятого числа и поднял шум на все Крылатское. Легкие у моей девоньки о-го-го какие! Два килограмма девятьсот пятьдесят граммов при пятидесяти одном сантиметре роста. То-о-ошая! Я вначале боялся брать доченьку на руки. Очень легенькая. Почти не чувствую. Поселили Натали мы в малюсенькой колыбельке у себя в спальне. Но в конце недели к нам заявила Галинкина бабка и все переиначила. Этот цербер в юбке — тьфу, не в юбке, а в просторных коричневых штаниках, как здесь называют джинсы, и бесформенной, но всегда чистой кофте — сразу навела свой порядок.

— У ребенка, — сказала она, — раз у вас столько места, должна с самого начала быть своя комната.

Сказала и поселилась у нас. У Натальи Матвеевны (у меня очень острые подозрения, в честь кого жена назвала мою дочь!) достаточно своеобразные взгляды на воспитание грудных детей.

— Эти ваши одноразовые подгузники... Что ж, таперича ребенку мокрому в них лежать?

Как она угадывает, что Наташенька описалась, я совершенно не понимаю! Но ни одного переодевания зря.

Тепло? Значит, девочка должна лежать голенькой! Надо только распашонку с зашитыми рукавчиками одеть, чтобы себе пальцем в глазик не попала.

А уж как она обслуживающий персонал гоняет! Они у бабки или, точнее, бабуся, как я довольно скоро стал ее называть, все по струнке ходят. Наталья Матвеевна оказалась, как в той поговорке про свинью — всегда грязь найдет. В смысле — чистюля жуткая. Обнаружить теперь в нашем доме пылинку невозможно. Впрочем, в этом вопросе спорить с ней совершенно не собираюсь. Тут меня все абсолютно устраивает. Вот только сюсюкать с ребенком не разрешает.

— Разговаривай с девочкой, как со взрослой. Это только кажется, что она ничего не понимает. Хорошее слово до человека всегда дойдет!

А так как личного опыта у меня самого в воспитании детей кот наплакал, то приходится полагаться на авторитет бабуси. Впрочем, я-то ладно, но у моей довольно своенравной жены споров с бабкой тоже почему-то не возникает. Я теперь, возвращаясь с работы, вместо того чтобы сразу поцеловать жену и доченьку, сначала переодеваюсь и моюсь. Иначе тут же услышу:

— Куды к ребенку в уличном попер?

Спорить с бабусей? Себе дороже получится. На своем она все равно настоит, но сначала все косточки мне перемоет. А с другой стороны, надо честно признать, что человек Наталья Матвеевна довольно тактичный. Не в свое дело не вмешивается. Во только вопрос в том, что она считает своим делом? Хорошо хоть не государственные дела, которые обсуждаются у нас довольно часто. Впрочем, когда девоньку утром приносит жене покормить, всегда сначала постучит и дождется разрешения, только потом заходит. Только сама ребенка носит. Не доверяет Наталья Матвеевна свою маленькую тезку обслуживающему персоналу:

— Чужие они! Даже прикоснуться не дам!

В то же время Светке, Егору и Лаврентию Павловичу с Нино — пожалуйста.

Эти — свои. Им можно.

Как Натали присасывается к Галинкиной груди! Кушает ребенок у нас хорошо (тьфу, тьфу, тьфу через левое плечо!). Глазенками своими серо-буро-малиновыми так смешно лупает! Точный цвет пока не понять. После кормления бабка обязательно заставляет жену сцеживаться.

— Ты, внученька, не сопротивляйся и не ленись. Иначе молоко пропадет.

Впрочем, в этот момент мне лучше не присутствовать. Галка может и брызнуть на меня молоком прямо из своей красивой груди! Шуточки у нее такие. Однажды дала попробовать на вкус. И как Наташенька эту жирную гадость кушает? Совершенно не понимаю!

* * *

— Ну, рассказывай, как там все прошло?

Я встретил Егора на центральном аэродроме столицы. Светка прилетела еще вчера рейсовым самолетом, и сейчас бабка с Галиной наверняка в очередной раз пытаются отобрать у сестренки мою дочь. Нашла себе куклу!

— А тебе, что, о результатах сессии и принятых решениях не докладывают? — удивился Синельников. — Или ты газеты не читаешь?

— Егор, не валяй дурака! Меня интересует именно то, чего в газетах не пишут. Ин-то-на-ци-и, — последнее слово пришлось произнести по слогам, — здорово они испугались?

— До колик в животе, — расхохотался Синельников, усаживаясь в машину, — мы, надеюсь, сначала к тебе? Я племянницу видеть хочу.

— Ко мне, ко мне, — успокоил я его, — Светка от Наташеньки отходить не хочет. Но ты все-таки давай о крымских делах рассказывай.

— Ну что, демонстрацию фильма об испытаниях бомбы они восприняли очень положительно, — Егор опять заулыбался, — когда прозвучал голос Левитана с указанием мощности взрыва, показ пришлось прервать и зажечь свет. Шум поднялся приличный. Ты, Вася, тогда правильно сказал, что заявление придется сделать раньше. Я тут же огласил о готовности Советского правительства поставить атомное оружие под контроль Совбеза ООН, но предложил сначала все-таки досмотреть фильм. После приведения расчетов о неминуемом наступлении ядерной зимы после массового применения нескольких десятков таких бомб, в зале, наоборот, наступила полная тишина. Они даже кашлять боялись. А когда

мы напомнили исторические сведения об извержении Тамбора⁶⁰ в тысяча восемьсот пятнадцатом...

Н-да. В исторических хрониках тысяча восемьсот шестнадцатый год называется «Год без лета». Самый холодный год в мире за всю более чем полутысячелетнюю историю метеонаблюдений на нашей планете. Последовавшие тогда неурожай вызвали следующей весной десятикратный рост цен на зерно. А народа на планете тогда от голода поумирало...

— Напомнили и о работах американского исследователя климата Уильяма Хамфрейса тысяча девятьсот двадцатого года. Это ведь он тогда доказал причину «Года без лета», — с веселой ухмылочкой продолжил Егор. — Напоминание об извержении Кракатау тысяча восемьсот восемьдесят третьего⁶¹ и нескольких холодных годах после этого тоже пришлось кстати. А когда пошли кадры из смонтированных кусков фантастических фильмов того мира о результатах ядерной войны... Кто-то на весь зал заорал: «Апокалипсис! Конец света!» Пришлось, конечно, указать, что это пока только предположения наших ученых, но достаточно точно подтвержденные расчетами. В общем, я вынужден был несколько раньше объявить о том, что каждая делегация получит копию демонстрировавшегося кинофильма и комплект документов как о самих испытаниях, так и с научными выводами о необходимости запрета как разработки, так и испытаний ядерного оружия. Ну и, соответственно, о наших предложениях по этому поводу.

Я уже давно размышлял о том, почему в том моем прошлом мире Организация Объединенных Наций так и не стала надежным инструментом по предотвращению войн на планете. Корея и Вьетнам, Лаос и Ангола, бесконечная череда Арабо-Израильских войн. Перечислять все военные конфликты второй половины двадцатого века бессмысленно. Почему? Почему вроде бы отлично задуманный Совет Безопасности не смог ничего там сделать? И пришел я в результате к простейшему выводу — виновато пресловутое «право вето» постоянных членов Совбеза. А вот не будет у нас здесь такого! Решило большинство, что начавшийся конфликт надо прекратить, значит, войска ООН придут и сделают свое дело. И плевать, что кто-то не согласен! А в том, что большинство будет за мир в нынешних условиях, я, глава самого мощного в военном отношении государства на Земле, нисколько не сомневаюсь. Не будет у нас больше войн. Матери не должны терять своих детей! Не хочу! Да и военные расходы в результате должны резко пойти на спад во всем мире. А уж куда применить освободившиеся ресурсы, мы найдем. Тоже мне проблема.

— Предложил я им всем подумать и заново встретиться там же, в Крыму, через три месяца. Соответственно мое предложение было встречено долгими и продолжительными аплодисментами, — опять расхохотался Егор, — но теперь, Вася, тебе самому придется туда ехать. Хватит за мою спину прятаться. Нет, я, конечно, тоже поеду. Но идеи-то, в конце концов, твои. Тебе и претворять их в жизнь. А вообще, как это ни странно, несмотря на то что ты, товарищ полковник, довольно успешно прячешься как от журналистов, так и от международных политических деятелей, твой, Вася, авторитет значительно выше моего.

— А это потому, товарищ маршал «кровавой гэбни», что у меня язык хуже подвешен, чем у тебя, — отшутился я. — Поэтому вынужден несколько больше помалкивать. А молчание, оно того — золото.

⁶⁰ Тамбора (Tambora, 8°15' ю ш, 118°00' в л (G)) — стратовулкан в Индонезии на острове Сумбава (Sumbawa). Извержение этого вулкана в 1815-м — крупнейшее за всю современную историю по объёму изверженного материала (до 150–180 км пирокластики и газов), количеству человеческих жертв (непосредственно при извержении погибло около 10000 человек, от 50000 до 80000 умерло от голода и болезней вследствие извержения) и глобальному воздействию на климат Земли, единственное исторически подтвержденное извержение с коэффициентом эксплозивности 7

⁶¹ Кракатау (индон. Krakatau) — бывший остров и действующий вулкан в Индонезии, расположен в Зондском проливе, между островами Ява и Суматра. Катастрофическое извержение 1883 года уничтожило большую часть острова

* * *

Черт побери! Ну не хотел я этого! Совершенно не хотел! Оно само как-то так получилось... Вот что значит, летать и не думать.

Новейшая реактивная машина пошла в серию еще даже до начала испытаний в этом мире. Там-то МиГ-35 был давно испытан. Да, большую часть электроники мы пока просто не в состоянии повторить. Как минимум ближайшие полгода-год. Но все, что влияет на безопасность полета, наши инженеры сделали. Даже знаменитое катапультное кресло К-36ДМ установили. Истребитель получился исключительно надежным. В конце концов все его «детские болезни» вылечили еще в том мире. Вся первая партия в двадцать семь машин по мере готовности тут же отправилась на испытания. Одновременно сразу на трех аэродромах по различным программам велась интенсивная работа. Очень поразили летчиков-испытателей ЛИИ⁶² тяговооруженность и противоштопорные характеристики самолета. В штопор машину надо было загонять принудительно. Вывод из него? Достаточно было просто бросить управление. В общем, ГОСы⁶³ новейший «мигарь» прошел на ура.

В августе Лаврентий Павлович дал наконец-то добро и мне. Даже сам приехал в Кубинку посмотреть на мой первый полет на этой реактивной машине. А здесь все уже давно начали осваивать новый истребитель. Тем более что в пилотировании он оказался проще, чем все, что было до него. Электродистанционная система управления с легкостью парировала даже относительно грубые ошибки управления. Быстродействия и мощности пока еще относительно слабых бортовых ЭВМ с четырехкратным резервированием для этого вполне хватало.

Закрывшийся колпак, кажется, отрезает от меня весь мир. Шипение надувшегося шланга дополнительно к сигнальному зеленому огоньку информирует о герметизации кабины. Привычная ухватистая ручка управления. Сколько я в том мире не летал на реактивных? Семнадцать лет. И здесь еще почти полтора года. А руки, ноги и, главное, подсознание все помнят! Четыреста двадцать часов налета на МиГ-29 и тысячи часов тренажера. Когда там врачи запретили мне летать, я с тренажеров долго не вылезал. Пытался хоть таким образом задуть зов неба. Но тренажеры — это не то. И вот теперь...

Даю полный форсаж. Почти восемнадцать тонн тяги при собственном взлетном весе машины семнадцать тонн прижимают нос истребителя к земле, заторможенные колеса со скрипом ползут по бетону. Отпускаю тормоза — самолет, как сорвавшийся с цепи пес, кидается вперед, вжимая меня в спинку кресла. Скорость стремительно нарастает... Пора! Плавню ручку, самолет мгновенно отрывается от земли, и я, непрерывно увеличивая угол набора, ставлю машину вертикально, одновременно убирая шасси. Энерговооруженность машины выше единицы! Зафиксировав вертикаль — скорость уже четыреста — кладу самолет на спину, проверяю высоту — тысяча четыреста, кручу «бочку» и иду вниз. Опускаю самолет пониже, уточняю свое место, тяну на косую петлю. Далее следует переворот на «горке», вираж, три четверти петли, «полубочка» на нисходящей вертикали, пролет над ВПП с «бочкой», разворот и вверх. Я могу! Я все помню! Я могу все!!! Восторг просто переполняет меня! Левая рука автоматически тянется к пульту и перекидывает тумблер ОВТ⁶⁴ в верхнее положение. Вот теперь я вообще Господь Бог в небе! Здесь еще не научились пользоваться этой системой. Просто не успели. Нет, там я сам никогда не пробовал предельные фигуры на самолетах интегральной схемы, когда на

⁶² ЛИИ ~ летно-испытательный институт

⁶³ Комплекс государственных испытаний

⁶⁴ отклоняемый вектор тяги

закритических углах атаки почти половину подъемной силы дает фюзеляж. Их изобрели, когда меня уже отлучили от неба. Но на тренажерах-то отрабатывал!

Динамическое торможение — «Кобра»! Сто сорок градусов от горизонтали. Я просто чувствую, как с законцовок плоскостей срываются туго закрученные белые инверсионные вихри. Возврат в горизонтальный полет. РУД на полную, и вверх. «Кульбит»⁶⁵, горизонт, «Двойной кульбит», снова горизонт, «Бумеранг». Как же все-таки здорово! А теперь попробуем самое трудное. Прибрать тягу и вверх. Скорость падает. Плавненько, по чуть-чуть двигаю РУД. Тяга двигателей должна строго соответствовать текущему весу машины. Есть! Скорость ноль и я стою на реактивных струях двигателей, совсем немного подыгрывая ручкой. Секунда, две, три, четыре. Все! Если у гипотетического противника есть ракеты с боеголовками на эффекте Доплера, то они меня за это время уже гарантированно потеряли бы. Прибрать тягу. Самолет начинает скользить хвостом вниз. Ручку от себя — и машина как бы нехотя переваливается вперед. Пикирование с почти мгновенным набором скорости. Выход в горизонталь. Хорошо получилось, «Колокол» выполнен. Теперь можно и кое-что попроще. «Кадушку» или «Вертолет»?

— Ну, и как тебе после этого верить? — Берия укоризненно покачивает головой. — Ты теперь эту машину ломать будешь?

— Ни в коем случае! — я не оправдываюсь. Я — возражаю! — Эту машину невозможно сломать, Лаврентий Павлович! Электродистанционное управление вместе с бортовой системой стабилизации полета просто не даст превысить расчетные перегрузки, — конечно, я немного преувеличиваю. Как говорится, сдуру можно и... сломать.

— Ты в этом уверен? — сомнение в его голосе все-таки присутствует.

— Абсолютно! — Я наконец-то расстегиваю комбинезон и с удовольствием вытираю поданным техником полотенцем мокрую голову. Хорошо сегодня отвел душу! Завтра надо будет повторить. — Можете спросить у любого инженера по этой машине. Или любого летчика, кто на ней уже вылетел. Ведь пока все зачеты не сдашь, никого самостоятельно не выпустят.

— Разрешите обратиться, товарищ маршал Советского Союза? — тут же суется мой неугомонный ведомый Николай Зарубин. И на поощряющий кивок Берии продолжает: — Полковник Сталин говорит все правильно. Превысить расчетные перегрузки на этой машине невозможно. Чудо как хороша. Вот только запас снарядов на ней маловат. А обещанных ракет еще нет.

— Не беспокойтесь товарищ майор, — ухмыляется Лаврентий Павлович. С моим никогда не унывающим ведомым он давно знаком, — все будет. Работают коллективы. Но, как мне кажется, если вы будете стрелять так же метко, как на той войне, то сотни снарядов на любой бой вам вполне хватит и еще останется.

— Так точно, товарищ маршал Советского Союза! Буду стараться! — И, повернувшись ко мне, задает свой главный вопрос: — Вася, а что это было?

Берия, вроде бы успокоенный Зарубиным, тоже заинтересованно смотрит на меня. Я начинаю объяснять про динамическое торможение, «Кульбит», возможность открытия ракетно-пушечного огня из положения лежа на спине хвостом вперед по преследующему противнику, «Колокол» и другие фигуры. Сам не заметил, как подошли Саша Покрышкин, Павел Рычагов и другие пилоты. Разговор полностью перешел на профессиональные темы. Вот тут кто-то и произнес: «Комплекс фигур высшего пилотажа полковника Сталина».

«Кобра Сталина»? Ну не хотел я этого! Ей-ей, не хотел! Случайно получилось. Виктор Георгиевич⁶⁶, простите меня!

⁶⁵ «Кульбит», «Двойной кульбит», «Кадушка», «Вертолет» — эти фигуры высшего пилотажа возможно выполнить только на самолетах с ОВТ

⁶⁶ Хотя впервые в мире данную фигуру высшего пилотажа выполнил в испытательном полете на самолете Су-27 заслуженный летчик-испытатель СССР Игорь Волк, ей присвоено имя Виктора Георгиевича Пугачева,

— Вы, Андрей Александрович, кто такой? — задал я вопрос.

В кабинете повисла тишина. Я вызвал Жданова на совещание ГКУ не просто так. Мне надоели бесконечные выкрутасы этого политического деятеля прошлого. До чертиков надоели! Нет, я не буду уподобляться подполковнику Караху из моей далекой юности того мира. Был у нас такой преподаватель тактики в погранучилище. Как специалист он был великолепен. Но дисциплиной нас, курсантов, задалбывал по-черному. Вызовет за какое-нибудь мелкое нарушение, задаст вопрос и тут же рот затыкает: «А я вам говорю, молчите, товарищ курсант!» Я дам Жданову высказаться.

— Мы все ждем, Андрей Александрович, — надо поторопить. Чего он на прямой вопрос не отвечает?

— Я — первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии. Член Политбюро ЦК КПСС. И я совершенно не понимаю, что вы здесь устраиваете.

О! Не понимает он, видите ли. Все он понимает. Знает кошка, чье мясо съела!

— Тогда какого хрена вы вмешиваетесь в планы государственных предприятий? Для чего потребовали отправку партии тракторов с Кировского завода в Канадскую республику на две недели раньше плана?

— Что значит, для чего? Чтобы наши канадские труженики получили технику к празднику. К очередной годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

— К праздничку, значит? — я поворачиваюсь к своему министру Госконтроля: — Лев Захарович, доложите, пожалуйста. Нет, сидите, — удерживаю я Мехлиса, — а вот вы, Андрей Александрович, наоборот, встаньте. Пусть товарищи на вас посмотрят.

— В результате неправомерных действий секретаря обкома КПСС, плановая партия тяжелых колесных тракторов К-9400 и К-9430 для Канады была отправлена на две недели раньше срока поставки с неполной комплектацией и содержащая технику, до тридцати процентов бракованную. Брак явился следствием спешки при производстве насосных агрегатов гидросистемы. Технология сборки этих высокоточных узлов не была выдержана. Как результат региональное отделение Кировского завода вынуждено было переставлять насосные агрегаты с некомплектных тракторов, для того, чтобы выполнить хотя бы часть заказа. План поставок в Канадскую ССР сорван, — речь министра Государственного контроля была достаточно монотонна, но глаза его метали молнии.

— Спасибо, Лев Захарович, — остановил я Мехлиса и повернулся к Жданову.

— Кто дал вам право вмешиваться в работу государственного предприятия? — опять спросил я. Выждав минуту, продолжил: — Все убытки и компенсации грузополучателям взыскать с партийной организации Ленинграда и области. Егор, пусть твои службы проконтролируют, — Синельников незамедлительно кивнул, — а вы, Андрей Александрович, постарайтесь сделать так, чтобы я о вас больше никогда не услышал. В противном случае вами займется те же самые службы, но определением вашей деятельности будет уже не глупость, а совершенно другое — саботаж.

Лицо Жданова налилось желчью. Интересно, что он теперь будет делать? Серьезного компромата на него у Егора пока не было. А без этого убрать его из КПСС было невозможно, во всяком случае сейчас.

Все наши планы по партийным заговорам были сорваны. Не хочет никто, кроме КПСС, драться за власть. А у последней текстом новой Конституции вырваны зубы. Да еще мы сами тихой сапой, не торопясь, но довольно существенно, проредили партийный аппарат на всех уровнях. Новая же масса молодых партийных работников... Дело даже не в том, что бояться. Нет. Никто не ожидал, что в новых республиках Советского Союза будет такой ультрапатриотизм. А ведь я обязан был догадаться. Примеров в том мире подобному

хватало. Самые крутые патриоты Америки там кто? Правильно — те, кто только что стал гражданином заокеанской державы. А с учетом роста уровня жизни, всеобщей занятости населения, вообще всей социальной направленности нашей власти к народу, кто же будет замышлять против нас? Да еще после такой сокрушительной победы в последней войне? Только те, кто что-то потерял. То есть владельцы крупных предприятий, которые были национализированы, и... КПСС, практически лишившаяся реальной власти. Первых было достаточно мало, и они в основном сбежали из страны. КПСС? Но ведь номинально мы, руководство державы, сами по-прежнему состояли в этой партии. Вот только партийные задания не выполняли, отговариваясь занятостью на основной работе. Более того, мы сами были во всех высших структурах КПСС. В Политбюро моих сторонников было большинство. Партии в результате осталась только функция идеологической работы с советским народом. Контроль за кадрами я у нее отобрал. СГБ с этим справляется значительно лучше. Тем более что Егору Синельникову я доверяю значительно больше, чем всем этим Ждановым и Булганиным. Теперь бы еще телефонное право задавить. С другой стороны, бывшая канадская, а ныне просто социалистическая народная партия очень неплохо набирает своих новых членов среди молодежи. Саше Косареву, генеральному секретарю ЦК ВЛКСМ, было дано четкое указание — не мешать! Хочешь, чтобы твой Союз молодежи существовал и дальше? Процветал, а не загнивал? Значит, должна быть здоровая конкуренция. И изволь немедленно поддерживать все действия нашего правительства, или... Или кончишь так же, как твой аналог в том мире. Впрочем, последнее Косареву никто не говорил. Но намекнули кое-что. Вполне понятливый и вменяемый товарищ.

* * *

Осень сорок первого. Самый урожайный год за всю историю человечества! Самая тяжелая страда. Сохранить рекордный урожай зерновых! Строить и строить полевые и капитальные элеваторы и зернохранилища, амбары и зерносушилки! Мирная битва развернулась на всех посевных площадях огромного ныне СССР. Вроде бы должны справиться.

А тут — внеплановая сессия Генеральной Ассамблеи ООН!

— Да, — заявил я, — Советский Союз готов немедленно передать контроль над ядерным оружием Совету Безопасности Организации Объединенных Наций. В то же время у нашего правительства есть определенные условия. Во-первых, все члены ООН должны немедленно отказаться от любых планов разработки и испытаний подобного оружия. То есть для начала принять соответствующие законы. Далее. Мы прекрасно понимаем, что мирные ядерные технологии хотят развивать все страны планеты. А так как обогащение атомного топлива и переработка отходов атомной промышленности связаны с возможностью получения делящихся материалов для ядерного оружия, то все, даже сугубо мирные, атомные предприятия должны также находиться под контролем ООН во всем мире. Проекты договоров прилагаются. В то же время Совет Безопасности должен иметь достаточно реальные рычаги воздействия на тех, кто только задумается о нарушении запрета. Впрочем, для предотвращения любых войн — а ведь это основная цель нашей Организации — у Совбеза должна быть своя, самая сильная на Земле армия. Создавать ее? А не проще ли вообще передать все основные вооруженные силы членов ООН под командование Совета Безопасности?

Отказаться от национальных воинских формирований? Такого предложения никто не ожидал. Нет, понятно, что внутренние войска и полицейские формирования, занимающиеся поддержанием порядка, должны быть национальными. А вот от больших армий, способных как сами напасть на другую державу, так и защитить свою страну от внешнего агрессора, мы предложили отказаться.

— Где гарантия, что тайком созданная армия какой-либо страны не нападет на своего мирного соседа? — тут же спросил премьер Англии Эттли.

— Достаточно сильные и мобильные войска ООН, рассредоточенные по всем основным регионам планеты, — парировал я, — и непрерывный мониторинг потенциально опасных стран эмиссарами ООН.

В огромном зале наступила тишина. Слышен был только достаточно заметный шелест вентиляторов системы кондиционирования воздуха и редкие покашливания отдельных участников сессии.

— Это приведет к очень тяжелому экономическому кризису во всем мире, — включил свой микрофон Теодор Франклин Рузвельт, президент Соединенных Штатов Америки, — остановка военных производств вызовет массовую безработицу, — он, как всегда, смотрел в корень.

— Ни в коем случае, — опять парировал я, — только резкое падение сверхприбылей магнатов — производителей оружия. Конверсия военных заводов и еще раз конверсия. А немедленная и полная остановка военных производств не требуется. Лучшее оружие будет закупаться для войск ООН. Не забывайте, что в результате в руках мирового содружества наций должна быть пусть и рассредоточенная по отдельным регионам, но самая большая, лучше всех вооруженная и, надеюсь, отлично обученная армия мира. А вот о ее конкретном составе и местах постоянной дислокации пусть думают специалисты. Я сам, хотя и являюсь кадровым военным, хорошо разбираюсь только в достаточно узкой области военного дела.

Саркастическую улыбку генерала армии Синельникова, последовавшую сразу за моим последним утверждением, я проигнорировал.

Споры растянулись на две недели. Линии связи комплекса ООН в Крыму работали с огромным напряжением все это время. Шли консультации как между делегациями, возглавляемыми высшими руководителями стран, так и делегаций со своими правительствами и законодательными структурами. Ведь наше предложение требует изменения конституций всех стран — членов Организации Объединенных Наций. Хорошо, что мы успели установить столько видео- и телефонных аппаратов. Нет, все-таки как хорошо, что реально у нас в Советском Союзе диктатура триумvirата. Весь наш народ поддержал революционные предложения Советского правительства. Пропаганда у нас на должном уровне. В других странах? Но ведь там в основном так называемая демократия. Откажись от наших предложений, и удержится ли такое правительство у власти? А ведь мощный ядерный кулак и отличная армия будут в распоряжении ООН. А если в результате Совбез примет решение наказать такую страну? Желание жить природа заложила в сущность каждого человека. А ведь самым главным в наших предложениях являлся отказ от насильственных международных действий. Живи сам и дай жить другому! Как? А вот это уже будет зависеть от тебя самого, от того, как работать будешь.

Немного поговорили об атомной энергетике. Советский Союз согласен немедленно предоставить всем желающим необходимые технологии, вплоть до чертежей реакторов и оказания помощи специалистами. Но! Это достаточно дорого стоит. Впрочем, атомная энергетика достаточно быстро окупается. Все необходимые экономические выкладки мы предоставим немедленно после подписания и ратификации договоров о запрещении разработки и испытаний ядерного оружия.

В результате все правительства, хорошо напуганные нами три месяца назад возможностью ядерного апокалипсиса, согласились с нашими предложениями. С одной стороны — приличное уменьшение доходов от национальных ВПК⁶⁷. С другой — резкое, на порядок, уменьшение расходов на оборону. Как подсчитали эксперты, средние взносы крупных стран в казну ООН для содержания международной армии составят около шести процентов от текущих военных бюджетов. А уж для небольших стран какое огромное значение имеет уменьшение налогового бремени. Ну и пряник в виде мирных атомных технологий...

⁶⁷ Военно-промышленный комплекс

* * *

— У Советского правительства также есть еще предложения, — заявил я на закрытой встрече, — сейчас постоянными членами Совета Безопасности, как известно, являются только наши три великих державы — Советский Союз, Соединенные Штаты и Франция. Мы считаем, что уже пришло время расширить состав.

— Конкретнее, мистер председатель, пожалуйста, — тут же отреагировал Рузвельт, — кого вы предлагаете?

— Израильскую Федерацию, Федеративную Республику Германия и, как это ни странно, Японскую империю.

— Две державы из предлагаемых — недавние враги? — удивился де Голль.

— И что? — парировал я. — Правительства у них новые, возврат к старому курсу невозможен. Денацификация в Германии проведена под нашим контролем достаточно качественно. А в свете только что принятых решений агрессивная политика вообще становится невозможной. Разве у вас есть сомнения, что эти страны достаточно быстро встанут в один ряд с нами?

— Мистер председатель, ответьте на один вопрос, — Рузвельт посмотрел на возвышавшегося над нами француза, хотя мы вдвоем сидели в креслах, и опять повернул голову ко мне, — чего вы добиваетесь? Ваша страна сегодня самая большая и сильная в мире. Ваша армия уже доказала, что не боится никого. Ваше оружие — лучшее. В ближайшие годы вряд ли кто-то сможет догнать Советский Союз. Но внезапно, после совсем недавней войны, вы соглашаетесь передать и армию, и ваше ядерное оружие под международный контроль. Не просто соглашаетесь, а сами предлагаете. Одновременно делаете все, чтобы этот контроль стал максимально всеобъемлющим, вплоть до включения в состав контролеров бывших противников. Итак, чего вы добиваетесь?

Н-да, не в бровь, а в глаз! Надо признать, что он очень умен. Синельников докладывает, что в их проекте «Манхеттен» серьезные подвижки. Строят какую-то огромную установку. Машина времени будет работать? Не верю!

— А добиваюсь я, мистер президент, именно того, что записано в уставе ООН — прекращения любых войн. Хватит уже в истории человечества боевых действий! Я очень хочу, чтобы наша цивилизация окончательно свернула на мирный путь развития. И считаю, что именно сейчас пришло время для этого.

Рузвельт с де Голлем переглянулись.

— Но все же необходимо чем-то заменить военную промышленность. Чем-то, что будет тянуть технологии и бизнес вперед, — президент Штатов не спрашивал. Он констатировал. Точнее — требовал.

— Будет вам замена, — усмехнулся я, — такая, что напрягаться придется значительно серьезней, чем во время войны. Подождите совсем немного.

Теперь уже я переглянулся с французским президентом, в глазах которого были надежда и мечта.

Глава 10

С дубу рухнуть! Или свалиться? Проект «Манхеттен» у американцев работает! Бригадный генерал Лесли Ричард Гровс — генеральское звание он получил осенью сорокового — своего, как это ни странно, добился. Американская машина времени позволяет заглядывать аж на одиннадцать лет в... прошлое. В будущее смотреть теоретически невозможно, как это убедительно доказали их же собственные физики-теоретики. Почему Рузвельт не прикрыл проект прошлым летом, после того как получил от меня правдивую информацию об источнике наших знаний? Черт его знает. Хотя тогда невозможность заглядывать в завтрашний день еще не была доказана.

Подробнейший доклад об американском проекте лежал у меня на столе в кремлевском кабинете. Специалисты генерала армии Синельникова не зря свою зарплату получают. Но в данном случае отличились не только они. Офицеры ГРУ, возглавляемые генерал-лейтенантом Проскуровым, тоже хорошо поработали. Совместная операция двух секретных служб принесла свои плоды. Доклад содержал в том числе и теоретические выкладки. Само устройство мироздания внесло свои четкие ограничения в возможности «следоскопа», как переводится с английского название американской машины времени. Одиннадцать с мелочью лет и пятьдесят девять метров от аппарата пробоя. Они очень близко подошли к теории Берштейна, полусумасшедшего физика того мира. Именно на работах Берштейна основывалась идея Дмитрия Горина, которую он со своим другом Николаем Малышевым и проверил на чужой установке. Установка сгорела, но некий результат был получен. Куратор ФСБ того закрытого НИИ майор Викентьев первым понял перспективы работы молодых ученых. Засекретил все и через головы своего непосредственного начальства доложил замдиректора ФСБ. А тот уже премьер-министру Российской Федерации. Мне, тогда еще полковнику Когану, было предложено курировать проект. Я же дал ему название по своему привычному летному позывному. Проект «Зверь». Я и представить тогда не мог, к чему все это приведет!

Аппаратура у американцев получилась чудовищно огромной. В половину футбольного поля и высотой за тридцать метров. Это же десятиэтажный дом! Энергопотребление тоже поражало. Размер экспериментальной установки был таким большим из-за отсутствия у них нормальной вычислительной техники. Американские ученые просто не представляли, как оптимизировать это устройство. А ведь можно легко запрятать все в обычный дипломат. Уж это- то я точно знаю. Принцип действия этого их «следоскопа» не особо отличается от аппаратов пробоя системы Горина-Малышева. А габариты последних образцов были довольно небольшие. «Следоскопа»? Пожалуй, так и назовем! Это же почти идеальное средство расследования преступлений!

— Егор? — немедленно звоню на Лубянку. — Все бросай, пулей ко мне!

— Что случилось? — Он еще спрашивает!

— Это, — я очень выделяю слово интонацией, — не по телефону.

Связь между Кремлем и всеми основными государственными учреждениями у нас защищена качественно, но все равно — не по телефону!

Что еще из «следоскопа» можно вытянуть? Так, секретов для обладателя этого устройства практически не существует! С ума сойти! И как с этим бороться? Как заставить американцев отказаться от проекта? Как сделать, чтобы вообще забыли о нем, как будто его вообще не было? Вопрос на вопрос!

Выхожу в приемную.

— Александр Николаевич, — обращаюсь я к Поскребышеву, — сейчас Синельников приедет. Организуйте нам, пожалуйста, кофе. И... нас ни для кого нет! Только если Лаврентий Павлович звонить будет.

— Сделаем, Вася, — кивает головой руководитель моего секретариата. В приемной сейчас чужих нет, и он называет меня по имени.

Я только закурил сигарету, как в кабинет влетел Егор. Вот реактивный! Бегом по Кремлю бежал?

— Что стряслось?

— Ты что, доклад собственных специалистов не читал? — киваю я на свой стол.

— Сам правил. А что такого? Проект ведь у американцев получился пустышкой. Реальных перспектив не имеет.

— Пустышка? Ты хоть теорию посмотрел?

— Ну я же не физик. Пусть они смотрят.

— Егор, не валяй дурака! Это же технологии «Зверя». Просто американцы подошли немного с другой стороны. Их интересует время, а не параллельные миры.

— Что? — Синельников бросается к столу и начинает листать доклад. Несмотря на

идеальную фотографическую память у нас с ним, работать с бумажными документами все же удобнее.

— Н-да, круто я лопухнулся! — через двадцать минут констатирует генерал армии. — Что будем делать?

— Для начала — попьем кофе, — я вызываю дежурного секретаря, — когда Берия прилетает?

— Обещался завтра. В Ставрополе опять какая-то заморочка с «Ярсом».

— Вот давай до его возвращения в Москву хоть что-то попытаемся придумать.

Я прерываюсь. В кабинет заходит старший лейтенант с подносом. Вот умора! Синельникову кофейная чашечка с благородной арабикой на полглотка. Зато я успеваю целую сигарету выкурить, смакуя свою посудинку.

— Ты название их проекта перевел? — спрашиваю я Егора.

— «Следопыт»?

— Нет. «Следоскоп» звучит лучше, — поправляю я, — стоп. Ты же не в курсе последних вариантов аппаратов пробоя в том мире. Это было уже после твоего десантирования сюда. В общем, в дипломате уместается.

— Идеальный инструмент разведки! — Глаза Синельникова широко раскрываются. — Только дальность немного маловата. Всего полсотни с мелочью метров.

— И следствия, — поправляю я его, — раскрывай преступления за последние одиннадцать лет — не хочу!

— Н-да, наш лучший союзник сам не понимает, что открыл. Убирать всех? Или спецбоеприпас применим? — начинает въезжать в ситуацию Егор.

— Упаси боже! — категорически возражаю я. — Только что передали якобы все ядерное оружие под контроль ООН и тут же применим его по большому городу собственного союзника? Шито белыми нитками! «Тихо шифером шурша, крыша едет не спеша?» — выскочил у меня рефрен того мира. — Не надо американцев принимать за дураков. Они ведь сразу все поймут. Причем, что в этом проекте что-то есть очень важное — тоже.

— Тогда что будем делать? Я пока просто пытаюсь выдать первые попавшиеся идеи. Ты хоть понимаешь, что это идиотское положение на всей планете пока понимаем только мы с тобой?

— Завтра будет знать еще Берия. Я от него ничего скрывать не собираюсь, — поправляю Егора.

— А он по нашим действиям сам что-нибудь да поймет. Как он меня три года под колпаком держал, а я и не почувствовал?

— Именно, — соглашаюсь я, — и вообще, чему тебя в школе ФСБ учили?

— Ну? — торопит меня друг. Он уже понял, что решение существует.

— Безвыходных положений не бывает. Бывают ситуации, выход из которых нас не удовлетворяет, — нравоучительно говорю я и спрашиваю: — У тебя к «Звезде мечты» все готово?

— А ведь это вариант! — С лица Синельникова сползает хмурое выражение, сменяясь его уже знаменитой на весь мир улыбкой. Мне всегда приятно ее видеть, а вот нашим врагам, говорят, от улыбки Егора здорово плохее — Очень неплохой вариант! А не рано?

— По-моему, в самый раз, — я гоже начинаю улыбаться, — вот завтра поговорим с Лаврентий Палычем и, после того как он даст добро, запустим. А «следоскоп» наши специалисты за пару недель соберут. Первый вариант в кузов «Урала» наверняка влезет. Так что можешь уже готовить список «висюков»⁶⁸ за последние годы.

Синельников в предвкушении работы радостно потер руки.

— Четвертое Главное управление СГБ организуем?

⁶⁸ Зависшие, нераскрытые уголовные дела

— Решай сам. Подбирай людей Мне только не хватало еще твоими делами заниматься, — парирую я.

* * *

Братья Стругацкие и Станислав Лем, Нортон и Гамильтон, Ефремов и Лукьяненко, Артур Кларк и Рэй Бредбери, Земляной и Махров. Всех не перечислишь. Мы выкинули на мировой рынок тысячи лучших произведений космической фантастики того мира почти по себестоимости, огромными тиражами на русском, английском, французском языках и иврите. А фильмы... «Возвращение с орбиты», «Армагеддон», «Укрощение огня», «День независимости»... Конечно, большинство западных фильмов мы чуть-чуть подправили. Впрочем, как и многие наши. Нетрезвый русский полковник-космонавт в шапке ушанке на советской космической станции⁶⁹ — не есть комильфо. Отовсюду пришлось убрать противостояние СССР и США в том мире. Заставить мечтать весь мир о космосе, когда даже еще первый спутник не взлетел? Легко и непринужденно! Пропагандистская кампания раскручивалась медленно, но верно по всей планете. Я привлек даже собственных тестя и тещу Детские игрушки космической тематики производства международного концерна «Кузя» шли на ура! Родители стали кормить детей со словами «за маму, за папу, за космонавтов». Операция «Звезда мечты» развернулась по всей планете. Мы хотим заставить мечтать о звездах весь мир. Получится ли?

Результат? Честно говоря, мы сами не ожидали такого эффекта. Ладно, руководители ведущих держав планеты. Это ведь их работа — пытаться понять, что и зачем делает правительство Советского Союза. Промышленники! Они тоже почувствовали, куда ветер дует. Запах многомиллиардных заказов! И не какие-то там фунты стерлингов или иены, даже не крепкие франки, доллары или шекелы и более-менее терпимые марки. Нет, полновесные советские рубли! Вот тут их ждал большой облом! Заказы? Пожалуйста! Но под нашим контролем и с жестко фиксированной нормой прибыли.

Впрочем, все по порядку. Первым в Москву примчался с неофициальным визитом самый высокий полковник Франции. Де Голль только выходил из своего самолета на центральном аэродроме столицы, как поступила информация о вылетевшем из Вашингтона Рузвельте. За де Голлем прилетел Бегин. У нас были настолько дружественные отношения с Израильской Федерацией, что ее руководители прибывали почти без предупреждения. Только телефонный или видеозвонок лучшему другу Синельникову. Андрей Громыко доложил о пришедшей от японского посла просьбе немедленно принять в Москве принца Каньина, приемного сына предыдущего императора, с сопровождающими лицами. Весьма влиятельный в Японии человек, очень близкий к Микадо. Запросил о визите и канцлер Ялмар Шахт. Этот-то куда лезет? Германии еще восемь лет репарации нам выплачивать. Впрочем, кое-какие производства у них есть. А работать немецкие инженеры всегда умели. Почему бы и нет? На космических программах быстрее из долговой ямы выберутся. Нам это только на руку. Друзья должны быть богатыми. Сэр Клемент Ричард Эттли изъявил желание посмотреть на один из красивейших городов мира — Москву? Пусть приезжает и любуется. Конечно, Председатель ГКУ его примет. Советские люди — самый вежливый народ и не откажут в таком пустяке английскому премьер-министру.

Все смешалось в доме Облонских? Н-да, Лев Толстой явно не представлял современной мне ситуации. Кремль превратился в проходной двор! Все желают встретиться с полковником Сталиным. А ведь сначала встретить в аэропорту, приветственная речь, почетный караул трех родов войск! Мало ли что визиты внеплановые и неофициальные. Дипломатический протокол, мать его ети! Синельников, выручай! Это ты у нас публичный политик, никак не я. А ведь некоторые еще и с женами прикатали. Галка и Светка с ног

⁶⁹ Фильм «Армагеддон» Майкла Бэя 1998 года с Брюсом Уиллисом в главной роли

сбились в приемах участвовать. На их наряды никаких представительских денег не хватит! Каждый день ведь положено в чем-нибудь новом. А смеху было, когда Наташенька крик во время приема американской делегации устроила! Плевать моей доченьке на дипломатический протокол. Подать ей мамкину сисю немедленно! Кормить ребенка грудью до полутора лет — это слишком? Может быть. Но спорить с Натальей Матвеевной? Нет, я не настолько сумасшедший! Хрен с ним, что у Галинки и Светланы сессии срываются. Наверстают. Они у нас девочки умненькие и благоразумненькие. Причины-то уважительные. Ладно, о делах семейных потом.

Хотите участвовать в советской программе покорения космоса? Пожалуйста! Наши технологии, ваши деньги, наши и ваши производства. Только так и никак иначе! Желаете купить советские космические технологии? Нет, боюсь, Форт-Нокса даже на десятую часть не хватит. Ах, согласны по нашему варианту? Легко! Записывайтесь на прием к Лаврентию Павловичу Берию. Нашей космической программой руководит именно он. Посодействовать? Всегда пожалуйста. Приказать? Помилуйте, не может полковник приказывать маршалу Советского Союза! Никак не может. Только попросить. Хотя надо признать, что к моим просьбам он относится весьма положительно. Да, пошутили — и хватит. Космическая корпорация «Зенит»? Пусть будет международной. Пятьдесят один процент акций будет принадлежать советскому Управлению Стратегических Исследований. Это оно предоставило все технологии. Они того стоят. Пусть ваши эксперты оценят. Мы предоставим всю необходимую информацию для них. Сорок девять процентов? Ну, давайте считать, кому сколько. Да, Федеративной Республике Германии мы предоставим почти беспроцентный кредит для участия в этом грандиозном проекте. Японской империи, как она по-прежнему называется? Тоже можем. Друзья ведь. Великобритания? Почему бы и нет? А может, вообще заняться всем этим под эгидой ООН? Какой смысл создавать дополнительные международные структуры, когда у нас уже есть такая отличная организация? Взносы? Так давайте, пусть международная экспертная комиссия оценит технологический вклад Советского Союза в международную космическую программу. Ну и что, что ближайшие полсотни лет или даже целый век СССР не будет платить взносов? Знания того стоят!

* * *

Они что, сговорились? Чета Синельниковых прикатывает к нам почти каждый свободный вечер одновременно с Лаврентием Павловичем, если весь наш триумvirат находится в столице. А на субботу и воскресенье могут и остаться, если нет срочных дел. Пригодились гостевые домики, которые мало чем уступают нашему семейному жилищу. Начиная со дня Иосифа Сталина и, соответственно, первой годовщины победы в Великой Освободительной войне, мы ввели в стране пятидневную рабочую неделю и дружно пытаемся подавать пример подчиненным. Получается не очень хорошо, так как различных происшествий, требующих нашего внимания, в огромной державе хватает. Мы довольно весело ужинаем всей компанией, затем Светка с Галиной укладывают нашу доченьку (интересно, устроит Натали сегодня ночью очередной концерт? Режущиеся у ребенка зубки — это серьезно!), а уже потом собираемся в малой гостиной, где мы с Егором поочередно описываем Берию ситуацию в том мире. Политика и экономика, коррупция и смыкание бандитов с правоохранительными органами в девяностых. Мы рассказываем о том мире все, ничего не скрывая. О мире и о проекте «Зверь», который закинул нас сюда.

Чем-то смутно это мне напоминает Индо-Пакистанский инцидент, — выдал однажды Синельников словами Высоцкого из старой песни.

— Ммм? — совершенно не понял его я.

— Вечерние посиделки в номере Викентьева на старой базе «Зверя», — пояснил свою мысль Егор.

А ведь действительно похоже. Рабочий день закончился, и мы собираемся, потому что не можем не думать о проблеме, которую пока не можем решить.

— Подполковник — директор проекта?

— Это тот, за которого Катя Зосницкая замуж вышла? — почти одновременно спросили Берия и Светка.

— Он самый, — подтвердил я.

Однако какие разные ассоциации у людей!

— Когда у нас будет связь, мы сможем на него опереться? — тут же задал вопрос маршал.

— На него и на тысячи и тысячи других таких же честных парней, — ответил Синельников, — я достаточно хорошо знаю Юру. Такой не предаст. Он из тех, кому «за державу обидно».

Берия посмотрел на Егора, потом перевел взгляд на меня. Я поддержал мнение друга кивком. На лице маршала появилась загадочная улыбка.

— А почему бы не попробовать? — совершенно непонятно заявил он.

— Что? — теперь уже наш с Синельниковым вопрос прозвучал одновременно.

— Военный переворот.

Мы с Егором переглянулись.

— Нет, не выйдет, — сказал он.

— Нереально, — подтвердил я.

— А вот теперь — не торопясь и по пунктам. Почему нереально? — потребовал маршал.

— Полностью не скрыть подготовку, — начал я, — задавят.

— Вопрос крыши, — продолжил мой друг, — требуется очень серьезная поддержка сверху. А там нет никого, кто желает изменения сложившегося положения.

Что такое «крыша», наш маршал уже знает.

— Они живут на продаже страны тем или иным путем, — подтвердил я.

Берия задумался.

— Неужели ничего нельзя сделать? Шантаж, компромат — следоскоп, как я понимаю, там собрать будет не сложно? — наконец, физическое устранение особо одиозных личностей! — маршал фонтанировал идеями.

Н-да, иногда взгляд сороковых годов гоже неплох. Наша с Егором некоторая зашоренность с этой точки зрения как-то не предполагала убийства крупных политических фигур. Мы опять переглянулись.

— Собственно говоря, а почему бы и нет? — согласился я с Берией. — Это ведь все не в один день будет делаться. Минимум полгода-год уйдет на подготовку. На поиск и привлечение достойных людей, на разведку и раскачивание мировой экономики. Когда тебя десантировали, — взгляд на Егора, — все было еще более-менее терпимо, а уже позже... Очередной виток кризиса. Ситуация хуже, чем в конце приснопамятного первого десятилетия двадцать первого века. Вообще там то, что должно вести к процветанию, действует строго наоборот — к экономической разрухе.

— А вот здесь, пожалуйста, поподробней, — потребовал маршал.

— Я вообще-то не экономист, — сразу предупредил я, — попробую своими словами...

— Знаю, Вася, какой ты дилетант в финансах, — тут же подколот Егор, — так что давай не выеживайся.

Лаврентий Павлович тоже усмехнулся, но промолчал.

— Основным локомотивом мировой экономики в том мире, в отличие от нашего, где ведущей державой планеты де-факто стал Советский Союз, являются Штаты, — начал я, — а у них уже в конце двадцатого века начали складываться очень серьезные структурные экономические дисбалансы. Инвестиции в бурно развивающиеся информационные технологии превысили все возможные прогнозы. А эти технологии привели к приличному росту производительности труда в очень многих сферах промышленности. Как следствие — усилилась безработица. При большей производительности труда требуется меньше работников. Соответственно, резко упали покупательная способность населения и спрос. Тут

же упали продажи. Производство резко превышает потребление. Круг замкнулся. Америка потянула за собой весь мир. Я, конечно, очень кратко описываю, совершенно не полно. Только то, что мне кажется основным.

— Структурный дисбаланс экономики, говоришь? — взгляд Бери через круглые стекла пенсне был очень задумчив. — А нам здесь такое не грозит?

— Ни в коем случае, — немедленно парировал я, — во-первых, мы достаточно строго контролируем наш внутренний рынок. Уровень зарплат только незначительно превышает производство и импорт. То есть у нас всегда спрос будет на немного, но превышать предложение. А с учетом достаточно серьезного переориентирования промышленности на космос...

— Ладно, спорить не буду. Тебе виднее. У нас сейчас столько экономических институтов этими делами занимается, что проморгать никак не должны, — согласился маршал, — значит, разболтать мировую экономику там особой сложности не представляет?

— Если только она уже не окажется в глубокой... — Егор посмотрел на Галину и Светку, внимательно слушающих, но не вмешивающихся в разговор, и на ходу поправился: — В глубокой яме.

* * *

Сладкий, почти приторный, чай с молоком? Глаза б мои его не видели! А Галинке нравится. И бабуся ее еще подзуживает, лактацию, мол, улучшает. И где она таких медицинских терминов в своей деревне набралась? Впрочем, на мой черный кофе Наталья Матвеевна не покушается. Наоборот, сама по утрам пристрастилась. А жену мою, то бишь свою внучку, этим молочным чаем пичкает. Галка ее слушает почти так же, как меня. Наталка, наловившись мамкиного молока, довольно щурится. Девонька уже прекрасно ходит и обожает слушать сказки и смотреть мультики. В Светку, которая проводит все свободное время рядом с племянницей, вцепляется почти так же, как в меня. Ночами, когда ребенок из-за режущихся зубиков не спит, я гуляю с дочкой по комнате на руках. Мне из нашей семьи это проще всего. Потребности во сне у меня мизерные. Галинка, которая у нас учится, работает в институте Келдыша-Винера и кормит Наташеньку, должна спать. Доверить ребенка обслуге? Никогда! Я прекрасно помню наше со Светкой детство после смерти мамы. Воспитывать детей должна только семья. А как Наташенька у нас улыбается! Так бы и сидел с ребенком все время, когда она не спит, но работать ведь тоже надо.

— Когда? — Галинка уже накормила Натали и отдала ее нянчиться бабке. Теперь жена как раз успевает позавтракать со мной.

Эта чертова пропаганда действует и на нас самих, на наши семьи. А может быть, так и надо? Если весь мир заболел космосом, то чем мы хуже? Вот только как эту детскую болезнь цивилизации сделать хронической? Строго следить за настроениями во всем мире и вовремя подталкивать в нужную сторону? Можно. Точнее — нужно! Но в то же время остро необходимо подкидывать в топку этой жажды «вперед, выше и дальше» успехи покорения очередных рубежей. Какое воодушевление вызвал полет первого спутника! Народ во всем мире с ума от радости сходил! Причем, так как в программе участвует практически все мировое сообщество, праздновала вся планета. Ракетноситель — конвертированный «Тополь-М» — был полностью наш, советский. На самом деле это был хорошо модернизированный вариант даже не «Тополя», а РС-24 «Яре»⁷⁰. В том мире эту систему

⁷⁰ РС-24 «Яре» — российская твердотопливная межконтинентальная баллистическая ракета мобильного базирования с разделяющейся головной частью, разработана Московским институтом теплотехники под руководством академика РАН Ю. Соломонова. Является модернизацией ракеты комплекса «Тополь-М» ТТХ засекречены. В перспективе должна заменить МБР РС-18 и РС-20 и составить вместе с «Тополь-М» основу ударной группировки РВСН 29 мая 2007 года на полигоне Плесецк произведен первый испытательный пуск РС-24 по полигону Кура

еще рассекретить не успели.

Мы отказались от создания ракетно-ядерного щита. Не от кого стало защищаться. Нет у нас теперь вероятного противника. Только друзья. Дружить оказалось в том числе значительно дешевле, чем воевать. Обтекатели головного отсека делала Франция. Панели солнечных батарей — немцы. Пиропатроны сброса створок обтекателя — британцы. Антенны спутника — Япония. Оптику системы ориентации — американцы. Двигатели этой системы — Израиль. Конечно, все делалось строго по нашим чертежам и под строгим контролем наших специалистов. Весь мир теперь сидит на советской системе допусков и посадок. Все измерения — только в СИ!⁷¹ Каждой стране мира досталось по маленькому кусочку спутника. Греки делали крепеж, а итальянцы — топливо для последней ступени. Зато и праздновали первую победу всей планетой.

А уж когда собачонка на орбиту слетала в прошлом месяце... Светкины фотографии с Лайкой на руках до сих пор с первых страниц газет не сходят. Ну не смог я Синельникову в такой мелочи отказать! Да и Лаврентий Павлович был не против.

— Васенька, так когда? — Галина потеряла меня за руку.

— Месяца через четыре. Брошены просто огромные международные силы и средства. Конечно, все самое главное делают наши. В первую очередь — безопасность полетов и еще раз безопасность, — историю покорения сверхблизкого космоса в том мире я жене описал уже достаточно подробно, — черт с ним, со спутником, хотя деньги вбуханы огромные, навернется — другой запустим. А вот людей терять я никому не позволю.

— Сам, небось, хочешь полететь, — Галинка улыбается, заранее зная ответ.

— Кто же меня туда пустит? — я примирился заранее. Нельзя объять необъятное. — Что первое скажет Берия?

— «Только через мой труп!» — жена приставляет к глазам сомкнутые в кружок большие и указательные пальцы обеих рук, изображая знаменитое пенсне.

— При маршале такое повторишь? — смеюсь я.

— Сколько угодно! — Галкин звонкий смех звучит для меня как музыка. — Наш Берия только с виду такой строгий. Для своих он кровь из носу, разобьется, но все сделает только самым наилучшим способом.

Н-да? Лаврентий Павлович и для жены уже «наш»? Это хорошо. Главное — она не знает, каков Берия для врагов. Во всяком случае, тем, что этот человек мне друг, я очень горжусь.

— Все мне, мне и еще раз мне? Лаврентий Павлович, вы у нас прямо в Плюшкина превращаетесь. Специалистов тащите откуда только можно, — усмехнулся я, — ну так же ведь нельзя. У нас все проекты приоритетные. Других не держим.

— Вася, ты мне это прекрати! — маршал был явно недоволен, даже погрозил мне пальцем. — У меня на атомных станциях уже офицеры дежурные смены возглавляют. Ничего не понимают в ядерной физике, только следят за точным исполнением инструкций остальными работниками. Хорошо что хоть сами учатся. Осваивают, так сказать, смежные специальности. А кем прикажешь комплектовать третье производство накопителей на жестких магнитных дисках в Днепропетровске? Завод матриц для экранов на жидких кристаллах в Калгари? Он ведь будет готов к запуску уже через два месяца. Наверняка опять повторится ситуация с первым таким заводом в Зеленограде. Девяносто три процента брака! Целых четыре месяца ушло, чтобы снизить брак до, впрочем, совершенно неудовлетворительных тридцати процентов.

Н-да, те же самые яйца, только вид сбоку. Мы в очередной раз наступили на грабли! Квалифицированных специалистов катастрофически не хватает!

— Лаврентий Павлович, ну поймите, что такая ситуация сейчас у нас везде!

⁷¹ СИ (SI, фр *SysLeme International d'Umes*) — международная система единиц, современный вариант метрической системы

Привлекайте учащуюся молодежь. Нам, вероятно, придется все новые производства преобразовывать в заводы-ВТУЗы⁷². Другого варианта я не вижу. Забирать специалистов с действующих предприятий нельзя. Мы сорвем все государственные планы.

— План выпуска вычислительной техники можешь уже считать сорванным, — грустно констатировал маршал, — все, что сейчас выпускается и проходят отбраковку, я отдаю физикам, в космическую программу и математикам-программистам в институт Келдыша-Винера. Обеспечить даже правительство не могу. А ты, Егор, — Берия повернулся к Синельникову, — даже не мечтай. Меня еще моторостроители и авиаконструкторы трясут — вынь да положь им вычислительные мощности. И откуда только узнали?

— У слишком большого круга специалистов есть допуск в УСИ, — отреагировал начальник СГБ, — и бороться с этим невозможно. Иначе как мы будем гнать прогресс?

В кабинете повисла тишина. Совсем недавно мы вроде бы нашли решение, как, каким способом мы можем помочь тому миру. Но для этого мы должны существенно превосходить их по техническому уровню. Это является граничным условием. Круг замкнулся. Чтобы начать работать по этому вопросу, необходимо знать параметры пробоя. Чтобы пробовать подбирать эти параметры, требуется вычислительная техника никак не нашего сегодняшнего уровня. Для последующего воздействия нужно приличное научно-техническое превосходство. То есть мы уже сейчас обязаны гнать прогресс вперед, что, впрочем, полностью совпадает с основной линией нашего государства. Вот только дикая несбалансированность наших производительных сил... А Егор еще губу раскатал — необходимы ему, видите ли, электронные базы для оптимизации работы перегруженных специалистов СГБ. А уж мне-то для руководства державой как нужны! А кому сейчас легко?

* * *

«Подвиг разведчика». Отличный старый фильм из того мира с Кадочниковым в главной роли. Здесь его крутили во всех кинотеатрах сразу после начала войны. Подправили чуть-чуть диалоги, чтобы сделать упор не на немцев-врагов, а на нацистов. Вообще, очень много фильмов оттуда пришлись по душе нашему народу. Снимать кино с таким же названием, но совершенно по другому сценарию? Причем с тем же Павлом Кадочниковым? Пятое управление СГБ⁷³ сказал — надо. Через голову Синельникова докладная записка попала на мой стол. Исключительный случай. Мы с Лаврентием Павловичем посоветовались, кинематографисты и сам Егор, как он ни сопротивлялся, ответили: «Есть». Народ должен знать своих героев в лицо. Биографический фильм о директоре Службы Государственной Безопасности. Детские годы беспризорщины сценаристы пропустили. Сразу начали с младшего лейтенанта НКВД. Режиссеры «Ленфильма» что-то помудрили и заменили Кадочникова на Марка Бернеса, хотя он тоже не дотягивал по физическим кондициям до Синельникова. Но под качественным гримом — вылитый Егор. Разве что ростом значительно меньше. Показали стремительное, но заслуженное продвижение героя по служебной лестнице. Много было натурных съемок. Даже в Зубалово и на Ближней даче снимали. В конце концов, надо же было показать, как относительно скромно жил мой отец? На остров Узедом съемочная группа тоже выезжала. Пришлось и Синельникову как главному консультанту туда лететь. Показал на месте, где, что и как происходило. Так кинематографисты его заставили самого вместо штатных каскадеров немного поработать. Так как в сценарии было несколько сцен со Светкой, то Бернес, знакомый с ней еще с войны, когда они в одной концертной бригаде выступали, уговорил сестренку саму сниматься.

⁷² Учебно-промышленное производство. Студенты учатся и одновременно осваивают специальности от уровня рабочего-станочника до начальника цеха

⁷³ Политическое управление, занималось вопросами идеологии

Очень сомневаюсь, что ему на это пришлось потратить много времени. Какая же девчонка не хочет, пусть и ненадолго, стать киноактрисой? Да еще и саму себя играть? А в финальной сцене, когда Синельников вваливается в квартиру с огромным букетом роз, Светлана с Бернесом целоваться отказалась. Нет, они довольно дружны, я сам не раз встречал Марка у них дома, да и у нас в Крылатском он частенько бывает. Очень уж душевно поет и собеседник интересный. Но вот отказалась сестренка, и все. Здесь уже мне пришлось на друга нажать, чтобы немного ради искусства пострадал и сам в эпизоде снялся. Вот тут уже Светка расстаралась! Егор потом говорил, что она даже дома заставляла его эту сцену репетировать. Но, вероятно, не очень-то Синельников и сопротивлялся. Во всяком случае, мне так почему-то кажется. Не раз замечал, с каким удовольствием они целуются, когда рядом чужих нет.

Когда фильм вышел на широкие экраны нашей огромной страны, аншлаг во всех кинотеатрах не прекращался несколько недель. Голливуд за право проката в Штатах приличные деньги заплатил. А новый «Подвиг разведчика» даже «Золотую пальмовую ветвь» в Каннах получил. Хотя до Татьяны Самойловой в «Летят журавли» сестренке, конечно, ну очень далеко.

* * *

Во! Нашли повод для споров. Состав первого экипажа. Ну, если против командира корабля никто не возражал, то из-за кандидатуры второго пилота разгорелась целая баталия. Национальность, видите ли, не соответствует. Еврей. А то, что он в свои двадцать восемь уже Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель, кандидат технических наук и, самое главное, сначала испытывал, а затем лучше всех овладел пилотированием космического самолета «Восход» и на «отлично» сдал все экзамены и зачеты по всей программе полета, никого не волнует. Вообще, при чем здесь национальность? Да, назначать командиром корабля подполковника, а вторым пилотом генерала — не есть хорошо. Тут я спорить не буду. Но не допускать к полету из-за пятого пункта? Придется применить свое право высшего государственного чиновника. Тем более что все руководство космической программы поддерживает эту кандидатуру.

— А мне плевать на эти два миллиона рублей! — Королев со всего размаха стукнул кулаком по столу. Во, разошелся-то! С одной стороны — нехорошо, наш рубль сегодня — лучшая валюта мира. Многочисленные фабрики «Гознака» не успевают печатать банкноты. А с другой...

Два беспилотных запуска «Восходов» мы уже провели. Оба успешных. Второй вообще заодно использовали для того, чтобы вывести на орбиту семисоткилограммовый спутник. Но вот первый пилотируемый пуск. Хотя мы планировали одновременно вывести еще один исследовательский аппарат на орбиту Земли, генеральный конструктор категорически воспротивился. Дополнительный, хотя и штатный, груз увеличивает риск полета. Вот стоимость подъема этого груза на орбиту и составляет два миллиона рублей.

А ведь я Королева сейчас поддерживаю. Все-таки первый пилотируемый пуск.

— Действуйте, товарищи. И, Сергей Павлович, не надо так нервничать. Сами-то вы в успехе уверены?

— Уверен, Василий Иосифович, — он говорит твердо. Выдвинулся немного вперед Брауна и Лозино-Лозинского, — все проверено и перепроверено несколько раз.

— Экипаж?

— Полностью готовы.

— Приступайте! Я, надеюсь, на пуске не помешаю?

— Вам, товарищ Сталин, мы всегда рады, — это уже Вернер фон Браун. А неплохо он за эти два с гаком года русский язык выучил. Говорит почти без акцента.

* * *

Чуть-чуть еще ручку от себя. Машина, как камень из пращи, летит по параболе, теряя скорость, но продолжая набирать высоту. В кабине невесомость, но я, притянутый к креслу ремнями, достаточно точно держу траекторию. Яркое солнце, черное небо и искорки звездочек. Так не бывает? На высоте под тридцать километров еще как бывает! Плотность воздуха мизерная. Обоим двигателям не хватает кислорода для нормальной работы. Тяги недостаточно, чтобы удержать истребитель на этой предельной для него высоте.

— Режим полета закритический, — звучит в наушниках шлема нежное контральто Эвиты, — возможна потеря управления.

Н-да, подобрали голосок для бортового информатора. Мертвого из гроба поднимет! А вроде и не громко говорит. Почему, интересно, пилоты обозвали его так же, как и в том мире?

Я переваливаю самую верхнюю точку траектории и медленно, но неудержимо начинаю терять высоту. Совсем немного до космоса не дотянулся. Какой-то сотни километров до низкой орбиты не хватило. Скорость растет, плотность воздуха тоже, и машина начинает уверенно реагировать на рули. Ручку на себя. На тело наваливается перегрузка. Выхожу в горизонтальный полет на высоте четырнадцать тысяч метров. РУД па крейсерский режим. Скорость тысяча четыреста восемьдесят километров в час. Достаточно экономичный полет на сверхзвуке. До Звездного мне теперь керосина хватит с гарантией. Не захотел я лететь на космодром на нашем новом реактивном пассажирском «Иле». Решил совместить перелет с очередной тренировкой. Вот Егор Синельников с нашими семьями и другими высокопоставленными лицами пусть летит в Звездный на правительственном самолете. А я буду при любой возможности летать на маленьких, но скоростных машинах. Пилот я, в конце концов, или кто? Увы, но не тренирую уже давно молодых летчиков. У нас и без меня хватает отличных инструкторов. Да и в ВВС ООН пилотов больше практически не требуется. Не с кем воевать стало. Но международные военные силы у нас есть и будут! Как поется в той старой песне: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути!» Никто не протестует, что войска ООН состоят на восемьдесят процентов из советских солдат. Хотя отлично понимают, что приказы руководства Советского Союза для наших воинов приоритетней, чем командования войск ООН. Мы же не агрессивная страна, и все в мире это знают. Армия Организации Объединенных Наций вооружена только советским оружием? Но оно, это оружие — лучшее в мире! Да и унификация в этом вопросе имеет значение. Дешевле для содружества наций (Имеется в виду ООН, а никак не Британское Содружество Наций, как в нашей истории) получается. Мы по-прежнему совершенствуем и будем совершенствовать военную технику. Но не для нападения на кого-либо, а для защиты всей планеты от любых атавистических происков редких ныне маньяков у власти. Вот и сейчас я лечу на нашем новейшем тяжелом истребителе-бомбардировщике. Аналог Су-41 того мира. Практически — пятое поколение. Во всяком случае, сверхманевренность, крейсерский полет на сверхзвуковой скорости, приличная автономность и очень короткие взлет и посадка в наличии. Вот по бортовой электронике мы до моего первого мира еще не совсем дотягиваем. Но все равно в этой области нам равных нет и не предвидится еще на многие десятилетия. Или вообще навсегда. Мало того что наши ученые и инженеры еще не все достижения двадцать первого века оттуда освоили, но ведь никакая другая страна мира просто не в состоянии вкладывать в науку и новые технологии такие огромные деньги. Да и зачем? Мы ведь достаточно щедро делимся с друзьями. Конечно, берем за это определенные, надо признать, совсем немалые деньги, но ведь делимся! Советские технологии шагают по всей планете.

— Борт пять нулей первый. Вы входите в зону ответственности космодрома «Звездный», — связывается со мной диспетчер.

— Я — пять нулей первый. Принято.

— Коридор для вас чист. Посадочный курс девяносто два. Атмосферное давление семьсот шестьдесят четыре. Повторяю, курс девяносто два, давление семьсот шестьдесят

четыре.

— Принято, — опять подтверждаю я.

Автоматика уже давно получила всю необходимую информацию. Но я ведь обязан проконтролировать ее.

— Снижение и посадку разрешаю. Ждем вас, товарищ Сталин.

— Спасибо, — теперь уже я немного нарушаю правила ведения радиосвязи.

Прибираю РУД, толкаю ручку, и радиопрозрачный обтекатель РЛС с фазированной антенной решеткой проваливается вниз. Высота начинает резко уменьшаться. Размытый, совершенно не просматривавшийся в стратосфере, горизонт постепенно превращается сначала в какую-то мутную широкую полосу. Затем эта полоса начинает сужаться и, наконец, на высоте около километра превращается в четко видимую линию границы неба и земли. Плавный левый разворот, и я на посадочной глиссаде. Небольшим скольжением становлюсь точно в створ взлетно-посадочной полосы. Теперь включить механизацию крыла в посадочное положение. Дальше автоматика все делает сама. Выпускаются предкрылки и двухщелевые закрылки. С ощутимым стуком выходят из ниш фюзеляжа стойки шасси. Над левой жидкокристаллической приборной панелью три красных огонька меняют свой цвет на насыщенный зеленый, сообщая, что стойки шасси выпущены штатно и встали на замки. На лобовое стекло фонаря проецируется информация о положении самолета на глиссаде. Я, совсем немного подыгрывая ручкой, легко касаюсь основными колесами отмеченных белым покрытием и яркими, отлично видимыми среди солнечного дня сигнальными фонарями посадочных «башмаков». Опускаю нос машины, автоматически раскрываются панели аэродинамических тормозов. Тормозной парашют сейчас не нужен, так как полоса огромная, предназначенная для тяжелых самолетов. Вполне хватит гидравлики на основных стойках шасси. Меня вжимает в натянувшиеся фиксирующие ремни кресла. Каких-то пятьсот пятьдесят метров и машина останавливается. При использовании тормозного парашюта пробег был бы вдвое короче. Глушу основные двигатели. Нечего керосин на земле расходовать. Тут же сзади внизу фюзеляжа начинает тихо пищать своей турбинкой ВСУ⁷⁴. Открываю фонарь кабины и забрало гермошлема. Легкий ветерок приятно овеивает лицо. Хорошо в небе, но на земле после полета тоже жить можно.

* * *

Я успел снять гермокостюм, ополоснуться в душе и даже глотнуть кофе, прежде чем сел пассажирский самолет из Москвы.

— Папка, ты покажешь мне лакету? — букву «р» моя доча еще не выговаривает.

— Обязательно, Наташенька, — я подхватываю ребенка на руки.

Галинка со Светкой лезут целоваться. Впрочем, не скажу, что я против. Утром виделись, но, кажется, прошло черт знает сколько времени. Уже успел соскучиться.

— Ну что у нас тут, все готово? — спрашивает Синельников, отбирая у меня дочку. Можно подумать, что она в самолете на дядькиных руках не насиделась. Но «дядя Егол» у нас большой, и с его рук видно дальше и больше.

— Наверняка. Иначе бы доложили. Сам я не хочу лишний раз Палычей тревожить. — У Бериин, главного координатора космического проекта, и Королева, генерального конструктора, были одинаковые отчества. — У них и всей их огромной команды без нас забот хватает.

— Тоже верно, — соглашается Егор и усаживается в подкативший ЗиС. У нас пока только этот комфортабельный лимузин, звавшийся в девичестве «Майбахом», имеет инжекторный двигатель с непосредственным впрыском.

⁷⁴ Вспомогательная силовая установка. Служит для привода генераторов и гидронасосов на земле. От нее же работают стартеры основных двигателей

— Посмеяться хочешь? — спросил я, с удовольствием забирая дочку, потянувшуюся ко мне.

— Давай, — с готовностью согласился Синельников.

— Знаешь, что медики вчера экипажу дали для психологической разгрузки? — я выдержал драматическую паузу и выдал: — Просмотр фильма «Белое солнце пустыни»!

Нет, Егор не расхохотался. Пару минут помолчал с задумчивым взглядом и только потом сказал:

— А может, так и надо? Мы берем все лучшее от того мира. Не было бы его и нас с тобой сейчас не существовало бы, и нашего счастья, — маршал Советского Союза — это звание он получил на День Державы в прошлом году — протянул руку и ласково погладил Наташеньку по головке, — когда сможем начать долги отдавать?

Философствующий Синельников? Это что-то новое. Хотя... У нас получается все! Тут поневоле начнешь размышлять. Что бы мы ни задумали — все получается! Этого не может быть, но серьезных проблем нет вообще. Как? Почему? А ведь я сам, еще будучи там полковником ФСБ, втолковывал директору проекта «Зверь» Юре Викентьеву, что так и должно быть. Мы принесли в этот мир самую большую ценность для человеческой цивилизации — новую информацию. И, раскручивая в нашей державе научную деятельность, множим и множим ее. Но вот в одном Егор, несомненно, прав — когда, наконец, мы сможем начать отдавать долги?

* * *

Нет у нас еще сверхзвуковых носителей для стратосферного старта космических самолетов. Сложное это оказалось дело — создавать такие тяжелые машины. Причем имея только значительно более легкие аналоги в том мире. За следующие год-два, может быть, что-то и получится, но сейчас у нас есть только относительно дорогие ракетоносители с вертикальным стартом. Точнее, твердотопливные ускорители первой ступени «Восхода», выполненные на базе РС-24 «Яре» являются одноразовыми. Так же, как и баки горючего и окислителя многоразового корабля. Отсюда и относительно высокая цена. Впрочем, как я прикинул, даже в таком варианте наш «Восход» оказался значительно дешевле всех пилотируемых систем того мира. Многоразовая система «Союз» будет еще выгодней с точки зрения экономики. А вот когда у нас появятся сверхзвуковые носители...

В военном варианте готовность системы «Восход» к старту должна была составлять один час сорок пять минут, но мы приняли решение отказаться от этого варианта в пользу аварийно-спасательного корабля с минимумом научного оборудования, но увеличенным запасом горючего и кислорода на борту. Именно эта система сейчас готовилась к старту. У нее готовность была всего час двадцать пять с момента получения команды на запуск. Впрочем, не в этот раз. Предстартовые проверки и перепроверки растянулись аж на четыре часа. Вот экипаж доставили к кораблю всего за сорок минут до пуска. Незачем им в маленькой кабине на спине в ложементах долго париться.

Я не пошел в ЦУП⁷⁵. Нечего на людей своим присутствием давить. Им и без меня нервотрепки хватает. Только мешаться и отвлекать от дела специалистов буду. Да и не любят Королев с Брауном «надсмотрщиков», как иногда выражается Вернер. Его до сих пор изредка трясет, когда видит рядом с собой Синельникова. И чем этого ракетного гения Егор так пугает? Неужели все не может забыть свой достаточно жесткий захват на полигоне Пенемюнде в начале сорокового? Больше двух с половиной лет ведь прошло. Браун давно свободен, имеет гражданства — наше и немецкое, награжден за пуски первых спутников. Даже женился на русской девушке в прошлом году.

Устроился на правительственной трибуне. Меня уверили, что это абсолютно безопасно.

⁷⁵ Центр управления полетом

За себя-то я не особо беспокоюсь, но вот гости... До старта отсюда полтора километра. Если что-то пойдет не так, вся трибуна ухнет на почти десяток метров вниз и накроется сверху толстой бронебойной плитой, которую выстрелят специальные заряды. Максимум, что грозит сидящим здесь, — это незначительные ушибы. Но это опять-таки перестраховка. Слева от меня сидела Галина, а справа Светка. Сажать их вместе было нельзя — за долгие разговоры, сороки. Впрочем, сейчас у сестры была другая проблема. Она пыталась понять, о чем говорят Егор с де Голлем, которые сидели сразу за ней. В своей школе она на факультативе учила немецкий и английский языки. Моя Наташка сидела у дядьки на руках и все порывалась подергать за усы французского президента. Вероятно, понравились ребенку. Рузвельт, который еще два года назад согласился на обследование в нашем госпитале и которого теперь постоянно пичкают какими-то препаратами, чтобы предотвратить инсульт, сидел в большом аккумуляторном инвалидном кресле рядом со своей Элеонорой. Как и большинство присутствующих, он с огромным интересом смотрел на пятиметровый экран, расположенный сбоку, так, чтобы не загромождать нам вид на сам старт. Рядом с женой Рузвельта сидел Джон Фицджеральд Кеннеди собственной персоной, новый и самый молодой за всю историю Штатов вице-президент. Именно с ним Рузвельт баллотировался на четвертый срок. Здесь в США еще не успели принять поправку, запрещающую президентам избираться на более чем два срока подряд. Вообще, с этим Кеннеди... Тогда же, в конце сорокового, Франклин, когда лежал у нас на обследовании, пристал ко мне как с ножом к горлу:

— Кто в Америке в том мире был во второй половине двадцатого века самым популярным президентом?

— Вы, — тут же последовал ответ с моей стороны.

— А следующим?

Вот тут я, не подумав, брякнул:

— Джон Кеннеди.

И вот теперь этот ирландский красавчик в нарушение их же законов сидит на нашей правительственной трибуне недалеко от своего президента и с помощью мощного бинокля наблюдает за последними минутами подготовки к старту.

Экран показал крупным планом лица экипажа с поднятыми забралами гермошлемов. Одновременно ярчайший огонь появился в самом низу космического корабля. Медленно, совсем медленно на пышущих жаром реактивных столбах начал подниматься вверх первый в нашем мире пилотируемый корабль.

— Поехали! — сверкнул своей знаменитой всему миру улыбкой командир экипажа Валерий Павлович Чкалов.

Марк Галлай тоже улыбнулся и помахал рукой.

Медленно? Это только первые секунды. На глазах ускоряясь, корабль скрылся в голубом небе. Семь минут и связь с экипажем восстановилась. Взлет прошел штатно. Десятки станций космической связи и десятки же кораблей в океане обеспечивают круглосуточную связь с орбитой. Наши и американские, французские и британские, японские и немецкие. Весь мир принимает участие в этом грандиозном проекте! Всего трое суток проработал первый экипаж на орбите нашей планеты. Пятьдесят один виток вокруг Земли. На экранах телевизоров старт «Восхода-1» и телетрансляции с борта корабля крутились без перерыва. Когда через три дня космический самолет пошел на посадку, весь мир затаил дыхание. И вздохнул свободно, только когда на посадочной полосе Звездного раскрылись оба тормозных парашюта многоцветного спускаемого аппарата.

* * *

Кампанию по обсуждению новой Конституции мы развернули всего через два дня после возвращения наших первых космонавтов с орбиты. На фоне мировых празднеств она прошла почти незаметно. Что, соответственно, мне и требовалось. Осенью на референдуме

девяносто два процента населения Советского Союза из имевших на тот момент право голоса сделали меня единоличным диктатором на одной четвертой части суши нашей маленькой планеты. Отныне и до тех пор, пока я сам не приму решение об уходе со своего поста, назначив предварительно своего преемника. По сути, у нас теперь абсолютная монархия. Вот только свою Наташеньку или кого другого из своих будущих детей — есть у нас с Галинкой планы по увеличению нашей семьи — я никогда и ни за что на это место не поставлю. Обязательно найдется кто-то значительно более самоотверженный и достойный на этот высокий пост. Тем более что у нас в ближайшее время, как утверждают специалисты Синельникова из одного из его многочисленных закрытых институтов, должно появиться аппаратно-медикаментозное средство для выяснения самых подсознательных чаяний человека. А так как те же специалисты утверждают, что этот комплекс будет абсолютно безопасным для здоровья, то мы введем его обязательное использование для всех военных и гражданских высших чиновников державы при проведении ежегодной переаттестации. Будут только три исключения, свободные от этой процедуры и, соответственно, от самой переаттестации. Я, Берия и Егор Синельников. Уж самим-то себе мы верим и так. Коррупции у нас в державе точно не будет. Собственно говоря, сейчас у нас этой проблемы на верхних эшелонах правительства Советского Союза и так не существует. Приличные зарплаты на всех уровнях государственной власти и огромные социальные льготы (ну а как же без них?) являются достаточным препятствием для взяточничества. Слишком велик риск потерять все и вся из-за каких-то денег. С другой стороны, перестраховка никогда не помешает.

— А злоупотреблений не будет? — спросил Лаврентий Павлович. — Ведь с помощью этого комплекса можно много лишнего узнать.

— Нет, конечно, — немедленно парировал Егор, — ведь бригада, обслуживающая аппаратуру, сама будет подвергаться аналогичной проверке. Только специалистами из другого ведомства. При этом заставить человека раскрывать какие-то тайны нельзя. Только то выяснится, что он сам согласен сказать. Но вот то, что обследуемый что-то скрывает при ответе на конкретный вопрос, будет ясно немедленно.

— Ладно, — согласился Берия, — уговорил. Что у нас с «Глубиной»?

Мы недолго думали, выбирая название для сверхсекретного проекта. Сотни ученых и инженеров уже воссоздали аппаратуру пробоя и круглосуточно пытаются выйти на связь с тем первым для нас с Синельниковым параллельным миром. Увы, против математики не попрешь. Вероятность методом перебора случайно нарваться на необходимые коэффициенты слишком мала, чтобы надеяться в ближайшие годы на что-то. Но люди упорно работают. С другой стороны, мы еще окончательно не потеряли надежду, что там все-таки все образуется и Викентьев сам свяжется с нами. Это ведь у нас здесь прошло почти четыре с половиной года с момента потери контакта. Там-то всего один с мелочью.

Мы достаточно часто собираемся и по много часов проигрываем операцию по военному перевороту в Российской Федерации.

Сбор компромата с помощью «следоскопа», выборочная ликвидация отдельных чинов, которые больше всего запятнали себя продажей достижений Родины, затем Верховный главнокомандующий там подпишет приказ о смещении министра обороны, начальника Генерального штаба и назначении новых. Тех, которые уже будут на стороне заговорщиков. — Берия не боится крови. Понятно, что без нее не обойтись. Без террора власть не захватить. Но ведь в результате страна заживет лучше, значительно свободней.

— Вот так вот возьмет и подпишет? — удивляется Светка.

— Ну куда же он денется? — ухмыляется Синельников. — Жить захочет — подпишет.

— А почему надо начинать именно с министра обороны и начальника Генерального штаба? — спрашивает моя жена. Зрит в корень, но как же объяснить ей сущность психологии офицера?

— Понимаешь, Галина Викторовна, — берет на себя тяжкий труд Берия, — какая бы армия ни была, ее командиры всех уровней дают присягу. Дают присягу защищать страну и выполнять приказы. Поэтому, если командование отдаст приказ подавить переворот, хотя

возглавлять его будут настоящие патриоты, делающие все для блага Родины, приказ будет выполнен. А вот если восстанием будут руководить в том числе генералы, обладающие хотя бы видимостью легитимности... Вот в этом случае офицеры сами поддержат переворот. Кто идет в военные училища? В первую очередь — именно патриоты. Те, у кого душа за Родину болит. Даже если кто-то из них успел разочароваться в той действительности, все равно под держат. Просто захотят быть на стороне победителей.

— А начальником Генштаба надо будет поставить командующего военно-морским флотом, — высказал свое мнение я, — кажется, вполне вменяемый и честный адмирал.

— Почему не министром обороны? — это уже Светлана.

— Потому что министр обороны там — хозяйственник, — усмехнулся Егор, — гражданский, занимающийся материально-техническим обеспечением армии, но никак не военным руководством. Даже один из трех ядерных чемоданчиков находится не у министра обороны, а у начальника Генерального штаба.

— Все так далеко зашло? Все делается по примеру тамошних заокеанских друзей? — удивился Лаврентий Павлович.

— Увы, — вынуждены были согласиться мы с Синельниковым.

В этом мире, несмотря на то что ядерное оружие находится под контролем ООН, отдать приказ на его применение могли только три человека — мужчины, разговаривающие сейчас.

* * *

«Союз» у нас взлетел только весной сорок пятого. Причем именно взлетел со сверхзвукового носителя на высоте двадцать девять километров от уровня моря. Туполев, Петляков и Мясищев свое обещание выполнили и самолет для стратосферного старта сделали. Космическая программа понеслась просто вскачь! Всего два сверхтяжелых самолета-носителя и девять космических многоразовых аппаратов под них. Два пассажирско-исследовательских с восемью ложементами, три транспортника с двумя пилотами и бортинженером, остальные — беспилотные грузовики. Впрочем, на стапелях Звездного было заложено еще шесть кораблей. Космические специалисты ООН считали, что и этого будет мало. Не обошлось, увы, без потерь. Валерий Павлович, командир нашего первого экипажа, Мюллер и Ричардсон погибли после доставки очередной партии груза на МКС «Орбита-3». Пожар и разгерметизация на «Союзе-2» во время вхождения в плотные слои атмосферы. Плакала вся планета. Мы переименовали город Оренбург в Чкалов⁷⁶. Огромный памятник героям космоса стоит перед штаб-квартирой ООН в Крыму. Американцы поставили свой памятник в Ванкувере (штат Вашингтон), где Валерий Павлович приземлился на АНТ-25 в тридцать седьмом году. Тем более что бортинженер «Союза-2», Дональд Ричардсон, несколько лет служил на военной базе в Ванкувере. Немцы поставили свой памятник в Мюнхене, откуда был родом Ганс Мюллер — второй пилот погибшего космического корабля. Международный центр подготовки космонавтов в Ставрополе теперь тоже носит имя Чкалова. Впрочем, в нем занимается больше подводников, чем летчиков. Они, как выяснилось, психологически лучше годятся для работы на орбитальных станциях. А космонавтов нам не хватает. Несмотря на то что общее количество людей, побывавших в космосе, уже перевалило за пару сотен человек, требуется все больше и больше. По планам «Космос-ООН» в сорок седьмом она станет экономически выгодной корпорацией. Первые, самые большие прибыли принесла программа глобальной спутниковой навигационной системы ГЛОНАСС. Практически все штурманы за пару лет оказались без работы и вынуждены были переучиваться. С новой аппаратурой с обязанностями штурмана теперь играючи справляются вторые пилоты или рулевые морских судов. Производства сверхчистых полупроводников уже начали постепенно перемещаться на

⁷⁶ В нашей истории Оренбург носил это имя с 1938 по 1957 год

орбиту нашей планеты. Там их получать выгоднее. В декабре летим на Луну. Пора уже осваивать наш естественный спутник.

В семье у меня тоже большие изменения. Галинка в июне родила Ёську. Егор несколько обиделся, так как тоже хотел своего первенца, ну хотя бы одного из них, назвать в честь деда.

— Я тебе отомщу, — сказал Синельников, внимательно разглядывая маленького Иосифа Васильевича Сталина в колыбельке, — очень сильно отомщу!

И ведь отомстил, паршивец этакий! Назвал своих близнецов, которых Светлана родила ему через три недели, Павлом и Василием. Моими именами в том и этом мире. А сам светится как не знаю что. Видимся мы теперь ну очень часто, так как семья Синельниковых теперь тоже живет в правительственной резиденции в Крылатском. А Светка не пошла в программисты. Поступила в университет на медицинский факультет. Решила стать физиологом. Очень уж сестренку заинтересовали мои с Егором способности. Она ведь единственная, кто видел тот наш поединок в сороковом на пикнике. При этом Светлана имеет неограниченный доступ к сверхсекретному проекту «Глубина». Учится на втором курсе и работает с Леоном Абгаровичем Орбели в проекте. Мне пришлось набрать на счетноте (так в нашем мире называют портативные компьютеры) все работы Ольги Шлоссер и ее отца. При моей памяти это не составило особой проблемы, но вот время...

Летаю теперь, увы, только раз в неделю, если не реже. Но отрываюсь по полной. Николая Зарубина теперь со мной нет. Не смог я ему отказать и отпустил учиться в центр подготовки космонавтов еще в сорок третьем. У него уже четыре полета на «Восходах» и один на «Союзе». Мне уже доложили, что он — один из первых кандидатов в Лунную программу ООН. Молодец парень!

Глава 11

Явно перестарались! Нет, то, что первый атомный ледокол назвали «ИОСИФ СТАЛИН» — это хорошо, это правильно. Тут мне и сказать нечего, только глубоко поклониться кораблестроителям. Почтили память отца. Но назвать второй, значительно более мощный, который должен стать флагманом атомного ледокольного флота всего мира, «ВАСИЛИЙ СТАЛИН»? Мне же всего двадцать восемь лет...

— Если бы ты знал, Вася, сколько у меня труда ушло, чтобы владивостокские мосты и сахалинскую дамбу твоим именем не назвали, — ухмыляется Синельников, — пришлось согласиться самому на мост через бухту Золотой Рог. Видишь, как я ради тебя жертвую своей фамилией?

Во, жертвенный ты наш! И вечно голодный. Наяривает шашлык под холодную беленькую, не забывая поглядывать, как наши дети штурмуют маленький искусственный водопадик в бассейне. Н-да, времена у нас пошли... Мы с Егором больше сидим с детьми, чем наши жены. Вечно занятые они у нас. Наукой плотно занимаются и руководят своими институтами.

— Вы, Васенька, лучше можете отвечать на их многочисленные вопросы, — утверждает моя Галинка, — вы же с Егором Синельниковым со своей фотографической памятью всю сетевую Советскую энциклопедию в голове держите.

Ну, всю не всю, но кое-что знаем. Пришлось, правда, по методике института, в котором работает сестра, научиться забывать лишнюю информацию. Мозг, он ведь не резиновый. Но вот что ответить нашим любимым почемучкам на их бесчисленные вопросы, мы с некоторым трудом все же находим.

Бумм! Мой племянник-тезка угодил мячиком своему папаше точно в затылок. Звук довольно звонкий. Но надо честно признать, что это не потому, что голова у Синельникова пустая, просто мячик хорошо накачан. Егор оторопело смотрит на пустой хрустальный стаканчик в своей руке, на разлитую водку на своих коленях и оглядывается. Довольный маленький Васька удирает обратно в бассейн прятаться за братьев и сестру. Синельников с

деланым возмущением бросается за сыном. Пойду и я туда, побарахтаюсь с детьми, пока наши жены не приехали с работы и не начали нас всех строить. Порядок в воспитании детей, видите ли, прежде всего! А то мы сами не знаем...

* * *

— Вывод? Прежде всего — постепенно выводить всю промышленность из крупных городов. Оставляем только НИИ, культурные и учебные заведения.

Вчера в Москве уже в который раз была крупная автомобильная пробка. Как Каганович ни старается, развивая общественный транспорт столицы, но перспективы, увы, неутешительны.

— Вообще, надо создать такие условия жизни в крупных городах, чтобы замедлить или остановить в них рост численности населения, — предлагаю я, — если не вообще сделать так, чтобы оно понемногу уменьшалось.

— Как, каким образом? — спрашивает Маленков, наш главный специалист по гражданскому строительству.

— Ну, во-первых, все достижения науки и культуры должны быть доступны населению во всех населенных пунктах страны. От инфосетей (так у нас называют аналог интернета того мира) и других средств связи до нормальных заведений для культурного отдыха. Телевидением страну обеспечили, но не надо останавливаться на достигнутом. Также не стоит забывать о качественном транспорте, — я говорю, и до меня неожиданно доходит, что у меня сейчас те же самые выражения, которые были когда-то у отца, — понимаете, Георгий Максимилианович, народ даже в самом маленьком поселке не должен чувствовать себя оторванным от жизни страны. Тогда он не будет стремиться уезжать из своего дома в большие города, а будет думать, как в своем поселке сделать жизнь лучше. Вот в небольшие города, где есть и будут большие промышленные предприятия, — пожалуйста, пусть едут. А значит, наша основная задача сейчас — качественно улучшить жизнь на селе и в малых городах.

— А в столицах, значит, улучшать не надо, Василий Иосифович? — удивляется Мехлис, наш главный контролер.

— Надо, но медленнее, чем растут зарплаты. А жизнь здесь сделать дороже. Тогда народ сам потянется за своими выезжающими из крупных городов предприятиями в малые. И опять-таки улучшать и удешевлять транспорт. Строить и строить железные дороги и автострасы. Лазарь Моисеевич, — повернулся я к Кагановичу, — Транссиб вы модернизировали. БАМ и Транс-Аляску с Транс-Канадой построили. Когда будет скоростная магистраль между Москвой и Ленинградом?

— Товарищ Сталин, проектные институты работают. Обещают сделать поезд с максимальной скоростью до пятисот километров в час, — во, выпячивает грудь, как будто сам проектирует, — а саму скоростную магистраль мы построим быстро. Поездка между столицами будет длиться не больше двух часов.

Ладно, поверим в очередной раз. Вообще-то Каганович свои обещания обычно выполняет. Зря я к нему придираюсь. С другой стороны, на то и щука в реке, чтобы карась не дремал.

— Георгий Максимилианович, — опять поворачиваюсь к Маленкову, — подумайте, поговорите в министерстве культуры и, — я бросаю взгляд на календарь, — через две недели жду вас с предложениями. Чтобы было уже что согласовывать с Госпланом.

С одной из наших главных проблем — обеспечением народа нормальным жильем — Маленков справился в прошлом году. Сейчас жилищное строительство продолжается уже меньшими, но все равно опережающими, по сравнению с ростом численности населения, темпами. А вот с культурой мы все же отстаем. Нет, конечно, наша страна — первая в этом вопросе, но вот за потребностями народа мы несколько не успеваем. Как я это определил? Элементарно. Среднее потребление крепких напитков хотя и упало почти в два раза по

сравнению с тысяча девятьсот сороковым годом, но это же все равно много. Значит, народу заняться больше нечем. Недорабатываем...

* * *

— Говоришь, постепенно вывести всю промышленность из крупных городов? — На лице Лаврентия Павловича было очень заинтересованное выражение.

— Конечно. И чище будет, и рабочий народ за большими зарплатами в города поменьше потянется.

Берия задумался, а потом сказал:

— Будут освобождаться огромные территории. Это ведь серьезная перестройка пойдет. Василий, а отдай-ка мне Москву.

— В смысле? — не понял я.

— В прямом, — усмехнулся маршал, — давай я займусь реконструкцией центра и постройкой новых районов на месте промышленных предприятий? В конце концов, я же архитектор по образованию. Конечно, многое подзабыл, но я же не сам проектировать буду. Молодежь привлеку.

Мы с заулыбавшимся Егором переглянулись.

— Легко! Тебе и карты в руки, — тут же согласился я. Здесь и раздумывать нечего. Кто лучше нашего Берии с этой задачей справится? Старый конь борозды не испортит! Хотя какой же он старый? Только в прошлом году юбилей отпраздновали.

Пятьдесят один год для мужчины — самый расцвет сил!

Лаврентий Павлович плотоядно потер руки и, как всегда, снял пенсне и помассировал переносицу. В прошлом году он решился и сделал лазерную коррекцию зрения, но по-прежнему носит свой легендарный оптический прибор. Правда, теперь уже с простыми стеклами. Говорит, что привык.

— Сделаем из нашей столицы самый красивый и удобный город мира. Из самого центра выкинем все крупные магазины и старые неудачные жилые дома. Новые строить не будем. Побольше парков и широких магистралей. Некоторые исторические здания придется переместить. А так как заводы вообще уберутся, то и пробки образовываться не будут, — Берия рассуждает, и отлично видно, что эта работа ему по душе, — приглашу итальянских и немного французских архитекторов. Даже немцев задействую для общей перепланировки города.

— А чем тебя, Лаврентий Павлович, наши архитектурные мастерские не устраивают? — спрашивает Синельников, За эти годы и он наконец-то перешел с нашим старшим другом на «ты».

— Понимаешь, Егор, — Берия чуть-чуть задумывается, — у каждой нации есть свои особенности. Немцы распланируют транспортные артерии города так, что движение будет максимально оптимизировано. Французы? У них свое чувство красоты, которое при строительстве зданий дает некоторую изюминку. Италия? У нее еще со времен Римской империи своя, достаточно интересная школа. А у нас, как мне кажется, сейчас слишком много помпезности, монументальности. Я же хочу соединить все школы, взять от них лучшее.

— Да уж, Лаврентий Павлович, — соглашаюсь я с Берией, — тут ты наверняка прав. У каждой нации свои особенности. Вы, друзья, никогда не задумывались, почему в наших домах не наша сантехника, а шведская и норвежская, хотя она процентов на пятнадцать дороже отличной и качественной советской?

Они оба с удивлением глядят на меня. Понимают, что я прав, но не знают почему.

— А потому что глаз радует. Душу их художники в нее вкладывают, а наши не хотят. Советскому человеку дай самолет или танк создать, ракету, в конце концов, дагестанцу — кинжал или саблю. А вот по-настоящему красивый унитаз наш художник-конструктор нарисовать не в состоянии. Не дано.

* * *

— И?

— Запустили! — Синельников светится так, как будто это он лично разработал, спроектировал и собрал подкритический атомный реактор. Светится и в темпе сбрасывает одежду — жарковато сегодня.

— Егорка, а чего вы все вокруг этого реактора так носитесь? — тут же спрашивает Светка, отрываясь от экрана, массируя уставшие от клавиатуры пальцы и в то же время лениво потягиваясь.

Сейчас этот влюбленный тип будет объяснять своей жене проблемы современной ядерной энергетики. А чего здесь сложного? Старая идея из того мира — приспособить к атомному реактору мощный ускоритель элементарных частиц. Реакция в этом варианте получается строго подконтрольной, абсолютно безопасной, а уж плюсов... Высочайшая концентрация делящихся ядер — почти сто процентов, при двух-пяти в старых реакторах и при двадцати — в реакторах на быстрых нейтронах. А в качестве делящегося материала кроме урана — нынешние радиоактивные отходы и торий, запасы которого у нас просто фантастические. В одной только РСФСР свыше полутора миллионов тонн. Реальное уменьшение количества радиоактивных отходов — в десятки раз. Все хорошо, одно плохо — нужен относительно дешевый, небольшой, но мощный ускоритель. А где его взять? В том мире над этим работали, но в начале девяностых, когда СССР развалился, забросили. Дорогое это удовольствие — заниматься такими проблемами. А у нас бюджет позволяет. Семь лет работы тысяч ученых и инженеров — это имея всю информацию из того двадцать первого века — и вот он результат — модульный компактный ускоритель на обратной волне⁷⁷. Еще пара лет напряженной работы, и подкритический реактор у нас наконец-то запустили. Теперь можно считать энергетическую проблему на Земле решенной. Ну как минимум на две-три сотни лет. А там, глядишь, и холодный термояд получают. Во всяком случае, наши физики-теоретики во главе с Альбертом Эйнштейном, Нильсом Бором и Львом Ландау считают это возможным. Но, увы, не сегодня. Совершенно по-другому обстоит дело с газо-фазными ядерно-реактивными двигателями. Наши инженеры накинулись на не доведенные разработки того СССР и обещают уже не экспериментальные образцы, а серийные года через три, к тысяча девятьсот пятьдесят восьмому. Вот на нем наши космонавты на Марс и полетят.

Во, пока я размышляю о прогрессе, эти голубки уже целуются, как будто недавно познакомились и не имеют пятерых детей. С которыми сейчас ну очень плотно общается моя жена. Соответственно, и с нашей четверкой. Минут через двадцать Галина приведет всю эту ораву сюда, к большому бассейну правительственной резиденции. Так, бумажных документов здесь нет, мой и Светкин счетноты водонепроницаемы. Брызг ведь будет... Счетнот? Так здесь сократили название счетблокнота. В том мире эти портативные ЭВМ называли ноутбуками. А мы, по возможности, отказались в названиях вычислительной техники от всяческих англицизмов...

* * *

— Нет, товарищ Колужный, мне нужен проверенный образец ускорителя на обратной волне спутникового базирования именно для военного применения. Не просто проверенный, а полностью испытанный и готовый к производству.

— Василий Иосифович, но зачем? И какой завод готовить?

⁷⁷ Не совсем это и фантастика. Попробуйте поискать в интернете информацию о модульном компактном ускорителе на обратной волне (BWLP)

Я посмотрел в глаза директора отраслевого НИИ. Он явно думает, что мы собираемся с кем-то воевать. Конечно, собираемся! Только не здесь, а там. Один удар с орбиты выведет из строя ядерное оружие или атомный реактор. Стандартная защита против мощного пучка нейтронов — как картонка против японской катаны. Может быть, мы и не будем вести полномасштабную войну, а только запугаем вероятного противника в том мире.

— Государственная необходимость. Соберете, выведете на орбиту, испытаете на спецмишенях, при необходимости доработайте, затем передадите мне весь пакет документации со всеми нюансами. Опытный образец после этого уничтожить. Никакое производство под серийный выпуск не готовить, — не стану же я объяснять, что документация нужна мне для проекта «Глубина».

Ученые бьются над проблемой связи с тем миром уже двадцать лет. Начали сразу, как только у нас появилась вычислительная техника достаточного для этой работы уровня. Пока существенных успехов, увы, нет. Вот по теории профессора Шлоссера кое в чем продвинулись. Возглавляемый Светкой институт мало того что еще на десяток процентов поднял «коэффициент выживаемости», но и нашел некоторые возможности применения его к обычным людям. Лет через десять обещают научиться рак и всяческие артриты излечивать.

Связаться пока не получается, но мы готовимся. Готовим людей и информацию. Мы уже обошли тот мир технологически. Ну, во всяком случае, известный нам на момент моего десантирования уровень. Надежда, как говорится, умирает последней. Я не прекращу работу над «Глубиной», пока буду жив. В конце концов, это же еще и развитие науки. Самому мне, как выяснилось, и Егору уже никогда туда не вернуться. В институте, которым руководит сестренка, это доказали. Что-то там такое, связанное с информационным перенасыщением мозга. Но мы же и не хотим возвращаться, мы хотим только помочь нашему первому миру выбраться из той трясины загнивания, куда его постепенно затягивает.

* * *

— Темп, темп и еще раз темп! — Лаврентий Павлович смотрит на экран своего счетнота, что-то поправляет, привычно и ловко работая мышкой и на клавиатуре.

— Чем меньше времени у нас уйдет на подготовку переворота, тем меньше вероятность выхода на сторону лишней информации. Следовательно, никаких полгода-год. Максимум — месяц, оптимально — неделя, — маршал отрывает взгляд от экрана и критически смотрит на нас с Синельниковым, — сколько времени у вас ушло на вживание?

— Начальное, чтобы въехать в темп, часа четыре. Относительно полное, — Егор на секунду задумывается, — дней пять.

Глаза за круглыми стеклами пенсне перенацеливаются на меня.

— Двадцать минут и три часа. Но я уже знал, что и как надо делать.

— Вот! — Лаврентий Павлович в классическом жесте учителя поднимает вверх указательный палец. — Значит, наши десантники к перемещению готовы. А все подготовительные операции, все, что возможно, мы обязаны сделать здесь и только потом начинать заброс с максимально быстрыми действиями сразу, как только начальный этап операции будет завершен.

У нас до сих пор нет связи с тем миром. Но мы готовимся, мы почти готовы помочь ему. Оборудование для пробоя и десантирования отлажено. Группа преданных нашему делу патриотов давно набрана. В основном это старые, уже отошедшие от дел, заслуженные офицеры СГБ. Причем они о нас с Егором знают все. Историю того мира и все, что мы сделали здесь. Знают, верят и горят желанием оплатить наши долги там. Отлично понимают, что без вмешательства оттуда здесь творилось бы то же самое. К особым архивам УСИ у них доступ полный. Понимают, что это и их собственные долги.

— Итак, — Берия взгляделся в экран своего счетнота, — пошли по пунктам. Деньги? Наши программисты из института твоей жены, — маршал посмотрел на меня, — за несколько их часов сделают любую необходимую сумму. Эти их электронные биржи...

Взломают наши ребята любые серверы, вплоть до банковских. Как я понимаю, связать интернет и нашу инфосеть через аппараты пробоя никакой сложности не представляет?

Мы с Синельниковым синхронно кивнули. В общем-то, маршал наверняка прав. По уровню информационных технологий мы догнали тот мир еще лет семь-восемь назад и стремительно движемся вперед. А ведь у нас будет еще одно неоспоримое преимущество — мы через аппаратуру пробоя сможем в режиме реального времени наблюдать за многими ключевыми точками того мира. И не только наблюдать, но и воздействовать. Причем не только информационно. В конце концов, достаточно мощное излучение ТВЧ⁷⁸ человеческий мозг просто не перенесет.

— Разместить заказы на западных же предприятиях с учетом предоплаты мы тоже сможем через этот Интернет?

Мы опять киваем. Они там сами сделают все необходимые блоки для боевого спутника. Нашим десантникам после перемещения останется только забрать заказы, собрать и протестировать. Хотя последнюю операцию можно будет дистанционно сделать отсюда.

— Значит, самое сложное — это подмена спутника и запуск оружия на орбиту. Но там ведь, как вы оба утверждаете, основные методы надзора — электроника. А ведь мы сможем отсюда с легкостью контролировать ее. Я правильно понимаю, что через аппаратуру пробоя можно «садиться» прямо на внутренние шины серверов того мира?

В этот раз мы не просто переглянулись с Егором. Идея Берии была просто великолепна! Работая в проекте «Зверь» того мира, мы даже не задумывались о такой возможности. Ведь здесь компьютеров тогда еще не было. А ведь это ничем принципиально не отличается от того способа, каким Горин и Малышев наводили сигнал прямо на входной контур фототелеграфа, теле- или радиоприемника.

* * *

Мне нравится смотреть на мою Галку. Мы столько лет вместе, а мне все равно нравится. Смотреть в эти пронзительно-синие глаза. Тонуть в них. Видеть ее лукавую улыбку. А уж вся Галинкина ладная фигурка... Эта соблазнительная складка между по-прежнему упругих полных грудей. Этот ее взгляд, обещающий очень много. Ее небольшой животик рожавшей женщины. А Галкины бедра сводят меня с ума. Жена пополнила немного за последние годы, но это ей только идет. Как мне нравится раздевать мою женщину. Путаюсь во всех этих застежках, но зато сколько удовольствия! А потом... Ее нежные ласковые ладошки. Ощущение всего ее красивого молодого тела на себе. Всего несколько касаний, и я разогрет до белого каления. А какие у нее губы... Какая она у меня горячая и везде...

А утром... Завтра суббота, и моя жена наконец-то выспится. Ей не надо будет, поцеловав меня и детей, мчаться сломя голову в свой Институт информационных технологий, научным руководителем которого Галина стала еще восемь лет назад. Стала не потому, что замужем за высшим руководителем ведущей державы мира. Умная она у меня и работает много. Я-то всегда высыпаюсь, мне много не надо. Но завтра утром я буду лежать тихо, чтобы не разбудить свою любимую. Надо только натянуть плавки самому и аккуратно, чтобы не потревожить, достать из прикроватной тумбочки чистые трусики и надеть их на Галинку. Потому что наши дети, как всегда по субботам и воскресеньям, вообще в любой выходной или праздничный день, когда родителям не надо на работу, придут и заберутся в нашу постель. Это Лаврик и Егорка еще небольшие, шесть и семь лет моим маленьким пострелятам. Ёске-то уже пятнадцать. А Натали вообще уже невеста — почти девятнадцать лет как-никак. Но они все равно придут все и заберутся к нам. А мы с женой будем балдеть от счастья...

⁷⁸ токи высоких частот

* * *

Ну, вот и все... «Финита ля комедия». Нашим надеждам, увы, не суждено сбыться. Они и так с каждым прошедшим годом убывали, а теперь... Очередной прорыв советских ученых в теории пробоя между мирами ставит жирный крест на всех наших чаяниях. Черт бы все побрал! Восемь, максимум девять лет нашего времени или два с мелочью года там, и связаться с тем миром будет уже невозможно. Эта разная скорость течения времени... «Коэффициент сопряжения превысит пороговое напряжение». Слишком далеко разойдутся наши миры. Лучше бы они нашли необходимые параметры пробоя. А ведь мы старались. Тысячи ученых, инженеров и специалистов СГБ готовы немедленно приступить к непосредственной работе по всем основным и резервным операциям проекта «Глубина». Разработано и испытано оружие, которое нам самим совершенно не требуется. Найдены и отработаны способы перехвата управления любыми электронно-вычислительными системами. Разобрались даже, как через канал связи временно подавить высшую нервную деятельность человеческого головного мозга. Вырубить там на несколько часов или суток любых мешающих проведению переворота людей. И вот теперь все это коту под хвост! И мы уже никогда не сможем вернуть долги... Та Россия, та Родина... Юрий и Катенька Викентьевы, Ольга Шлоссер, Дима Горин и Коля Малышев, дочка и внуки... Как вы там? И простите меня, если сможете. Поверьте, я пытался... Я сделал все, что было в моих силах... Черт возьми, даже нажраться с горя не могу! Не дано, увы...

* * *

Плачущий маршал Советского Союза Синельников? Да, такого я не видел никогда. Сам еле удерживаю слезы. У Лаврентия Павловича неоперабельный рак печени. Слишком поздно заметили. Он не обращал внимания на неприятные ощущения, а боли на всех этапах этой болезни, кроме самого последнего, почти нет. Теперь остались считанные месяцы. Как мы будем жить и работать без него, я просто не представляю. Все эти два десятка лет он заменял мне отца. Вознес на самую вершину власти. Помогал править державой и направлял в нужную сторону. А самое важное — был другом!

— Сделать вообще ничего нельзя? — я спрашиваю, уже заранее зная ответ.

Ревущая Светка отрицательно качает головой. Ей в этом вопросе доверять можно. Доктор медицинских наук и руководитель ведущего института. Собственно говоря, что такое рак печени, мне и самому известно. Но верить в то, что в ближайшие месяцы мы останемся без нашего Бери, я не хочу. Эх, Лаврентий Палыч, Лаврентий Палыч... Ну почему тебе всегда надо было самому лезть к работающему реактору, чтобы разобраться в какой-то мелкой неисправности?! Лично проверять качество переработки ядерных отходов? Вот постепенно доза радиоактивного облучения и набралась. Твое же дело было только руководить...

Зеленый абажур лампы отбрасывает круг света на письменный стол. Кремлевский кабинет, который достался мне от отца. Уже двадцать лет я работаю здесь. Здесь почти ничего не изменилось. Только добавились парочка огромных плазменных панелей, на которые очень удобно выводить любую информацию, от карт до телевидения, и маленький столик с тремя удобными креслами. Прямо напротив письменного стола стоит старый ламповый телевизор. Его сюда еще при отце установили. В сорок седьмом он сломался, и его хотели заменить, но я запретил. Приказал отремонтировать. Когда-то, еще будучи полковником ФСБ, на экран именно этого телевизора я выводил отцу сверхсекретные документы из архивов КГБ того мира. Показывал кое-какие фильмы для служебного пользования, а сам внимательно наблюдал за его реакцией. Мое распоряжение выполнили и даже модернизировали аппарат. Внизу телевизора теперь горит красный светодиод дистанционного управления, а в нижнем ящике стола валяется пульт. В углу кабинета

отсчитывают время старинные напольные часы. Вот они за все эти годы ни разу не остановились. Все также без единого перерыва качается маятник, тихонько пощелкивая анкером. А за окном шумит и светится многочисленными огоньками вечерняя Москва. Моя Москва. Нет, тот Питер я по-прежнему люблю. Но столица мне все-таки за эти годы стала ближе. Самый красивый город мира. Лаврентий Павлович отлично справился с последним делом своей жизни. Мы сами не ожидали, что получится так здорово. В центре — старинные здания, парки и огромный памятник моему отцу. Большинство улиц сделаны пешеходными. Жители и гости столицы очень любят гулять по нашему городу. На Красной площади частенько выступают лучшие ансамбли и певцы страны. Вот и сейчас оттуда доносится старая знакомая мелодия песни «Любэ».

Выйду ночью в поле с конем,
Ночкой темной тихо пойдем,
Мы пойдем с конем по полю вдвоем.

Ночью в поле звезд благодать,
В поле никого не видать,
Только мы с конем по полю идем.

Сяду я верхом на коня,
Ты неси по полю меня,
По бескрайнему полю моему.

Дай-ка я разок посмотрю,
Где рождает поле зарю,
Ай, брусничный свет, алый да рассвет,
али есть то место, али его нет.

Полюшко мое, родники,
Дальних деревень огоньки,
Золотая рожь да кудрявый лен,
я влюблен в тебя Россия, влюблен.

Будет добрым тот хлебород,
Было всяко, всяко пройдет,
Ой, златая рожь, ой, кудрявый лен,
Пой о том, как я в Россию влюблен,

Ой, златая рожь, ой, кудрявый лен.
Мы идем с конем по полю вдвоем.
Мы идем с конем по полю вдвоем...

Неожиданно светодиод на старом телевизоре погас, и из динамиков послышалось шипение. Опять сломался... или? Не может быть! Может!!! На пульте чрезвычайного оповещения ярко замигал красный огонек. Следящей аппаратурой обнаружен канал связи оттуда! Автоматика уже наверняка определила все численные значения параметров пробоя. В огромном здании проекта «Глубина» взывают сирены. Дежурные сломя голову уже несутся к мониторам непосредственного наблюдения. Тысячи специалистов поднимаются по тревоге. Все службы СГБ в состоянии боевой готовности. Операция начинается! Мы все-таки успели!!!

Лампы этого чертова телевизора когда-нибудь прогреются? Ну наконец-то! Я узнал ее мгновенно. Такое знакомое лицо. Но почему она плачет? Катенька. Катерина Викентьева...

— У вас есть выбор?

Президент с премьером переглянулись. Всего несколько месяцев назад они опять поменялись должностями, совершенно не собираясь отдавать кому-либо власть в этой самой большой, но, увы, не самой богатой сегодня державе планеты. И вот пришел какой-то мальчишка и заявляет, что их время кончилось. Мало того что совершенно непонятно, как он проник в резиденцию, так еще и многочисленная охрана не отзывается на неоднократные нажатия тревожных кнопок в карманах. А вынутая из кобуры и положенная на стол в трех метрах от них «Гюрза» все-таки заставляет их выслушивать этого парня.

— На что вы рассчитываете? — решил спросить президент. — Вы же вызовете противодействие на всех уровнях, включая международный.

— Вы думаете, что Штаты решатся на войну? — усмехнулся парень. — Обломаем. Ну, рванет еще парочка реакторов. Но теперь уже не на их подводных лодках и авианосцах, а на атомных станциях. Им нужны многочисленные Чернобыли на своей территории?

Да, тепловые, хорошо что не ядерные, взрывы реакторов на трех атомных подводных ракетносцах и флагмане самой мощной авианосной ударной группировки американского флота вызвали мало того что жуткие скандалы в ВПК Штатов, но, главное, они напугали весь мир. Почему идут вразнос многократно отработанные и проверенные реакторы? Эксперты пытаются разобраться, но к однозначному выводу о причинах взрывов пока прийти не могут. Плюс еще неожиданно на нескольких атомных электростанциях США обнаружена некоторая нестабильность работы все тех же основных энергетических блоков, что привело к немедленной остановке реакторов. Нехватка энергии подняла цены на нефть и газ во всем мире до небес!

Кого-то этот парень президенту напоминает. Вот только кого? Почему он иногда, сам не замечая этого, привычно массирует переносицу, как будто носит очки? И вообще, весь вид этого молодого человека, манера движений, разговора выдавали в нем Власть. Именно что с большой буквы. Причем власть никак не ниже их собственного уровня, если не выше.

— Нет, до тех пор, пока вы не объясните, чего и какими способами хотите добиться, я ничего подписывать не буду, — президент отлично понимал, что никто его сейчас расстреливать не будет. Времена дворцовых переворотов давно миновали. Того, что творилось в середине двадцатого века при Сталине, когда могли убрать любого, самого высокопоставленного чиновника, уже никогда не повторится. Сейчас ведь даже не девяносто первый или девяносто третий годы прошлого, двадцатого века. Не решится он стрелять, как бы решительно не выглядел. Впрочем, он же все равно гарантировал им с премьером жизнь, если они подпишут эти проклятые бумаги.

Парень усмехнулся и опять привычно помассировал переносицу.

— Хорошо, я отвечу. Вы, надеюсь, помните проект «Зверь»?

Президент с премьер-министром опять переглянулись. Шестилетней давности проект, на который было столько надежд, так неудачно закончившийся и чуть не приведший к Третьей мировой.

— Он, увы, не оправдал затраченных инвестиций, — ответил премьер-министр.

— Вы в этом уверены? — лицо парня было серьезным. — У вас все получилось. Отлично там получилось. Здесь, как мне кажется, будет ничуть не хуже.

Вот теперь до президента дошло, на кого так походит повадками их с премьером собеседник. Сбивала юность парня — года двадцать два на вид, двадцать три, не больше. Не очки он привык носить, а пенсне. В молодости, работая в КГБ, нынешнему Верховному главнокомандующему Российской Федерации не раз приходилось видеть фотографии и кинокадры с Лаврентием Павловичем Берией. Немного подумав, президент понял, что выбора у них действительно нет. Он достал свой «паркер» с золотым пером, по очереди подписал все документы и пододвинул их премьеру. А может быть, так будет лучше? Ну как

минимум для державы и ее народа?